PG 3011
.K55
1859

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class

Book

YUDIN COLLECTION

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ

ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

Kolbasin, E.
Literaturnye deiateli

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДѢЯТЕЛИ

prezhniago vremeni

ПРЕЖНЯГО ВРЕМЕНИ.

Е. КОЛБАСИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книжнаго магазина А. И. Давыдова.

1859.

PGR 81
.K6
PG3011
.K55
1859

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, октября 17 дня 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ МАРТЫНОВЪ,

ПЕРЕВОДЧИКЪ «ГРЕЧЕСКИХЪ КЛАССИКОВЪ».

ГЛАВА I.

Вступленіе. — Первоначальное образованіе Мартынова. — Полтавская Семинарія и поднесеніе оды архіепископу Амвросію. — Предписаніе Императрицы Екатерины Великой. — Москва. — Митрополитъ Платонъ. — Ник. Ник. Бантышъ-Каменскій. — Пріѣздъ въ Петербургъ. — Первое знакомство съ Сперанскимъ. — Переводы для книгопродавцевъ. — Проповѣдь. — Одобреніе Сперанскаго. — Неудавшаяся поѣздка въ Голландію.

Лицо, на которомъ мы хотимъ остановить вниманіе читателя, заслуживаетъ полнаго уваженія по своей живой, симпатической личности, замѣчательнымъ трудамъ и соприкосновенію съ знаменитостями прежняго времени. Мартыновъ извѣстенъ въ исторіи русской литературы, какъ переводчикъ «Греческихъ Классиковъ» и издатель четырехъ періодическихъ журналовъ. Но онъ еще болѣе замѣчателенъ, какъ полезнѣйшій образованный гражданинъ, который участвовалъ въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія, въ то время, когда основывались министерства, преобразовывались и созидались университеты, лицеи, институты, когда дѣйствовали Карамзинъ, Сперанскій и другіе. Это былъ человѣкъ изуми-

тельной дѣятельности, глубокій практикъ и ученый теоретикъ, журналистъ и краснорѣчивый профессоръ, о которомъ сказано въ одномъ повременномъ нѣмецкомъ изданіи (*), что «чтенія его такъ много посѣщало военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, что прежній учебный залъ сталъ уже слишкомъ тѣсенъ для помѣщенія» (**). Кромѣ того, онъ былъ первый директоръ только что возникшаго юнаго Департамента Народнаго Просвѣщенія, школьный товарищъ и другъ незабвеннаго Михаила Михаиловича Сперанскаго. Наконецъ, это былъ, говоря безъ всякихъ риторическихъ фразъ, первый подвижникъ русскій, отважившійся, несмотря на величайшія трудности въ предпринятомъ дѣлѣ, перенести богатство Эллады въ горячо любимую имъ Россію. И этотъ огромный трудъ онъ совершилъ одинъ, въ свободное время отъ службы и при самомъ холодномъ равнодушіи тогдашней публики, лѣниво и неохотно взиравшей на его полезное изданіе. Въ одномъ

(*) *Russland unter Alexander den I-ten*, стр. 140, кн. V, 1804 г. Журналъ этотъ издавался академикомъ Шторхомъ.

(**) Это было въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ. Мартыновъ, обремененный и безъ того дѣлами, по званію директора департамента, долженъ былъ, по настоятельной просьбѣ тогдашняго попечителя, Ник. Ник. Новосильцова, преподавать здѣсь эстетику. Огромное стеченіе слушателей заставило, дѣйствительно, начальство института устроить залъ съ хорами въ зданіи Коллегіи. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что эстетика въ русскихъ университетахъ начала преподаваться только со времени учрежденія Министерства Просвѣщенія. Слушать курсы наукъ въ институтѣ позволено было всѣмъ, кому угодно.

только учебникѣ «Россійской Словесности» упоминается, что Мартыновъ-де переводилъ книги и былъ «директоромъ *Канцеляріи* Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ самомъ учрежденіи коего принималъ важное участіе» (*).

Но какого рода было это участіе, долго ли оно продолжалось и въ какой степени — нигдѣ и никѣмъ не упоминается, равно какъ и то, какіе онъ журналы издавалъ, что это были за журналы, что за человѣкъ-былъ самъ издатель. А человѣкъ-то онъ очень замѣчательный, который вполнѣ заслуживалъ, чтобы представить полную его біографію и такимъ образомъ узнать его литературную, общественную и частную жизнь. Если разсмотрѣть его заслуги, какъ литературѣ, такъ и просвѣщенію вообще, нынѣ забытыя и неизвѣстныя, тогда само собою опредѣлится и то мѣсто, которое онъ долженъ занять въ ряду другихъ нашихъ дѣятелей.

Благодаря прекраснымъ матеріаламъ, которые вручены намъ довѣренностью одного изъ его наслѣдниковъ (**), весьма подробнымъ запискамъ, составленнымъ самимъ покойнымъ, его замѣткамъ, перепискѣ и разсказамъ лицъ, знавшихъ его коротко, постараемся, по мѣрѣ силъ, воздать должное этому благородному отжившему дѣятелю, столь замѣчательному и такъ мало извѣстному.

(*) «Учебная Книга Россійской Словесности», г. Греча. Спб. 1822 г. Стр. 530.

(**) Сыномъ покойнаго, надворнымъ совѣтникомъ Кон. Ив. Мартыновымъ, которому и приносимъ здѣсь искреннюю благодарность.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ родился въ Полтавской губерніи, въ Переволочнѣ, въ 1771 г. Отецъ его, дворянинъ по происхожденію, былъ священникомъ Николаевской церкви. Лишась отца еще въ малолѣтствѣ, Мартыновъ, на пятомъ году отъ роду, отданъ былъ своей матерью учиться русской грамотѣ къ писарю, у котораго онъ прошелъ букварь, часословъ и псалтырь. Словомъ, у писаря онъ научился тому, что считалось по тогдашнему необходимымъ для первоначальнаго обученія, чему учились не только дѣти, приготовлявшія себя къ духовному званію, но также и дѣти небогатыхъ дворянъ. На девятомъ году, его опредѣлили въ Полтавскую Семинарію, незадолго передъ тѣмъ учрежденную знаменитымъ своею ученостію архіепископомъ Евгеніемъ Булгаромъ, который, по собственному желанію, былъ тогда уже уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ по управленію эпархіею и доживалъ дни свои въ Петербургѣ. Этотъ архипастырь, какъ увидимъ впослѣдствіи, занималъ важную роль въ жизни Мартынова. Общество его было, между прочимъ, полезно для будущаго эллиниста тѣмъ, что преосвященный Евгеній по русски не зналъ, былъ всегда окруженъ обществомъ грековъ, и съ нимъ не иначе можно было объясняться, какъ на французскомъ, латинскомъ, греческомъ (древнемъ и новомъ) и турецкомъ языкахъ.

Мартыновъ съ ранней юности обнаружилъ отличныя способности. Сверхъ главныхъ предметовъ, которыми почитались тогда латинская и россійская грамматика, поэзія, риторика, философія и богословіе,

онъ выучился въ Полтавской Семинаріи основательно греческому языку и нѣсколько нѣмецкой грамматикѣ. Онъ часто получалъ награды за свои успѣхи въ наукахъ. На одномъ экзаменѣ, въ присутствіи молдавскаго господаря Маврокордато и именитой публики, онъ получилъ отъ преосвященнаго Никифора нѣсколько серебренныхъ рублевиковъ и двѣ книги: «Новый Завѣтъ», на греческомъ и латинскомъ языкахъ, за успѣхи въ греческомъ языкѣ, и Баумейстерову физику, на русскомъ языкѣ, за превосходные успѣхи въ философіи. Это было то добродушное время конца прошедшаго столѣтія, когда все дѣлалось просто, семейно и нерѣдко отличнѣйшихъ награждали поощрительнымъ словомъ, кольцомъ, снятымъ съ начальническаго пальца, порой и завтракомъ, приготовленнымъ у начальства.

Обучаясь самъ, Мартыновъ, будучи еще въ риторическомъ классѣ, могъ уже обучать другихъ русской и латинской грамматикѣ, а потомъ поэзіи и риторикѣ. Онъ училъ другихъ всему, что самъ зналъ, безъ всякой платы. Потомъ, когда слава его, какъ учителя, увеличилась, онъ *вышелъ на кондицію*. Подъ этимъ терминомъ разумѣлось тогда слѣдующее: переселиться изъ бурсы на собственную квартиру, нанимаемую изъ получаемой платы отъ учениковъ, завестись небольшимъ хозяйствомъ и имѣть своихъ слушателей. Это, впрочемъ, дозволялось только лучшимъ и надежнымъ воспитанникамъ. Иногда мѣстное начальство, въ видѣ сокращенія расходовъ, само старалось объ этомъ, въ особенности относительно такъ называемыхъ несвоекоштныхъ

воспитанниковъ. Такимъ образомъ, Мартыновъ содержалъ себя кондиціею; ученики его жили вмѣстѣ съ нимъ, или же приходили къ нему съ другихъ квартиръ. Изъ этихъ учениковъ впослѣдствіи нѣкоторые стали извѣстны (*).

Между тѣмъ, Мартыновъ, кончивъ курсъ философіи, т. е. логики, метафизики, физики и нравоученія, былъ переведенъ въ классъ богословскій. Къ этому времени надо отнести его страсть писать стихи. Говоримъ *страсть* оттого, что долго потомъ, втеченіе всей жизни, онъ не оставлялъ этой поэтической привычки — выражать стихомъ все, что поражало его въ исторіи, въ театрѣ, въ обществѣ, въ литературѣ и въ жизни. Объ этомъ мы будемъ еще говорить въ

(*) Покойный Иванъ Ивановичъ Мартыновъ болѣе всѣхъ гордился Исидоромъ Мойсеевымъ, который, пріѣхавъ въ Петербургъ для усовершенствованія себя въ медицинскихъ наукахъ, перевелъ съ латинскаго на русскій языкъ «Начальныя основанія ботаническаго словоизъясненія и брачной системы растеній», соч. Якова Пленка. (Спб. 1798.) Сочиненіе это, послѣ поправки и перевода техническихъ греческихъ терминовъ, сдѣланныхъ Мартыновымъ, было напечатано по одобренію Медицинской Коллегіи. Выдержавъ блистательнымъ образомъ экзаменъ, Мойсеевъ, по окончаніи курса, посланъ былъ врачемъ въ армію во время итальянскаго похода. Изъ чужихъ краевъ онъ переписывался съ своимъ учителемъ и прислалъ ему собственноручныя письма Пленка, писанныя на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ этотъ извѣстный въ свое время ученый отдавалъ полную справедливость дарованіямъ и свѣдѣніямъ молодаго Мойсеева. Но, съ полученіемъ отъ него послѣдняго письма изъ Италіи, Мартыновъ потерялъ его изъ виду.

своемъ мѣстѣ, теперь же замѣтимъ, мимоходомъ, что Мартыновъ не придавалъ никакого значенія своимъ стихотворнымъ произведеніямъ. Но стихамъ онъ обязанъ былъ тѣмъ, что сдѣлался лично извѣстнымъ новому начальнику эпархіи архіепископу Амвросію, которому нашъ юный студентъ, въ день его тезоименитства, поднесъ оду собственнаго сочиненія.

Стихи, какъ впослѣдствіи сознавался самъ авторъ ихъ, были плохи; но архипастырю они понравились: онъ обласкалъ, расхвалилъ сочинителя и пожаловалъ ему 25 рублей. По тогдашнему времени, это составляло большую сумму, и, какъ пишетъ самъ Мартыновъ, товарищи его долго не хотѣли вѣрить такой необыкновенно щедрой наградѣ. Кромѣ того, преосвященный Амвросій подарилъ ему еще риторику собственнаго сочиненія, примолвивъ: «Вотъ и я, въ свое время, занимался сочиненіями. Продолжай. Богъ благословитъ твои труды.»

Это было первое важное событіе въ жизни Мартынова. Ободренный, обласканный, онъ не щадилъ силъ, чтобы успѣхами своими обратить на себя еще большее вниманіе архипастыря. Случай къ этому скоро представился. Ректоръ семинаріи, архимандритъ Гавріилъ, преподававшій греческій языкъ, по болѣзненному состоянію, отказался отъ своей каѳедры и на мѣсто себя представилъ Мартынова, какъ вполнѣ достойнаго занять его мѣсто. Происшествіе это было великимъ торжествомъ для юнаго студента, который, будучи самъ въ богословскомъ классѣ, преподавалъ, такимъ образомъ, греческій языкъ въ

низшихъ классахъ. Все это происходило въ началѣ 1788 г.; слѣдовательно, ему еще не было полныхъ семнадцати лѣтъ. Но въ этомъ же году совершились событія болѣе для него важныя.

Архіепископъ Амвросій, такъ же, какъ архіепископы другихъ эпархій, получилъ Высочайшее повелѣніе Императрицы Екатерины II отправить въ С.-Петербургскую Александро-Невскую Семинарію трехъ или четырехъ лучшихъ студентовъ, для образованія въ учители. Онъ посылаетъ за своимъ любимцемъ Мартыновымъ и спрашиваетъ, желаетъ ли онъ ѣхать. «Вопросъ сей — пишетъ Мартыновъ — произвелъ во мнѣ такое восхищеніе, что не только слова мои, но и вся наружность моя показывала желаніе мое ѣхать въ столицу. Преосвященный, замѣтивъ это, сказалъ съ улыбкою: «Очень хорошо; но ты мнѣ здѣсь нуженъ: ты занимаешь греческій классъ.» Неожиданное сіе возраженіе послѣ столь лестнаго предложенія исторгло у меня слезы; я плакалъ и просилъ не лишать меня сего счастія. Убѣдясь моею усильною просьбою, преосвященный согласился послать меня и спросилъ, кого бы я считалъ еще достойнымъ такого назначенія. «Товарищи — сказалъ онъ — лучше могутъ знать другъ друга, какъ по дарованіямъ, такъ и по поведенію.»—Мартыновъ, подумавъ, смѣло наименовалъ троихъ: Стефановскаго, Илличевскаго и Котляревскаго (*).

(*) Иванъ Петровичъ Котляревскій послѣ сдѣлался извѣстнымъ «Энеидою», перелицованною на малороссійское нарѣчіе. Илличевскій сдѣлалъ большую карьеру въ гражданской службѣ. Стефановскій менѣе всѣхъ успѣлъ. Онъ умеръ въ Полтавѣ, въ званіи протоіерея.

Скоро молодые люди были отправлены въ Петербургъ. Но будущій малороссійскій поэтъ, имя котораго впослѣдствіи сдѣлалось извѣстно каждому любителю украинской поэзіи, Котляревскій, былъ въ то время въ отсутствіи; товарищи долго его искали и не могли нигдѣ найти. Былъ ли онъ отправленъ вмѣстѣ съ ними, или нѣтъ, положительнаго нельзя ничего сказать, и въ запискахъ Мартынова говорится объ этомъ глухо. Для полноты біографіи, не мѣшаетъ замѣтить, что одно маленькое обстоятельство чуть было не разрушило плановъ Мартынова, сгаравшаго желаніемъ видѣть столицу. Отчасти по разсѣянности, отчасти по дорожнымъ хлопотамъ, онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами, забылъ проститься съ ректоромъ. Но каковъ былъ ужасъ молодыхъ людей, когда первое слово преосвященнаго было: со всѣми ли они простились, были ли у ректора? Узнавъ совершенно противное, архипастырь пришелъ въ справедливое негодованіе, пристыдилъ въ особенности Мартынова, сказавъ ему, что ректоръ рекомендовалъ его на свое мѣсто, и прибавилъ, что если они не привезутъ письменнаго удостовѣренія отъ него, что онъ ихъ прощаетъ, то пусть не надѣются и на его прощеніе. Молодые люди плакали, укоряли другъ друга и уже отчаявались быть посланными въ Петербургъ, зная крутой нравъ ректора. Къ счастью, все кончилось благополучно.

Путешествіе свое отъ Полтавы до Москвы Мартыновъ описалъ въ своемъ сочиненіи *Филонъ*, помѣщенномъ въ «Музѣ», журналѣ, который онъ из-

давалъ 1796 г. (*) «Филонъ» этотъ написанъ въ юмористической формѣ; но юморъ былъ чуждъ переводчику классиковъ, почему и все описаніе вышло слабо. Нечего и говорить, какія мечты должны были обуревать пылкую душу Мартынова, который такъ много ждалъ отъ своей поѣздки, хотѣлъ видѣть знаменитыхъ тогдашнихъ людей, ораторовъ, писателей, ученыхъ.

Въ доказательство же того, что слова эти основаны не на предположеніи, скажемъ, съ какой нетерпѣливой жадностью Мартыновъ, по пріѣздѣ въ Москву, желалъ видѣть россійскаго Златоуста — какъ его тогда называли — митрополита Платона. Онъ самъ пишетъ, что ловилъ всѣ черты лица его, всѣ движенія, каждое слово. Онъ слышалъ проповѣдующаго Платона два раза и говоритъ, что онъ уже былъ тогда сѣдъ, но сѣдина умножала сановитость наружнаго его вида; для проповѣданія онъ выходилъ обыкновенно на средину церкви и, несмотря на толпу тѣснившагося около него народа, виденъ былъ съ амвона и слышенъ въ дальнемъ разстояніи. Величественное произношеніе его, по свидѣтельству Мартынова, много походило на торжественное произношеніе французскихъ трагиковъ, чему онъ учился у знаменитаго Дмитревскаго.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ, Мартыновъ, съ любопытствомъ, доходящимъ до благоговѣнія, посѣщалъ Московскій Университетъ, единственный тогда въ цѣлой Россіи, и два раза былъ

(*) «Муза, ежемѣсячное изданіе», части I, II, III и IV. Спб. 1796 г.

въ театрѣ. Университетъ и театръ произвели на него самое сильное впечатлѣніе. Театръ, въ первый разъ имъ видѣнный, привелъ его въ восхищеніе (впослѣдствіи онъ былъ самымъ тонкимъ цѣнителемъ сценическаго искусства, и критическаго пера его, впрочемъ довольно благосклоннаго, трепетали служители Терпсихоры). Отъ лекцій же московскихъ профессоровъ, слышанныхъ имъ урывками во время краткаго своего пребыванія въ Москвѣ, онъ былъ, по собственному его выраженію, на седьмомъ небѣ восхищенія. Вообще, какъ мы увидимъ, богатой его натурѣ одинаково близки были наука и сцена, классическія древности и стихи.

Имѣя рекомендательное письмо отъ своего владыки къ извѣстному познаніями своими въ греческой и латинской словесности, Николаю Николаевичу Бантышъ-Каменскому, Мартыновъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ видѣть извѣстнаго ученаго, о которомъ онъ такъ много слышалъ. «Почтенный старикъ — пишетъ Мартыновъ — принялъ меня весьма ласково и сказалъ, чтобы я писалъ къ нему о своихъ занятіяхъ, а особливо, когда буду имѣть надобность въ книгахъ, изданныхъ въ Москвѣ и въ чужихъ краяхъ, чѣмъ я не замедлилъ воспользоваться впослѣдствіи времени, выписавъ чрезъ него извѣстное сочиненіе Лонгина «*О высокомъ*» и Гедериковъ «Греческій Лексиконъ». Мартыновъ всегда вспоминалъ съ благодарностью о Бантышъ-Каменскомъ, посредствомъ котораго выписывалъ многія иностранныя сочиненія. Лонгинъ, высланный Бантышъ-Каменскимъ, былъ изданія Толлія, по которому Мар-

тыновъ и сдѣлалъ свой переводъ; но при вторичномъ изданіи, когда Лонгинъ вошелъ въ собраніе его «Греческихъ Классиковъ», онъ руководствовался оксфордскимъ изданіемъ, подаркомъ, присланнымъ ему изъ Лондона протоіереемъ Яковомъ Смирновымъ. Гедериковъ же греческій лексиконъ Мартыновъ обыкновенно называлъ своимъ *кормильцемъ*, и онъ много помогалъ ему во время его занятій.

Изъ Москвы молодые люди отправились въ Петербургъ. «Дороги — пишетъ Мартыновъ въ своихъ рукописныхъ запискахъ—были тогда отмѣнно плохи, и мы успѣвали дѣлать въ сутки 20, а иногда и менѣе верстъ». Поэтому, до пріѣзда ихъ, почти изъ всѣхъ семинарій прибыли студенты, вызванные для одной съ ними цѣли. Это былъ первый опытъ по духовному вѣдомству — собрать изъ разныхъ духовныхъ училищъ по два, по три студента въ Александро-Невскую Семинарію, преподать имъ по одинаковой методѣ курсъ наукъ и языковъ, потомъ отправить ихъ обратно въ тѣ же семинаріи, для занятія учительскихъ мѣстъ. По гражданскому вѣдомству эта мысль Екатерины Великой приведена была въ дѣйствіе нѣсколько прежде, для учрежденія народныхъ училищъ.

Всѣхъ пріѣхавшихъ студентовъ было болѣе тридцати человѣкъ. Въ числѣ ихъ былъ и Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій, который, такимъ образомъ, познакомился въ первый разъ съ Мартыновымъ въ С.-Петербургской Семинаріи. Многіе изъ присланныхъ были потомъ извѣстны, многіе дослужились до большихъ чиновъ; но «первое мѣсто — пишетъ

Мартыновъ—по всѣмъ отношеніямъ занимаетъ Сперанскій, присланный изъ Владимірской Семинаріи. Его дарованія, свѣдѣнія въ наукахъ, заслуги отечеству по занимаемымъ имъ мѣстамъ столь извѣстны каждому, что мнѣ, можетъ быть, неприлично о семъ распространяться. Пусть другой кто будетъ его историкомъ, панегиристомъ; я только скажу, что если бы нашъ курсъ и никого, кромѣ его, не образовалъ, то не нужно бы было другихъ доказательствъ въ полезности онаго». Мысль совершенно вѣрная и дѣлающая честь благородному сердцу Мартынова, такъ смиренно и искренно пишущаго о своемъ бывшемъ товарищѣ, который всегда удостоивалъ его своего вниманія, дружбы, а впослѣдствіи и покровительства (*).

Новыми своими учителями Мартыновъ былъ не совсѣмъ доволенъ. Объ одномъ изъ нихъ, преподавателѣ философіи, онъ замѣчаетъ, что это былъ большой схоластикъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ старыхъ ученыхъ, которые незнаніе свое прикрывали лишь латинскимъ языкомъ и важностью сана. Другой преподаватель заикался и во весь двухгодичный курсъ былъ въ классѣ не болѣе десяти разъ и, указывая на сочиненіе Ѳеофана Прокоповича (состоящее изъ трехъ большихъ томовъ, на латинскомъ языкѣ), довольствовался одною остротою: «сіе море

(*) Изъ студентовъ этого курса можно еще упомянуть о Ѳедорѣ Ивановичѣ Русановѣ, который потомъ былъ митрополитомъ и экзархомъ Грузіи, подъ именемъ Ѳеофилакта. Онъ прославился не проповѣдями, но дѣлами по управленію во всѣхъ эпархіяхъ, гдѣ онъ былъ архиіереемъ.

великое и пространное; но тамо и гады, имъ же нѣсть числа». Въ другихъ учителяхъ воспитанники были счастливѣе. Но учитель греческаго языка, нѣкто Жуковъ, узнавъ, что Мартыновъ знаетъ не только древній, но и ромейскій, т. е. нынѣшній греческій языкъ, притащилъ книги и сталъ экзаменовать его. Въ заключеніе онъ откровенно сознался, что ему не для чего слушать его лекціи; напротивъ, онъ, учитель, можетъ у него учиться. И, дѣйствительно, въ скоромъ времени Жуковъ отказался отъ своего класса и на мѣсто свое рекомендовалъ Мартынова, хотя никто не думалъ отнимать у него каѳедру.

Изъ всего видно, что знаніе греческаго языка Мартыновъ пріобрѣлъ въ Полтавской Семинаріи самое основательное. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ своихъ рукописныхъ записокъ онъ самъ разсказываетъ, что когда они пріѣхали въ Петербургъ, то ректоръ Семинаріи, прочитавъ письмо владыки ихъ, архіепископа Амвросія, тотчасъ спросилъ:

«— Кто Мартыновъ?

«Ясно — замѣчаетъ Мартыновъ — что великодушный іерархъ писалъ въ мою пользу къ архимандриту. По откликѣ моемъ, онъ спросилъ меня: и *апла* вы говорите? (т. е. нынѣшнимъ простымъ греческимъ языкомъ).

«— Могу объясняться, отвѣчалъ я.

«Отецъ архимандритъ поговорилъ со мною нѣсколько на древнемъ греческомъ, но на новомъ не сказалъ ни слова.

«— О, вы здѣсь будете очень нужны! примолвилъ онъ съ пріятною улыбкою.

«Видно — добродушно заключаетъ Мартыновъ — что тогда знаніе греческаго языка, а особливо употребляемаго нынѣ греками, было здѣсь еще въ диковинку.»

Итакъ, Мартыновъ нѣсколько былъ разочарованъ, наивно предполагая, что въ столицѣ каждый учитель либо ученый, либо ораторъ. Впрочемъ, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ слабыхъ натуръ, которыя довольствуются всѣмъ, даже плохимъ, лишь бы не безпокоить себя и другихъ. Любознательный и предпріимчивый, онъ вознаградилъ недостатокъ въ хорошихъ педагогахъ, съ одной стороны, чтеніемъ книгъ изъ Александро-Невской Семинаріи, съ другой — слушаніемъ лекцій лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ въ Петербургѣ. При Академіи Наукъ были открыты публичные курсы: математики, химіи и зоологіи. Первую читалъ извѣстный академикъ Котельниковъ, вторую — академикъ Соколовъ, зоологію — академикъ Озерецковскій. Мартыновъ отзывается о нихъ съ похвалою и уваженіемъ. Физику онъ ходилъ слушать въ бывшій тогда Медицинскій Институтъ, къ профессору Петрову. Кромѣ того, въ то время славился своимъ краснорѣчіемъ Матѳей Матѳеевичъ Тереховскій, профессоръ ботаники. Но Мартыновъ былъ въ положеніи самомъ непріятномъ: имѣя собственныя занятія по Семинаріи, гдѣ онъ никакъ не смѣлъ пропускать лекцій, онъ не могъ ходить на всѣ означенные курсы и выбралъ для себя преимущественно лекціи химіи, которыхъ никогда не пропускалъ, несмотря на то, что читались онѣ во 2-й линіи, на Васильевскомъ Острову, въ домѣ

Боновома, притомъ въ двѣнадцатомъ часу утра, между тѣмъ, какъ ученіе ихъ оканчивалось въ десять часовъ, и Мартыновъ отправлялся пѣшкомъ изъ Невскаго Монастыря на Васильевскій. Этого мало: Тереховскій, славившійся своимъ краснорѣчіемъ, читалъ ботанику на Аптекарскомъ Острову,—Мартыновъ находилъ время ходить и на его курсы. Но отдаленность мѣстъ, гдѣ читаны были эти курсы, отъ Невскаго Монастыря, и неутомимое рвеніе молодаго человѣка были причиною, что онъ схватилъ горячку и пролежалъ два мѣсяца въ постели.

Знакомствъ у него не было тогда никакихъ. Единственный домъ, куда онъ хаживалъ, былъ архипастыря Евгенія Булгара, о которомъ мы уже говорили. Мартыновъ явился къ нему въ качествѣ воспитанника Полтавской Семинаріи, имъ основанной, и съ тѣхъ поръ посѣщалъ его часто. Знакомство это было для него въ высшей степени благодѣтельно. Евгеній, перелагатель Виргилія, ветхій годами и мудрый опытомъ, отличался простотою и самою нѣжною, поэтическою душою. Онъ полюбилъ Мартынова и часто бесѣдовалъ съ нимъ о Виргиліи, о Гораціѣ, Софоклѣ и Гомерѣ. Много внимательный слушатель почерпнулъ изъ этихъ разговоровъ полезнаго для будущихъ своихъ трудовъ, много хорошаго привилось къ нему незамѣтно. Кромѣ того, Евгенія посѣщали только лица, знающія языки (по русски онъ не говорилъ), и Мартыновъ безпрерывно здѣсь сталкивался съ греками, какъ съ простыми монахами и моряками, такъ съ людьми свѣдущими и образованными. Слѣдовательно, онъ могъ на практикѣ изучить

всѣ оттѣнки греческаго языка. По свидѣтельству Мартынова, лучше всѣхъ грековъ говорилъ самъ Евгеній, и Мартыновъ трепеталъ, словно устами говорящаго старца говорилъ божественный Гомеръ или Пиндаръ. Успѣхи Мартынова были такъ огромны, что, въ 1792 г., онъ занялъ каѳедру греческаго языка, вмѣсто учителя Жукова, будучи еще самъ ученикомъ. Въ классъ его ходили не только ученики низшихъ курсовъ, но и товарищи его, что заставило его перевести на русскій языкъ греческую грамматику Катифора и придать своимъ лекціямъ нѣкоторое изящество (*).

Посредствомъ греческаго языка, Мартыновъ вскорѣ сдѣлался лично извѣстнымъ митрополиту Гавріилу. Худо зная по гречески, а простаго греческаго языка вовсе не понимая, Гавріилъ поручилъ молодому эллинисту заняться сокращеннымъ переводомъ византійской исторіи, писанной на простомъ греческомъ языкѣ и выбранной изъ древнихъ византійскихъ писателей (**).

Съ какой любовью, по окончаніи этого труда, Мартыновъ принялся за другой переводъ. Архипастырь Евгеній, котораго онъ обожалъ и за его ученость, и за его прекрасную душу, просилъ перевести собственное его сочиненіе «О вѣротерпимости» на русскій языкъ. Оно было написано на простомъ греческомъ, приближенномъ къ эллинскому нарѣчію. По окончаніи перевода, архипас-

(*) Грамматика эта, впрочемъ, не была напечатана.

(**) Какая была дальнѣйшая судьба этого перевода, — намъ неизвѣстно.

тырь, не зная по русски, долго смотрѣлъ на рукопись и отправилъ ее на разсмотрѣніе къ преосвященному Иринею, который весьма лестно отозвался о трудѣ молодаго переводчика.

Поощренный первыми опытами, онъ обратился къ книгопродавцамъ, съ предложеніемъ своихъ услугъ. «Тогдашніе издатели студентческими переводами не брезгали — пишетъ Мартыновъ — зная по опыту, что они дешевле всякихъ другихъ. Случалось и такъ, что переводъ дѣлалъ студентъ за какую нибудь ничтожную плату, а на заглавномъ листкѣ выставлялось имя какого нибудь извѣстнаго уже россійскаго Клопштока и т. д.» Тогда всякій пишущій имѣлъ свое прилагательное, болѣе или менѣе громкое. Нашъ переводчикъ обратился къ Петру Ивановичу Богдановичу, который, въ то глухое и ненадежное время для литературныхъ операцій, славился, какъ капиталистъ, издающій книги на собственномъ иждивеніи. Торгъ былъ заключенъ, и Мартыновъ перевелъ для него съ французскаго: «Опытъ объ эпическомъ стихотворствѣ господина Волтера» и «Англійскія Письма». Для другаго книгопродавца, Миллера, онъ перевелъ «Любопытные разговоры въ царствѣ мертвыхъ», Литтлетона.

Получивъ вознагражденіе за свои труды, онъ распорядился имъ, какъ настоящій поэтъ: купилъ на всѣ деньги книгъ.

«Когда меня товарищи спрашивали — пишетъ Мартыновъ — да гдѣ же твои субсидіи? «Книги у меня есть, важно отвѣчалъ я, съ гордостью указывая

груды русскихъ, французскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ изданій.»

Независимо отъ этихъ успѣховъ, весьма важныхъ для скромнаго и небогатаго юноши, не имѣвшаго другихъ средствъ, Мартыновъ еще отличился на другомъ, совершенно новомъ поприщѣ. Начальство Александро-Невской Семинаріи учредило *очереди* для студентовъ, т. е. каждый студентъ долженъ былъ сказать проповѣдь своего сочиненія въ какой либо церкви. Это учрежденіе чрезвычайно поощряло молодыхъ людей отличиться передъ слушателями, какъ въ сочиненіи, такъ въ особенности въ умѣньи произнести поученіе.

«Въ сочиненіяхъ нашихъ замѣтны были два главные тона — пишетъ Мартыновъ — одни старались писать цвѣтно, плодовито, блистательно, другіе просто, коротко, глубокомысленно. Въ произношеніи также господствовали два тона: одни подражали театральному, слѣдуя Яковлеву, другіе ближе подходили въ произношеніи проповѣдей къ обыкновенному разговору. Я держался послѣднихъ тоновъ, и не безъ успѣха. Когда я сказалъ первую свою проповѣдь, то по выходѣ изъ церкви пришли ко мнѣ въ покой всѣ товарищи поздравить меня. Сперанскій былъ впереди ихъ; онъ поцаловалъ меня въ голову и отдалъ мнѣ полную справедливость. Похвала уважаемаго всѣми товарища превосходитъ похвалу мало чтимаго учителя.»

Другой случай былъ гораздо лестнѣе для его самолюбія. Одна изъ его проповѣдей начиналась слѣдующими словами:

«Тако отличенный жребіемъ порокъ зачинаетъ гибель» и т. д.

Несмотря на то, что она написана была нѣсколько отрывисто и темно, ее тотчасъ послѣ обѣдни выпросили у Мартынова, и она пошла по городу, по рукамъ. Скоро ей стали подражать. Однажды Мартыновъ былъ у архимандрита Анастасія, который извѣстенъ былъ, какъ лучшій проповѣдникъ. Тутъ-то было торжество для молодаго студента! При гостяхъ, громогласно, архимандритъ сказалъ, что у него есть списокъ съ его проповѣди, что онъ ее помнитъ наизустъ (въ доказательство чего онъ тотчасъ прочелъ изъ нея нѣсколько періодовъ), и что онъ не стыдится подражать ей. Конечно, похвала извѣстнаго проповѣдника была для него лестнѣе похвалы Сперанскаго, которую онъ приписывалъ не болѣе, какъ товарищеской снисходительности. Нельзя не сознаться, что этотъ проповѣдникъ, сознающійся съ такой благородной откровенностью, въ присутствіи всѣхъ, что онъ не стыдится подражать малозначущему студенту, и учитель греческаго языка, Жуковъ, который, проэкзаменовавъ ученика, сознается, что ему, учителю, должно у него учиться, потомъ отказывается отъ своей каѳедры — лица стараго, добраго времени. Это дѣти той добродушной и честной эпохи, которую мы знаемъ по однимъ только преданіямъ и разсказамъ нашихъ стариковъ.

Между тѣмъ, курсъ ученія приближался къ концу.

«Въ одинъ день — разсказываемъ словами самого И. И. Мартынова — митрополитъ присылаетъ за

мною и объявляетъ мнѣ, что Императрицѣ угодно послать въ Голландію священника, который бы зналъ греческій языкъ, ибо тамъ есть греческое купеческое общество.

«— Хочешь ли ты ѣхать туда? спросилъ онъ меня. — Жалованья будетъ тебѣ полторы тысячи рублей, мѣсто почетное, и въ чужихъ краяхъ побывать тебѣ не безполезно.

«Счастливое сіе предложеніе принялъ я съ несказанною благодарностью. Митрополитъ приказалъ мнѣ притти къ себѣ на другой день за письмомъ, съ которымъ я долженъ буду явиться къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину (*). Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я сего дня. Я напередъ уже воображалъ себѣ всѣ выгоды отъ путешествія въ чужіе краи, отъ занятія столь важнаго поста; на другой день поутру явился къ его высокопреосвященству и, получивъ письмо, отправился къ оберъ-прокурору. Сей оберъ-прокуроръ, прочитавъ письмо, принялъ меня очень ласково, вошелъ со мною въ ученый разговоръ и отпустилъ съ отвѣтомъ на письмо митрополита. Не знаю, что было писано въ отвѣтѣ; но митрополитъ, прочитавъ его, велѣлъ мнѣ пріискивать себѣ невѣсту и по пріисканіи явиться къ нему. Имѣя весьма мало знакомыхъ у себя, а особливо для такого случая, я бросился къ учителю Владимірскаго Народнаго Училища, Зубареву, какъ женатому изъ моихъ знакомыхъ, и мы, въ тотъ же день, ночью, пустились въ Петер-

(*) «Графство пожаловано ему послѣ.» *Прим. Март.*

гофъ смотрѣть невѣсту у знакомаго ему священника.

«Мы пріѣхали къ священнику въ часъ за полночь. Разумѣется, что всѣ спали. Зубаревъ, конечно, весьма былъ знакомъ, что осмѣлился такъ безпокоить духовную особу. Безъ дальнихъ околичностей, онъ объявилъ хозяину о причинѣ нашего пріѣзда. Невѣста, надобно знать, была не дочь, но родственница священника. Зубаревъ, расхваливъ меня, какъ должно жениха, сказалъ о моемъ назначеніи, о жалованьѣ. Священникъ все это принялъ очень хорошо, только сказалъ, что невѣста уже сосватана.

«— За кого?

«— Назначенному изъ семинаристовъ же въ Дрезденъ, Чудовскому.

«Зубаревъ спрашиваетъ меня: кто такой Чудовскій? Я, или лучше, самъ священникъ разсказалъ, что онъ изъ пѣвчихъ.

«— Сколько ему назначается жалованья?

«— Пятьсотъ рублей.

«— А ему — смотря на меня — полторы тысячи рублей. Вы сами теперь видите, заключилъ Зубаревъ: — разницу между достоинствами жениховъ.

«Сими и подобными симъ словами мой сватъ уговорилъ священника выдать родственницу свою за меня, хотя я еще и не видалъ ее. Священникъ, извиняясь, что невѣста была больна горячкою, что не совсѣмъ еще выздоровѣла, и что теперь спитъ, разбудилъ, однакожъ, ее, — и невѣста вышла къ намъ. Я смотрѣлъ на нее глазами моего свата, и слѣды, оставшіеся послѣ горячки, для меня были непри-

мѣтны: я думалъ о Голландіи; мнѣ нужна была невѣста; ее мнѣ хвалятъ. Священникъ преклонился на мою сторону, или на мои полторы тысячи рублей; самъ я молодъ: какъ не быть невѣстѣ для меня красавицей! Она мнѣ понравилась, и я ей не былъ противенъ. Итакъ, невѣста найдена! Съ сею мыслью я возвратился въ Петербургъ.

«Поутру, на другой день, являюсь къ митрополиту. Чудовскій уже тутъ. Вскорѣ выходитъ къ намъ его высокопреосвященство и обращаетъ рѣчь ко мнѣ:

«— Нашелъ ли невѣсту?

«— Нашелъ, ваше высокопреосвященство!

«— Гдѣ?

«— Въ Петергофѣ, у священника....

«Чудовскій, при сихъ словахъ, бросается митрополиту въ ноги, плачетъ и говоритъ, что это его невѣста, что она дала ему слово, и что онъ не отстанетъ отъ нея. — Достопочтеннѣйшій старецъ, разсмѣявшись, велѣлъ мнѣ разсказать, какъ я вздумалъ свататься на невѣстѣ, уже сосватанной; я разсказалъ, и старецъ, насмѣявшись вдоволь, сказалъ мнѣ:

«— Ну, уступи ему; я тебѣ самъ найду невѣсту: въ Кронштатѣ есть молодая дѣвица, прекрасная. Я пошлю тебя посмотрѣть ее, а не понравится она, найдешь другую.

«Слова сіи примирили насъ, соперниковъ. Я не сталъ домогаться поединкомъ рѣшить спорное наше дѣло, болѣе потому, что мнѣ некогда было и влюбиться въ смотрѣнную мною дѣвицу. Митрополитъ

благословилъ Чудовскаго на вступленіе съ нею въ бракъ; а мнѣ сказалъ, что пришлетъ за мною.

«Проходитъ день — владыка не присылаетъ за мною; проходитъ другой — такимъ же образомъ. На третій день зовутъ меня. Я полетѣлъ къ его высокопреосвященству, въ близкой надеждѣ увидѣть кронштатскую невѣсту, — но встрѣченъ былъ отъ него сими словами:

«— Знаешь ли что? Императрица перемѣнила свое намѣреніе въ посылкѣ бѣльца въ Голландію и велѣла назначить іеромонаха, по причинѣ мѣстнаго неудобства жить въ домѣ греческаго купеческаго общества семейному человѣку. Хочешь ли въ монахи? такъ поѣдешь въ Голландію?»

Представьте себѣ положеніе Мартынова при такомъ неожиданномъ вопросѣ. Расшевелить честолюбіе и страсти молодаго человѣка, отвлечь его отъ мирныхъ занятій, во время которыхъ онъ ни о чемъ больше не думалъ, кромѣ усовершенствованія себя въ наукахъ, предложить ему мѣсто, прекрасный случай для распространенія своихъ познаній, приготовить его къ выходу въ свѣтъ — и отъ всего этого надо отказаться.

Ему тогда всего было двадцать лѣтъ, и онъ долго не зналъ, что сказать, готовый, по своей пылкой натурѣ, на все — или жениться на женщинѣ, совсѣмъ ему неизвѣстной, или сдѣлаться монахомъ, но лишь бы побывать въ чужихъ краяхъ, столь привлекательныхъ для юнаго ума, жаждущаго обогатить себя полезными свѣдѣніями. Митрополитъ, понявъ внутреннюю борьбу молодаго человѣка, совѣтовалъ ему

успокоиться, пойти домой и обдумать все хорошенько. Желая, вѣроятно, окончательно вывести его изъ этого неопредѣленно мучительнаго состоянія, онъ прибавилъ, что совѣтуетъ ему лучше остаться въ Петербургѣ. «Я тебя не отдамъ вашему преосвященному, заключилъ онъ ласково: — послужи у меня, а послѣ получишь здѣсь лучшее священническое мѣсто, если не захочешь идти въ монахи.»

ГЛАВА II.

Сѣтованія о потерянномъ *счастіи*. — Отъѣздъ полтавскихъ товарищей. — Объясненіе съ Сперанскимъ. — Мысль о перемѣнѣ духовнаго званія. — Первый литературный дебютъ. — Изданіе «С.-Петербургскаго Меркурія». — Ходатайство преосвященнаго Евгенія. — Графъ Остерманъ. — Иностранная Коллегія. — Женитьба и изданіе журнала «Музы». — Переводы съ французскаго. — Новое поприще. — М. Н. Муравьевъ. — Графъ П. В. Завадовскій. — Подвиги Мартынова. — Рѣчь въ Россійской Академіи. — Быстрое возвышеніе. — Открытіе Царскосельскаго Лицея. — Отставка.

Итакъ, всѣ мечты Мартынова разрушились, и надежда побывать въ чужихъ краяхъ исчезла навсегда. Скоро въ Голландію былъ отправленъ монахъ, природный грекъ, находившійся іеромонахомъ при преосвященномъ Евгеніи. Мартыновъ долго грустилъ о потерянномъ, по его мнѣнію, счастіи, но потомъ

снова принялся за прежнія занятія, тѣмъ болѣе, что приближался выпускной экзаменъ (*).

Кончивъ курсъ, Мартыновъ остался въ Александро-Невской Семинаріи, въ качествѣ учителя греческаго языка. Его удержалъ митрополитъ Гавріилъ, не хотѣвшій отпустить его въ Полтаву и предсказывавшій ему блестящую перспективу на духовномъ поприщѣ, въ случаѣ, если онъ поступитъ въ монахи. Товарищи же Мартынова были отправлены обратно въ Полтаву.

При прощаніи случилось обстоятельство, о которомъ нельзя не упомянуть. Полтавскихъ товарищей Мартынова провожалъ, вмѣстѣ съ нимъ, до самой заставы и Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. «Прощаясь съ ними — говоримъ словами самого Мартынова — онъ сказалъ, что удивляется моей къ нему холодности, что всѣ товарищи любятъ его и къ нему привязаны, а во мнѣ одномъ онъ сомнѣвается, и просилъ ихъ, чтобы хотя они его со мною сдружили. Эти слова удивили меня не мало. Я не думалъ, чтобы товарищъ, котораго я внутренно уважалъ, такъ занимался наружными знаками моего чувствованія

(*) Послѣдствія показали, что счастіе Мартынова въ Голландіи было бы непродолжительно. Не болѣе, какъ черезъ три года послѣ этого, въ Голландіи вспыхнула революція; іеромонаха, посланнаго туда, раздраженная чернь чуть было не умертвила. Онъ вынужденъ былъ оттуда возвратиться. Невѣста же Мартынова, за которую онъ, по собственному его признанію, чуть было не вызвалъ на поединокъ Чудовскаго, прожила въ Дрезденѣ съ его соперникомъ не болѣе трехъ лѣтъ: она умерла.

къ нему; я былъ гордъ, правда, но еще болѣе робокъ и пугливъ.» Посредничество товарищей оказалось излишнимъ: довольно было одной искры откровенности, одного теплаго слова, сказаннаго отъ души, чтобъ привлечь къ себѣ Мартынова навсегда. Дѣйствительно, онъ сначала чуждался Сперанскаго, который еще въ школьничьемъ кружкѣ слылъ человѣкомъ немаловажнымъ. Переводчикъ же классиковъ былъ отъ природы застѣнчивъ (онъ былъ всегда стыдливъ и краснѣлъ до самой своей смерти), любилъ уединяться и вообще не заискивалъ ничего ни у товарищей, ни у начальниковъ, отчего казался гордымъ и равнодушнымъ ко всѣмъ. Замѣчаніе Сперанскаго побѣдило отчасти робость, отчасти гордость Мартынова: съ этого времени онъ сдѣлался самымъ приверженнымъ другомъ его. Случай этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что послѣ объясненія, которое произошло между ними, когда они обратно возвращались пѣшкомъ въ семинарію, они сошлись навсегда и оцѣнили другъ друга по достоинству. Къ сожалѣнію, сколько мы ни рылись въ бумагахъ покойнаго, но не могли отыскать этого любопытнаго разговора, сдружившаго двухъ замѣчательныхъ людей. Изъ всего видно, что своимъ запискамъ и замѣткамъ, касающимся его личности (хотя онѣ и подробны во многихъ отношеніяхъ), Мартыновъ не придавалъ никакой цѣны и записывалъ ихъ собственно для того, чтобъ когда нибудь припомнить свое прошедшее. Впрочемъ, мы будемъ еще имѣть случай говорить, какое дружественное расположеніе

къ Мартынову чувствовалъ Сперанскій, окруженный славою и извѣстностью.

Сверхъ должности учителя греческаго языка, Мартыновъ вскорѣ получилъ ординарный классъ латинской грамматики, потомъ поэзіи и наконецъ риторики. Въ это же время митрополитъ Гавріилъ поручилъ ему перевести на греческій языкъ свое сочиненіе: *О церковныхъ обрядахъ* (*).

Но, несмотря на всѣ эти занятія, на лестныя обѣщанія и поощренія, на предсказаніе ему хорошей карьеры, онъ сдѣлалъ неожиданный и крутой поворотъ въ своей жизни: выйти въ свѣтскую службу и выступить на литературное поприще — вотъ что его занимало и о чемъ онъ болѣе всего думалъ. Не довѣряя, впрочемъ, своимъ силамъ, онъ, осторожно и подъ великою тайною отъ другихъ, выбралъ изъ своихъ стихотворныхъ произведеній двѣ пьесы, показавшіяся ему, вѣроятно, лучшими: *Къ бардамъ* и *Взоръ на протекшія лѣта*, и отправилъ ихъ къ Алек. Ив. Клушину и И. А. Крылову, издателямъ «С.-Петербургскаго Меркурія». При этомъ онъ написалъ имъ письмо, умоляя напечатать его стихи не иначе, какъ съ самою строгою и правдивою рецензіею; если же стихи окажутся того недостойными, то пусть они предадутъ ихъ забвенію. Въ этомъ же, 1793 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, къ несказанному удовольствію автора, оба стихотворенія онъ увидѣлъ

(*) Послѣдствія этого перевода намъ неизвѣстны; но отрывки изъ него сохранились въ бумагахъ И. И. Мартынова.

напечатанными, съ критическими примѣчаніями. Прежде всего Клушинъ пишетъ: «Сочинителю сихъ стиховъ угодно, дабы они напечатаны были съ рецензіею. Мы исполняемъ его волю, но разсматривая безпристрастно.» (*) Рецензія эта, весьма лестная для молодаго стихотворца, достойна замѣчанія, какъ образецъ критики конца прошедшаго вѣка. Къ одному стиху изъ «Бардовъ» —

Подъ яснымъ *небосклономъ* —

сдѣлана слѣдующая замѣтка: «Слово, вновь произведенное, прекрасное и музыкальное. Оно коротко изображаетъ горизонтъ, то мѣсто, гдѣ, кажется, склоняется небо. Желать должно, чтобы такъ производили всѣ тѣ слова, въ которыхъ мы имѣемъ недостатокъ. Кл.» (**)

О стихахъ:

«На мшистомъ сидя камнѣ,
При чистомъ водоскатѣ,
Или на дикомъ холмѣ....»

сказано: «Мнѣ кажется, что въ сихъ трехъ стихахъ и музыка прекрасная и мысли піитическія. Кл.» (***)

Во второмъ стихотвореніи: *Взоръ на протекшія лѣта*, поэтъ, обращаясь къ дитяти, говоритъ, что ты не знаешь, что твои забавы —

«Блаженства верхъ, начало зла!»

(*) «С.-Петербургскій Меркурій», ежемѣсячное изданіе Клушина и Крылова, мартъ, стр. 226.

(**) Тамъ же, стр. 229.

(***) Тамъ же, стр. 228.

«Это — восклицаетъ рецензентъ — мысль философа и поэта!» Всѣ эти и имъ подобныя замѣчанія показываютъ, разумѣется, только то, какъ легко было въ старину пріобрѣсть титло поэта. Но, съ другой стороны, нѣкоторыя замѣтки отличаются большимъ здравомысліемъ и истинно-философскимъ взглядомъ. Мартыновъ въ этомъ же стихотвореніи говоритъ, что все преклоняется предъ корыстью, ей —

«И мудрый жертвуетъ собой.»

На это критикъ возражаетъ такъ: «Мудрымъ признаютъ того, по всеобщему умозаключенію, кого не ослѣпляютъ мечтательныя удовольствія, почести, чины и корысть. Въ семъ послѣднемъ стихѣ сказано: *И мудрый жертвуетъ собой*. Слѣдовательно, сей мудрый не есть мудрый.» (*). Другая замѣтка критика отзывается тою же серьезностью. Мартыновъ, обращаясь къ дитяти, говоритъ:

«Я такъ же былъ, какъ ты, спокоенъ,
Невиненъ, веселъ, безъ тоски:
Но чуть лучъ разума удвоенъ,
Прошли пріятные деньки.»

На это Клушинъ возражаетъ такъ: «Здѣсь авторъ, кажется, разумѣетъ, что съ пріобрѣтеніемъ большихъ познаній человѣкъ теряетъ свое блаженство и что невинность, удовольствія, спокойствіе и утѣхи есть жребій только дитяти. Всякій имѣетъ свою логику; но она должна быть всеобщая. Я полагаю человѣческое благо и совершенство въ познаніи вещей,

(*) «С.-Петербург. Меркурій», мартъ, стр. 236.

въ просвѣщеніи его разума: дитя сего не объемлетъ; слѣдовательно, онъ не совершененъ. А какъ скоро не совершененъ, то не есть и счастливъ. Кл.» (*)

Но, оставляя все это въ сторонѣ, скажемъ, что первый литературный шагъ Мартынова былъ для него лестенъ. Посланные имъ стихи ни въ какомъ случаѣ не могутъ идти въ параллель съ тѣми стихами, которые онъ писалъ собственно для себя впослѣдствіи; но, какъ бы то ни было, на нихъ обратили самое благосклонное вниманіе. Это тѣмъ болѣе для него было пріятно, что онъ первый изъ своихъ товарищей рѣшился выступить, по тогдашнему выраженію, на *позорище въ печатномъ нарядѣ*. Успѣхъ превзошелъ его ожиданія, и онъ поспѣшилъ познакомиться съ Клушинымъ и Крыловымъ.

Черезъ полгода Клушинъ былъ отпущенъ въ чужіе краи. Екатерина Великая пожертвовала ему на это путешествіе жалованье за пять лѣтъ впередъ по 300 руб., всего 1,500. Осчастливленный поэтъ написалъ ей *Благодарность*, искреннюю и теплую, въ которой много патріотизма и возвышенной откровенности чувствъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ Императрица, являясь поэту, говоритъ:

«Не тотъ великъ, кто на престолѣ
Какъ грозный истуканъ сидитъ,
Но кто благодѣянья болѣ
Въ своемъ величіи творитъ.» (**)

(*) «С.-Петербург. Меркурій», мартъ, стр 233—234.
(**) Тамъ же, ч. VI, мѣсяцъ ноябрь, стр. 91—92.

Съ отъѣздомъ Клушина и Крылова, который въ это время уѣхалъ въ деревню къ какому-то помѣщику, «С.-Петербургскій Меркурій» перешелъ въ завѣдываніе Мартынова. Счастіе его было неописанное, «ибо — замѣчаетъ Мартыновъ — до сего времени я смотрѣлъ на наборщиковъ, какъ на важныхъ людей, причастныхъ литературѣ». Какъ полный хозяинъ, онъ печаталъ свои хорошія и дурныя стихотворенія, свои переводы, прозу и восхищался тѣмъ, что можетъ печатать все свое, по собственному произволу, какъ поэтъ, выдержавшій строгую критику. Изъ числа переводовъ его въ эту раннюю эпоху достойны вниманія только развѣ *Разсужденіе о г. Попѣ* и небольшой *Гимнъ Клеанта*, переведенный очень живой и хорошей прозой. Также принадлежитъ ему переводъ «О Сократѣ», изъ Вольтера, хотя и не означенъ его именемъ, такъ же, какъ и первый; но изъ бумагъ его очень ясно видно, что эти переводы принадлежатъ ему. Управленіе редакціею журнала было, впрочемъ, для него непродолжительно: въ декабрѣ того же 1793 года, въ послѣдней книжкѣ было объявлено: «Годъ Меркурія кончился и за отлучкою издателей продолжаться не будетъ».

Почему отлучка издателей была причиною прекращенія журнала и почему Мартыновъ, по примѣру послѣднихъ мѣсяцевъ, не продолжалъ его — неизвѣстно. Можетъ быть потому, что Крыловъ и въ молодости не отличался большою энергіею, а безъ Клушина, который въ то время имѣлъ на него большое вліяніе, онъ не хотѣлъ брать на себя тяжести срочнаго изданія. Впрочемъ, и то надобно вспо-

мнить, что въ объявленіи Крыловъ и Клушинъ прямо сказали: «Изданіе продолжится *годъ непремѣнно*. Обмануть публику, значитъ оскорблять нѣчто священное» (*). Слѣдовательно, они сдержали свое слово, не обманули публики и успокоились.

Но не успокоился нашъ временный издатель, безпрерывно жаждавшій дѣятельности. Попробовавъ свои силы на литературномъ поприщѣ, онъ приступилъ къ исполненію другаго плана, болѣе важнаго, отъ котораго зависѣла вся его будущность. Онъ долженъ былъ рѣшиться на одно: или надѣть монашескій клобукъ, или выступить на другое поприще, хотя и скользкое, но соблазнительное и увлекательное для того, кто чувствуетъ достаточно силы стать лицомъ къ лицу съ этой кипящей добромъ и зломъ жизнью.

Но не такъ легко было это сдѣлать; препятствія были слишкомъ трудныя: митрополитъ ни за что не хотѣлъ выпустить его изъ духовнаго вѣдомства, оказывая ему, при всякомъ удобномъ случаѣ, свое благорасположеніе. Въ такихъ обстоятельствахъ, Мартыновъ обратился къ старому своему покровителю, архипастырю Евгенію, котораго умолялъ ходатайствовать о немъ. Войдя въ положеніе молодаго человѣка, преосвященный Евгеній поѣхалъ къ митрополиту. Съ замираніемъ сердца ожидалъ Мартыновъ его возвращенія; передъ самымъ его отъѣздомъ, Мартыновъ открылся ему, что любитъ свою ученицу,

---

(*) «С.-Петербургскій Меркурій», предисловіе, стр. V и VI. Спб. 1793.

которой даетъ уроки русскаго языка, и хочетъ на ней жениться. Добрый архипастырь улыбнулся и поспѣшилъ къ митрополиту.

Ходатайству этого почтеннаго старца митрополитъ не могъ отказать: онъ очень уважалъ Евгенія и скоро благословилъ Мартынова на новый родъ службы. Но при этомъ онъ замѣтилъ, что отъ души желаетъ, чтобъ ему впослѣдствіи не пришлось раскаяваться, потому что, поступивъ въ монахи, онъ при его талантахъ и свѣдѣніяхъ, могъ бы достигнуть многаго. Но наставленія эти были сдѣланы уже поздно: обрадованный юноша бросился къ преосвященному Евгенію съ благодарностью за его ходатайство.

Первыя попытки къ отысканію мѣста были для Мартынова самыя неудачныя. Въ простотѣ своей душевной, онъ думалъ, что на него будутъ смотрѣть, какъ на мужа, сочиненія котораго и переводы печатались въ извѣстномъ журналѣ, какъ на стихотворца и прозаика, какъ на знающаго нѣсколько новыхъ и древнихъ языковъ; но — увы! — на него смотрѣли, какъ на обыкновеннаго, ничего не значащаго, никѣмъ не представленнаго бѣднаго просителя. Положеніе его было ужасно, если вспомнить, что онъ былъ влюбленъ и думалъ жениться. Послѣ тщетныхъ поисковъ въ Заемномъ Банкѣ, гдѣ была вакансія и куда онъ думалъ опредѣлиться, Мартыновъ схватился наконецъ за послѣднюю надежду: проситься въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ для переводовъ съ греческаго языка. Вся рекомендація его состояла въ одномъ латинскомъ аттестатѣ, который выдалъ добрый архи-

пастырь Евгеній въ отличнѣйшемъ знаніи греческаго языка (*).

Написавъ просительное письмо, Мартыновъ отправился къ вице-канцлеру графу Ивану Андреевичу Остерману. Остерманъ жилъ тогда на дачѣ, что на седьмой верстѣ по Петергофской дорогѣ, и нашъ влюбленный юноша пустился къ нему, несмотря на дождь, изъ Невскаго Монастыря (гдѣ, до пріисканія мѣста, онъ еще жилъ) пѣшкомъ и въ башмакахъ.

Остерманъ принялъ его ласково, разсмотрѣлъ его бумаги, въ числѣ которыхъ былъ и латинскій аттестатъ, данный Евгеніемъ, и замѣтилъ: «Вы знакомы съ преосвященнымъ Евгеніемъ? Это рекомендуетъ васъ: вы будете приняты.» Затѣмъ, какъ записано

(*) Весьма любопытна исторія пріобрѣтенія этого аттестата. Рѣшившись проситься въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, Мартыновъ открылся въ томъ преосвященному Евгенію и просилъ дать ему аттестатъ въ знаніи греческаго языка. Преосвященный отвѣчалъ, что онъ, по разговору Мартынова съ нимъ, по переводамъ съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій, заключаетъ, что Мартыновъ мастеръ своего дѣла, но не знаетъ, можетъ ли онъ сочинять на греческомъ языкѣ. Поэтому онъ ласково, но серьезно велѣлъ ему написать разсужденіе на слѣдующую тему: «*Во всякое состояніе бываетъ Божіе призваніе, а призваніе это познается по внутреннему влеченію къ такому, а не къ другому состоянію.*» На другой день преосвященный еще спалъ, а Мартыновъ принесъ ему уже свое сочиненіе. Евгеній былъ въ такомъ восторгѣ отъ разсужденія, что сказалъ: «немногимъ и природнымъ грекамъ удастся такъ писать!» Во всемъ сочиненіи онъ, противъ идіотизма языка, нашелъ двѣ погрѣшности. Онъ тутъ же выдалъ ему аттестатъ и благословилъ на успѣхъ въ предпріятіи.

у самого Мартынова, онъ благосклонно пожалъ ему руку и, обратившись къ своему секретарю, Вейдемейеру, сказалъ: «отправьте его бумаги, куда слѣдуетъ, но прежде велите накормить его обѣдомъ.» «Вотъ что значитъ аттестатъ знаменитаго мужа! замѣчаетъ Мартыновъ. — Добрый вельможа и руку пожалъ, и накормилъ изрядно, и я съ охотой сѣлъ за вице-канцлерскіе соусы и жаркія.»

Но, не взирая на этотъ счастливый походъ на вице-канцлерскую дачу, на радость Мартынова и его молоденькой невѣсты, предсказывавшей ему, что въ Коллегіи ожидаетъ его счастье, опредѣленіе, подъ различными предлогами, затянулось на нѣсколько мѣсяцевъ. Проходитъ мѣсяцъ, другой, третій четвертый, — а повѣстки объ опредѣленіи нѣтъ какъ нѣтъ! Это привело Мартынова въ крайнее уныніе, и онъ снова рѣшился сходить опять къ графу Остерману, чтобъ узнать о своей участи. Второе посѣщеніе такъ интересно, что мы разскажемъ словами самого Мартынова:

«— Что скажете, любезный другъ? былъ его (Остермана) вопросъ, какъ скоро я пришелъ къ нему.

«Я разсказалъ ему о своемъ горѣ.

«— Какъ! съ удивленіемъ воскликнулъ онъ: — вы давно опредѣлены; а за то, что не кланялись оберъ-секретарю, опредѣлены не съ чиномъ переводчика, а съ чиномъ актуаріуса, и, притомъ, на сторублевое жалованье, не болѣе.

«Я отвѣчалъ ему, что я почти всякій день навѣдывался къ оберъ-секретарю Н. В. Я—му и наконецъ онъ уволилъ меня отъ этого.

«Какъ бы то ни было, отвѣчалъ Остерманъ: — а дѣло уже сдѣлано. Утѣшьтесь — я самъ поступилъ въ Коллегію студентомъ всего на сто рублей, и, притомъ, есть и теперь переводчики въ Коллегіи, получающіе меньше вашего оклада.»

Скоро послѣ этого, именно 1-го января 1795 г., Мартыновъ былъ принятъ въ Коллегію, съ чиномъ актуаріуса и съ жалованьемъ 130 руб. Но передъ поступленіемъ въ Коллегію надо было «явиться на экзаменъ къ статскому совѣтнику Дузѣ, греку простому, неученому, знающему только нынѣшній греческій языкъ и порусски разумѣющему плохо. Этотъ весьма добрый человѣкъ сказалъ мнѣ, на новомъ греческомъ языкѣ, что послѣ аттестата, какой далъ мнѣ преосвященный Евгеній, онъ меня экзаменовать не смѣетъ и что, притомъ, онъ знаетъ только по ромейски. Мнѣ, однако, дали перевести рукописную купеческую книгу. Мѣстное нарѣчіе сей книги было самое грубое и варварское, какое только греческіе корабельщики могутъ употреблять; но рукопись я перевелъ безъ затрудненій.»

Отправясь къ своей невѣстѣ, Мартыновъ объявилъ ей, что ему назначали сто-тридцать рублей въ годъ, слѣдовательно свадьбу пока надо еще отложить на время, потому что ни у него, ни у ней ничего не было. Скоро, однако, доходы его умножились, и совершенно случайнымъ образомъ.

Одинъ частный домъ, отличавшійся необыкновеннымъ радушіемъ и хлѣбосольствомъ, былъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ полтавскихъ дворянъ. Какъ малороссійскій урожденецъ, Мартыновъ бы-

валъ въ этомъ домѣ, гдѣ онъ видался съ своими земляками. Здѣсь онъ познакомился съ дѣдушкою фельдмаршала князя Паскевича-Эриванскаго. Любя очень нѣжно своего внука, воспитывавшагося тогда въ Пажескомъ Корпусѣ, онъ просилъ Мартынова взять его подъ свой надзоръ и заниматься съ нимъ науками, какія самъ знаетъ. Мартыновъ согласился на это съ удовольствіемъ и свидѣльствуетъ, что герой Эривани, имя котораго скоро сдѣлалось всѣмъ извѣстно, отлично занимался у него французскимъ языкомъ, исторіею, географіею и сочиненіями на русскомъ языкѣ. Впослѣдствіи фельдмаршалъ, графъ, князь, осыпанный почестями и орденами, онъ не забывалъ своего стараго учителя, переписывался съ нимъ, оказывалъ самую благосклонную къ нему внимательность и, послѣ смерти его, былъ во многомъ полезенъ его вдовѣ и дѣтямъ. Скоро число учениковъ Мартынова увеличилось: когда стало извѣстно, что онъ живетъ въ сосѣдствѣ съ корпусомъ и что Паскевичъ ходитъ къ нему учиться, то къ нему не замедлили присоединиться и другіе.

«По моимъ разчетамъ показалось — пишетъ Мартыновъ — что уже можно приступить къ свадьбѣ, и какъ моя квартира состояла въ одномъ покоѣ, впрочемъ, довольно большомъ, то я, занявъ у Г* десять рублей, заказалъ сдѣлать въ ней перегородку. Приготовясь такимъ образомъ жить не одинъ, я просилъ невѣсту и ея родственниковъ назначить день для обвѣнчанія насъ. Отъ вѣнца старики проводили насъ на мою квартиру, гдѣ насъ встрѣтили съ хлѣбомъ и солью мои хозяева, уставивъ столъ

конфектами и винами также, а полъ окороками и другими съѣстными припасами въ корзинахъ.» Сколько простосердечія въ этихъ словахъ и какая бѣдная обстановка будущаго знаменитаго чѣловѣка, который женится, надѣясь только на свои труды!

Все это происходило въ томъ же, памятномъ для него 1795 г., въ который онъ оставилъ духовное званіе, поступилъ въ Коллегію, женился и задумалъ издавать журналъ.

Дѣйствительно, на другой же годъ, 1796, онъ приступилъ къ изданію журнала, подъ названіемъ: «Муза». Мартыновъ говоритъ, что въ его журналъ сообщали свои произведенія Державинъ, Сперанскій и другіе. Намъ очень интересно было знать, что именно принадлежитъ Сперанскому; но, къ сожалѣнію, всѣ наши поиски остались тщетными. Весь журналъ, вмѣсто подписки именъ сочинителей, испещренъ черточками, звѣздочками, всевозможными буквами русской азбуки, даже попадаются псевдонимы подъ цифрой 40 и т. д. Но изъ нѣкоторыхъ строкъ рукописныхъ записокъ Мартынова (которыми мы преимущественно руководствовались при составленіи его біографіи) можно догадаться, что стихотворенія, подписанныя буквою *ѣ*, принадлежатъ, кажется, Сперанскому. Въ этомъ предположеніи насъ еще болѣе убѣждаетъ одно изъ стихотвореній, подписанное тою же буквою, гдѣ, по нашему мнѣнію, выказался личный взглядъ этого славнаго мужа.

Стихотвореніе носитъ заглавіе «*И мое счастіе*», посвящено П. И. М. (вѣроятно, Ивану Ивановичу Мартынову), гдѣ авторъ говоритъ, что онъ порою

также бываетъ счастливъ, и онъ порою срываетъ цвѣты радостей, но вслѣдъ за этимъ признаніемъ перемѣняетъ тонъ, и вы слышите эти серьезныя, важныя строки:

«Въ трудахъ находишь ты веселье.
И я люблю ихъ, милый мой!
Лѣнива праздность и бездѣлье
Не подружилися со мной
И, вѣрно, въ вѣкъ не подружатся.
Вѣдь мы не въ златѣ рождены,
Не талисманы намъ даны:
Такъ намъ ли, другъ мой, съ ними знаться?
Я должностью люблю заняться,
И для меня въ ней скуки нѣтъ:
Не смѣетъ скука быть съ трудами.»

Какъ бы то ни было, впрочемъ, достовѣрно только то, что въ 1796 г. нашъ издатель познакомился съ Державинымъ. Вслѣдствіе этого или другихъ какихъ причинъ, въ «Музѣ» скоро появилась, безъ подписи: «Надпись къ портрету его превосходительства Гаврила Романовича Державина»:

«Се зришь Державина: исполненъ дара многа,
Богатый чувствіемъ и пламенный пѣвецъ
Стяжалъ парнасскихъ дѣвъ безсмертія вѣнецъ,
Постигъ, изобразилъ Фелицу, Бога.»

Журналъ Мартынова, «Муза», пошелъ недурно, судя по тогдашнему времени. Это видно отчасти изъ того, что въ концѣ книги и на отдѣльныхъ листахъ печатались имена подписчиковъ, но, кромѣ того, извѣстно, что чисто-литературные журналы и альманахи находили и въ старину многихъ охот-

никовъ. Слѣдовательно, служба, учительство и изданіе журнала доставили Мартынову кой-какія средства къ существованію, и, вѣроятно, при его неприхотливости, онъ былъ совершенно счастливъ съ своею женою, которую страстно любилъ втеченіе всей жизни.

Изданіе «Музы» познакомило его не только со всѣми тогдашними писателями, но сдѣлало его извѣстнымъ даже при Дворѣ. Великая Княжна Александра Павловна удостоила большой чести издателя «Музы», помѣстивъ въ его журналѣ два свои перевода: а) *Бодрость и благодѣяніе одного крестьянина* (*) и в) *Долгъ человѣчества* (**). При первомъ переводѣ Мартыновъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: «Какъ лестно было бы для меня объявить имя Особы, трудившейся въ переводѣ сей піесы! но.... скромность, когда ея требуютъ, должна быть священнымъ для меня закономъ.» Подъ вторымъ переводомъ выставлена буква А. Вскорѣ Императрица Марія Ѳеодоровна изволила повелѣть предложить Мартынову мѣсто учителя русской словесности, исторіи и географіи въ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ. Уволившись изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, онъ поступилъ туда 5 іюля 1797 г. По открытіи училища Ордена Св. Екатерины, Императрицѣ угодно было, чтобъ онъ и здѣсь преподавалъ

(*) См. «Муза», ежемѣсячное изданіе на 1796 г., III ч., мѣсяцъ іюль, стр. 24—25. Фактъ этотъ мы передаемъ на основаніи бумагъ покойнаго.

(**) Тамъ же, мѣсяцъ сентябрь, стр. 187—188.

тѣ же предметы, куда онъ и опредѣленъ былъ 25 мая 1798 г.

Во время службы при этихъ заведеніяхъ, онъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, а въ 1800 г. въ надворные совѣтники.

Но, кромѣ учебныхъ занятій, онъ находилъ время и для переводовъ. Мартыновъ пишетъ: «Государь Императоръ Александръ I, бывшій тогда Наслѣдникомъ, тайный совѣтникъ Павелъ Александровичъ Строгановъ и дѣйствительный камергеръ Новосильцовъ положили было издать на русскомъ языкѣ нѣсколькихъ иностранныхъ писателей по части политической экономіи. По препорученію ихъ, впрочемъ, заочному, за извѣстную плату, я и перевелъ нѣсколько томовъ.» Переводы эти слѣдующіе: 1) три части Стюарта: «Recherches sur l'Economie politique», котораго разборъ, написанный Мартыновымъ, по ихъ же порученію, напечатанъ въ «С.-Петерб. Вѣстникѣ», 2) шесть частей «Bibliothèque de l'homme publique, par Condorcet», и 3) «Economie politique, par Verri», который также почти весь, по частямъ, напечатанъ въ «С.-Петербурскомъ Вѣстникѣ». Стюартъ и Кондорсе, не знаемъ, по какимъ причинамъ, остались ненапечатанными.

Друзья Мартынова, бывшіе свидѣтелями, какъ онъ проводилъ цѣлыя ночи въ занятіяхъ, кой-какъ убѣдили его, чтобъ онъ отказался отъ учительскаго мѣста при Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ. Онъ согласился; но, оставшись только при Институтѣ Ордена Св. Екатерины, онъ началъ жаловаться на свое бездѣйствіе и на то, что у него пропадаетъ

много времени, когда онъ чувствуетъ, что могъ бы быть гдѣ нибудь полезнымъ. Не говоря никому ни слова, онъ опредѣлился въ Государственный Совѣтъ письмоводителемъ по духовному и гражданскому отдѣленію, въ 1801 г., 8 мая. Но несмотря на то, что кругъ его дѣятельности, такимъ образомъ, расширился, онъ признавался, что это самое свободное и праздное время въ его жизни, и находилъ досугъ дѣлать переводы съ иностранныхъ языковъ. Изъ переводовъ этихъ онъ составилъ у себя огромный запасъ, печатая ихъ время отъ времени впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Исчислимъ здѣсь эти труды, чтобы показать, съ одной стороны, его неутомимую дѣятельность, — съ другой стороны, стоитъ еще упомянуть и потому, что нѣкоторые изъ этихъ переводовъ очень хороши для того времени, по легкости и свободѣ языка. Вотъ они: 1) *Приданое Сюзеты, или записки г-жи Сеннетеръ* (Спб. 1802),— записки, отъ которыхъ въ восторгѣ были наши бабушки и маменьки. Чувствительность и приличіе — главнѣйшія достоинства этого сочиненія. 2) Нѣжная поэма Шатобріана, подъ заглавіемъ: «*Атала, или любовь двухъ дикихъ въ пустынѣ*» (Спб. 1802). Это было самое модное произведеніе, «Парижскія Тайны» и «Вѣчный Жидъ» начала нынѣшняго столѣтія, сочиненіе, о которомъ одна современница сказала: «ахъ! что бы мы дѣлали, несчастныя, безъ очаровательной Аталы!» Это сантиментально-приторное произведеніе, несмотря на то, что выдержало нѣсколько изданій въ переводѣ Мартынова, было, сверхъ того, переведено еще Владиміромъ Измай

ловымъ. 3) «*Письма объ Италіи*», дю-Пати (первое изданіе было въ Спб., 1802, второе въ Москвѣ, 1809 г.). По нашему мнѣнію, это лучшій переводъ Мартынова съ французскаго языка, который онъ зналъ въ совершенствѣ, но не любилъ говорить на немъ, увѣряя, «что я никогда не сдѣлаюсь французскимъ говоруномъ»,—и, въ самомъ дѣлѣ, онъ обладалъ весьма дурнымъ произношеніемъ. Письма эти были помѣщены въ *Образцовыхъ Сочиненіяхъ* — честь, которой удостоивались немногіе переводы. 4) *Сенъ-Жюльенъ* (Спб., 1802), романъ Августа Лафонтена — одно изъ тѣхъ произведеній, которыя были прежде въ такомъ ходу, читались и модными женщинами, и чиновниками, литераторами, и отставными секундъ и премьеръ-майорами. 5) *Четыре части дня,* поэма Цахарія, скучная, растянутая и витіеватая. Эту поэму Мартыновъ продалъ извѣстному В. А. Плавильщикову. Для строгой хронологической точности слѣдуетъ замѣтить, что этотъ переводъ съ французскаго сдѣланъ имъ по окончаніи «С.-Петербургскаго Меркурія», когда Мартыновъ изъ временнаго журналиста очутился вдругъ прежнимъ учителемъ Семинаріи, мечтающимъ основать собственный журналъ. 6) *Жанъ-Жака-Руссо* (Спб., 1801), котораго тогда называли попросту Иваномъ Яковлевичемъ Руссо. Переводъ очень недуренъ, хотя мѣстами темноватъ. 7) Его же *Духъ, или избранныя мысли Жанъ-Жака-Руссо* (Спб., 1802 г.). 8) *Любопытные разговоры въ царствѣ мертвыхъ,* Литтлетона. Разговоры эти нимало не любопытны и напоминаютъ подобные же имъ рутинные и ри-

торическіе разговоры въ царствѣ мертвыхъ: *Суворова съ Харономъ, Фридриха Великаго со своими изрядными генералами: Кейтомъ и Шверингомъ,* и тому подобное. Странно, какъ этотъ ложный и фальшивый родъ литературныхъ произведеній могъ нравиться, считаться серьезнымъ и пораждать кучи подражаній, которыя грѣшно назвать фабрикаціями, если взять во вниманіе, какъ тщательно они обдѣланы и обточены. Перечитывая всѣ эти словопренія, въ царствѣ мертвыхъ происходящія, невольно подумаешь: не лучше ли было бы, еслибъ писались разговоры въ царствѣ живыхъ между какимъ нибудь почтеннымъ Честодумомъ и подъячимъ Взяткинымъ: все-таки здѣсь было бы меньше неестественнаго и, по крайней мѣрѣ, уцѣлѣла бы хоть одна черта изъ тогдашнихъ нравовъ, хоть одинъ типъ стараго времени. 9) *Англійскія письма*, и 10) *Опытъ объ эпическомъ стихотворствѣ г-на Вольтера.* О двухъ послѣднихъ переводахъ мы упоминаемъ для общаго обзора, хотя они сдѣланы гораздо ранѣе, во время студенчества Мартынова, по заказу книгопродавцевъ. Литтлетонъ переведенъ также по заказу и тоже во время студенчества. Собственно для Мартынова, эти переводы были полезны тѣмъ, что онъ накупилъ нужныхъ для себя книгъ и, сверхъ того, усовершенствовалъ себя во французскомъ языкѣ, который изучилъ самоучкой. 11) *Переписка Екатерины Великой съ Вольтеромъ*, переводъ весьма удовлетворительный въ отношеніи русскаго языка. Къ этому же времени относится и переводъ Лонгина «*О высокомъ*», который, значительно выпра-

вленный и отдѣланный, вошелъ впослѣдствіи въ составъ «Греческихъ Классиковъ». Но этотъ переводъ не относится къ вышепоименованнымъ (*). Марты-

(*) Мы уже замѣтили, что, при вторичномъ переводѣ Лонгина, Мартыновъ руководствовался оксфордскимъ изданіемъ, Вейске, которое онъ получилъ при слѣдующемъ письмѣ:

Лондонъ. $\frac{\text{Іюля 24}}{\text{Августа 5}}$ 1821.

«Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

«Въ письмѣ моемъ, писанномъ въ концѣ прошлаго года, просилъ я вашего позволенія въ знакъ моей благодарности прислать къ вашему превосходительству недавно напечатаннаго въ Оксфордѣ любезнаго вашего Лонгина, котораго отправивъ съ книгами ея сіятельства графини С. В., не сумнѣваюсь, что исправно получите и, надѣюсь, удостоите благопріятія, на что, впрочемъ, подаетъ благую надежду письмо, коего удостоили меня отъ 15 ч. прошедшаго февраля. Мнѣ весьма пріятно будетъ, если сіе изданіе въ чемъ либо послужитъ къ пользѣ намѣреваемаго вами вторичнаго изданія вашего переводу. Ваше превосходительство, конечно, скоро примѣтить изволите, что и въ Оксфордѣ *quandoque bonus dormitat Homerus*, хотя то, что я разумѣю, вовсе не касается до исправности греческаго текста. Поручая себя продолженію лестнаго и драгоцѣннаго ко мнѣ благорасположенія, честь имѣю и проч.

Протоіерей Яковъ Смирновъ.»

Мартыновъ на это отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ (черновую копію мы отыскали въ бумагахъ):

Спб. 1821 г. Сент.

«Честнѣйшій отецъ протоіерей,
Милостивый государь мой
Яковъ Ивановичъ!

«Оксфордскій Лонгинъ явился ко мнѣ отъ вашего высокопреподобія. Поспѣшаю принести вамъ, достойнѣйшій

новъ сознается, что этими переводами онъ занимался собственно для того, чтобъ пополнить чѣмъ нибудь свое досужное время.

Вотъ первые труды переводчика «Греческихъ Классиковъ». Изъ этого видно, что онъ заплатилъ обильную дань господствующему вкусу тогдашней публики. Но переводы эти хвалились, читались и расходились; многіе изъ нихъ выдержали по нѣскольку изданій, и публика не была такъ къ нимъ равнодушна, какъ, впослѣдствіи, къ важному и любимому его труду — къ переводу обожаемыхъ классиковъ.

Мы дошли наконецъ до той эпохи въ жизни Мартынова, гдѣ онъ является въ полномъ блескѣ, на поприщѣ совершенно новомъ, трудномъ и высокомъ, гдѣ умъ его и дѣятельность приложились къ настоящему и благороднѣйшему дѣлу. Достаточно указать только на его дѣла, чтобъ согласиться, что Мартынову нельзя отказать въ важной заслугѣ, какъ

отецъ, искреннюю благодарность за такой великолѣпный подарокъ. Восхищаюсь и прекрасною бумагою, и бисернымъ шрифтомъ, и прочнымъ переплетомъ, и богатствомъ примѣчаній на грека, а всего болѣе вашимъ ко мнѣ благорасположеніемъ. Я не имѣлъ еще довольно времени, чтобъ сличить съ моимъ изданіемъ, однакожъ, съ перваго взгляда замѣчаю, что вашъ содержитъ болѣе отрывковъ, разныхъ, до насъ не дошедшихъ, нежели мой Толлій, больше примѣчаній на текстъ и переводъ латинскій ближе къ подлиннику. Вѣрите ли, честный отецъ, чѣмъ-то роднымъ повѣяло на мою душу, и Грецію вспомнилъ, которую не видѣлъ! При новомъ изданіи воспользуюсь драгоцѣннымъ подаркомъ вашимъ.... и проч.

«Иванъ Мартыновъ.»

человѣку, имѣвшему свое значеніе въ исторіи развитія отечественнаго просвѣщенія.

На престолъ взошелъ Александръ I. Въ 1802 г., сентября 8, послѣдовалъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ. Прежняя система управленія смѣнялась новою. Лучшіе умы тогдашняго времени, поборники улучшенія и правды, были убѣждены, что коллегіальная система, такъ давно знакомая Россіи, должна объ руку идти съ системою бюрократическою, т. е. самая цѣль и значеніе мѣста должны были указать ту систему, которую слѣдовало примѣнить къ нему. Главное было уже сдѣлано, обсужено; теперь начали думать о назначеніи министровъ, ихъ товарищей, директоровъ департаментовъ и канцелярій. Государь присутствовалъ въ Комитетѣ Министровъ и дѣлалъ ихъ участниками въ образованіи новыхъ учрежденій. Назначенія дѣлались просто, безъ протекцій, но смотря по тому, кто обнаруживалъ какія способности. Наконецъ дошло дѣло до назначенія директора по Министерству Народнаго Просвѣщенія, министромъ котораго былъ назначенъ графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, человѣкъ просвѣщеннѣйшій и знаменитый, который ждетъ еще своего біографа. Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, товарищъ министра народнаго просвѣщенія, когда рѣчь зашла объ избраніи директора, подалъ голосъ въ пользу Мартынова, котораго онъ лично не зналъ, но много слышалъ объ его учености и отличныхъ дарованіяхъ. Мартыновъ жилъ тогда на наемной квартирѣ, по случаю перестройки дома Екатерининскаго Института, гдѣ онъ былъ въ качествѣ препо-

давателя русской словесности, исторіи и географіи. Получивъ извѣщеніе, онъ явился къ Муравьеву, не зная, за чѣмъ требуютъ его къ лицу, совершенно ему неизвѣстному. Разсказываемъ подлинными словами самого Мартынова, записавшаго, къ счастью, главнѣйшія событія своей жизни самымъ подробнымъ образомъ: «Михаилъ Никитичъ объявилъ мнѣ волю Государя и спросилъ, желаю ли я принять на себя сію должность. Я сказалъ, что за счастіе поставлю такое ко мнѣ довѣріе; но, можетъ быть, я не имѣю нужныхъ для того познаній. Я знаю нѣкоторыя науки, греческій, латинскій, нѣмецкій и французскій языки, впрочемъ на послѣднемъ объясняюсь худо, научась оному самоучкою.» «Государю и Комитету — сказалъ Муравьевъ — извѣстно, что такое вы знаете и чего не знаете. Намъ нужно то, что вы знаете; для того, чего не знаете, у васъ будутъ помощники. Правительство надѣется имѣть въ васъ хорошаго начальника. Итакъ, согласны ли вы?» примолвилъ онъ, смотря мнѣ въ глаза, которые были уже наполнены доказательствами моего согласія; я только поклонился. Сказавъ мнѣ еще нѣсколько привѣтовъ, онъ велѣлъ мнѣ на другой же день привезти къ нему всѣ мои изданія и переводы напечатанные. «Мы поѣдемъ съ ними — сказалъ онъ — къ министру просвѣщенія, съ которымъ я васъ познакомлю.» Въ этотъ же день, какъ я былъ у Михаила Никитича, немедленно отправился я извѣстить о семъ происшествіи добраго Сперанскаго (*). Всегда

(*) Сперанскій былъ тогда начальникомъ Экспедиціи Духовныхъ и Гражданскихъ Дѣлъ.

принимая участіе въ моемъ состояніи, онъ весьма сему обрадовался.»

На другой же день, нашъ скромный учитель и журналистъ, обремененный «Спб. Меркуріемъ», «Музою» и своими переводами, явился къ Муравьеву. Первымъ словомъ Муравьева было, что отъ него тотчасъ ушелъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій и рекомендовалъ своего бывшаго товарища самымъ лучшимъ образомъ. «Рекомендація не лишнее дѣло— замѣтилъ Муравьевъ — хотя ваши достоинства намъ извѣстны и безъ него.» Поступокъ Сперанскаго очень тронулъ Муравьева; впрочемъ, онъ не былъ имъ удивленъ, зная благодарную душу Сперанскаго и готовность его покровительствовать всѣмъ, болѣе или менѣе того достойнымъ, въ особенности ему, своему товарищу, съ которымъ былъ постоянно друженъ.

Подали карету, и Муза, Меркурій, Лонгинъ и т. д. уложены въ нее; помѣстивъ туда также и творца ихъ, Муравьевъ, вмѣстѣ съ нимъ, поѣхалъ къ министру народнаго просвѣщенія, къ графу Петру Васильевичу Завадовскому. Представляя его министру, Муравьевъ сказалъ, что привезенныя книги— произведенія пера будущаго его директора.

Мартыновъ, какъ человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный, въ тотъ же день отыскалъ одного свѣдущаго практика и началъ у него учиться канцелярскому дѣлопроизводству. Но онъ былъ еще пока директоръ неутвержденный, и притомъ директоръ безъ чиновниковъ. Слѣдовало, прежде всего, отыскивать чиновниковъ и выбирать изъ нихъ до-

стойныхъ, которые, подобно своему начальнику, горѣли бы желаніемъ быть полезными возникающему учрежденію. На основаніи уполномочія графа Завадовскаго, Мартыновъ и занялся этимъ. Мало по малу къ нему начали являться чиновники сами, и, какъ не было еще штатовъ, то онъ ограничивался пока самымъ малымъ выборомъ. Поступающихъ онъ экзаменовалъ самымъ оригинальнымъ и короткимъ образомъ (*). Взглянувъ на физіономію пришедшаго, онъ спрашивалъ: «Вы любите служить?» —Люблю. «И отечество любите?» — Люблю. «Подавайте прошеніе.»

Наконецъ выданы были штаты министерствамъ. Графъ Завадовскій, получивъ въ Комитетѣ Министровъ штатъ своего министерства, отдалъ его Мартынову, сказавъ: «Теперь по штату сему помѣстите чиновниковъ наличныхъ и пріищите недостающихъ.» Но Мартыновъ, ничего еще не зная рѣшительнаго о себѣ и полагая, что по малому своему чину (онъ тогда былъ только надворнымъ совѣтникомъ) онъ не можетъ занять мѣста директорскаго (по другимъ министерствамъ на эти мѣста назначены были дѣйствительные статскіе и даже тайные совѣтники), счелъ необходимымъ спросить: кто же назначается директоромъ? «Какъ кто? — отвѣчалъ графъ. — Вы директоръ. Теперь изберите чиновника, достойнаго занять одно изъ мѣстъ начальника отдѣленія; а на другое я уже имѣю въ виду чиновника.»

(*) Сообщено Я. Г. З—мъ.

Мартыновъ дѣятельно приступилъ къ дѣлу и, сообразно со штатами, сталъ увеличивать число чиновниковъ.

Вскорѣ послѣ этого, 1803 г., января 24, послѣдовалъ Высочайшій указъ объ утвержденіи Мартынова директоромъ департамента; опредѣлены начальники отдѣленій, выбраны другіе чиновники, и департаментъ образовался. Здѣсь кстати замѣтить, что вновь учрежденное министерство хотѣли сначала назвать просто — Министерствомъ Просвѣщенія; но Мартыновъ подалъ свое мнѣніе: «такъ какъ цѣль вѣдомства заботиться о просвѣщеніи въ цѣломъ государствѣ, то не прилично ли будетъ назвать его Министерствомъ *Народнаго* Просвѣщенія?» Мнѣніе это было принято во вниманіе и одобрено Александромъ Благословеннымъ. — Черезъ годъ, именно 1803 г., 16 января, Мартыновъ, по именному Высочайшему повелѣнію, произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

Хотя министерство было уже образовано, но надлежало приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. По Высочайше утвержденнымъ Предварительнымъ Правиламъ народнаго просвѣщенія, слѣдовало приступить къ образованію университета въ С.-Петербургѣ. Рѣшили прежде учредить отдѣленіе университета, подъ названіемъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Института, который былъ бы разсадникомъ для профессоровъ будущаго университета, для учителей гимназій и другихъ училищъ. Для этого, по Высочайшему повелѣнію, истребовано изъ разныхъ семинарій сто студентовъ и приглашены

для преподаванія лучшіе, какіе тогда были, профессора, и такимъ образомъ, полезнѣйшее изъ заведеній — С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ образовался.

Мартыновъ былъ тогда обремененъ дѣлами по званію директора; но бывшій тогда попечитель, дѣйствительный камергеръ Ник. Ник. Новосильцовъ, настоялъ, чтобы Мартыновъ читалъ эстетику, предполагая, не безъ основанія, что это оживитъ вновь учрежденное заведеніе. Занятый дѣлами по званію директора, Мартыновъ, однако, согласился, и успѣхъ его лекцій превзошелъ всѣ ожиданія. Это для него было самое лучшее время: тридцати-трехъ лѣтъ, директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, журналистъ и поэтъ, извѣстный переводчикъ, онъ выступилъ на университетскую каѳедру и читалъ предметъ новый, горячо имъ любимый, въ то время, когда еще никакихъ руководствъ не существовало по этому предмету на русскомъ языкѣ. Стеченіе слушателей было самое многочисленное: кресла, стулья, скамейки, обитые зеленымъ сукномъ, были наполнены слушателями; многіе, за неимѣніемъ мѣстъ, толпились на корридорѣ и на окнахъ. Начальство Института, обрадованное вниманіемъ къ краснорѣчивому профессору, устроило, для удобнѣйшаго помѣщенія слушателей, огромный залъ съ хорами въ зданіи Коллегіи. Полагали, что такъ какъ это устроено на большую руку, то многія мѣста окажутся пустыми и незанятыми — ничуть не бывало: слушатели увеличивались. Попечитель, Н. Н. Новосильцовъ, былъ въ восторгѣ и шутя говорилъ:

«каковъ *мой* профессоръ!» Мы знаемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ многочисленныхъ слушателей, уже старыхъ и почтенныхъ, которые съ восторгомъ и теперь говорятъ, какъ Мартыновъ заставлялъ трепетать сердца ихъ своимъ ровнымъ, гармоническимъ голосомъ. Впрочемъ, въ справедливости нашего показанія можно удостовѣриться также изъ наименованнаго нами журнала: Russland unter Alexander dem I-ten (*). Но весьма интересно знать, что говорилъ самъ нашъ скромный ораторъ объ этомъ совершенно неожиданномъ для него торжествѣ. Вотъ что онъ пишетъ: «Надлежало составлять записки для своихъ лекцій по иностраннымъ источникамъ: на русскомъ языкѣ сочиненій по эстетикѣ не было. Дѣло было довольно важное, тѣмъ болѣе, что слушать курсы наукъ въ семъ заведеніи позволено было кому угодно. Приготовясь на нѣсколько чтеній, я открылъ преподаваніе эстетики и, къ удивленію моему, съ трудомъ пробрался до каѳедры сквозь толпу сидѣвшихъ и стоявшихъ не только въ классѣ, но и въ переднемъ покоѣ и на лѣстницѣ ожидавшихъ меня посѣтителей всякаго состоянія, возраста и чиновъ. Новость предмета, думалъ я, привлекла на первый урокъ столько слушателей; время ихъ поубавитъ. Но я ошибся въ заключеніи: почти всѣ они постоянно посѣщали мои лекціи — доказательство, какъ охотно у насъ пользуются случаями для своего образованія.»

Съ іюня того же 1804 года къ прежнимъ занятіямъ Мартынова прибавилась должность ученаго

(*) Кн. V, 1804 г.

секретаря Конференціи Педагогическаго Института. Въ этомъ же году, 3 сентября, именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно ему быть правителемъ дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ. Кромѣ того, въ 1803 и 1804 гг., онъ былъ употребленъ правителемъ дѣлъ въ составленномъ, по Высочайшему повелѣнію (данному 30 октября 1803 года господину министру просвѣщенія), комитетѣ для разсмотрѣнія проэкта князя Зубова объ учрежденіи губернскихъ военныхъ училищъ. Для Мартынова тѣмъ болѣе было лестно это порученіе, что въ Коммиссіи присутствовалъ Государь Цесаревичъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, къ которому, по дѣламъ Коммиссіи, онъ относился непосредственно. На основаніи проэкта князя Зубова, Коммиссія начертала планъ воспитанія для военныхъ училищъ. Планъ былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія и, на основаніи его, открытъ Совѣтъ о военныхъ училищахъ, въ который предсѣдательствующимъ назначенъ былъ Государь Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, а правителемъ Канцеляріи Совѣта, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, Мартыновъ, 5 апрѣля 1805 г. Между тѣмъ онъ неутомимо дѣйствовалъ какъ директоръ департамента, и министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, приблизилъ его къ себѣ и совѣтовался съ нимъ обо всѣхъ дѣлахъ.

Уставы, въ начертаніи которыхъ Мартыновъ участвовалъ по 1806 годъ, слѣдующіе: Дерптскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго Университетовъ, также Уставъ для Демидовскаго Высшихъ

Наукъ Училища. Для ясности и связи надобно знать, что первоначально эти уставы сочинены были такимъ образомъ: Дерптскій Университетъ, написавъ свой уставъ, отправилъ его въ С.-Петербургъ съ своими депутатами, съ профессорами Глинкою и Парротомъ, для совокупнаго разсмотрѣнія его съ Главнымъ Правленіемъ Училищъ. Уставы Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго Университетовъ были составлены попечителями этихъ университетовъ; уставъ Ярославскаго Демидовскаго Высшихъ Наукъ Училища — жертвователемъ имущества на содержаніе этого заведенія, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Павломъ Григорьевичемъ Демидовымъ. Но графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, человѣкъ, безспорно, замѣчательный, просвѣщенный и дѣятельный, извѣстный еще при Екатеринѣ Великой, какъ отличный сочинитель государственныхъ бумагъ и участникъ въ сочиненіи знаменитаго Ея Наказа, хотѣлъ, чтобъ честь сочиненія уставовъ принадлежала юному министерству, такъ какъ общественное мнѣніе возлагало самыя большія надежды на новое учрежденіе. Онъ занялся этимъ самъ съ своимъ директоромъ, не щадившимъ силъ для такого важнаго дѣла.

Такимъ образомъ были начертаны уставы университетамъ и подвѣдомымъ имъ училищамъ. По числу университетовъ, существовавшихъ тогда въ Вильнѣ, Москвѣ и Дерптѣ и предположенныхъ вновь въ С.-Петербургѣ, Харьковѣ и Казани, устроены шесть учебныхъ, или университетскихъ округовъ; къ каждому изъ нихъ причислено по нѣсколько гу-

берній, существовавшія училища которыхъ надлежало преобразовать по новому плану, учредить новыя и каждый округъ подчинить особому попечителю.

Правила для С.-Петербургскаго Педагогическаго Института, или для такъ называемой учительской гимназіи, писаны Мартыновымъ съ мнѣній, по ученымъ предметамъ, профессоровъ этого института. Уставы для гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составлены Мартыновымъ, кромѣ одного табеля росписаній учебныхъ предметовъ, что поручено было члену Главнаго Правленія училищъ Н. И. Фусу. Уставъ для ценсуры книгъ написанъ весь Мартыновымъ и подписанъ министромъ и членами Главнаго Правленія Училищъ, почти безъ всякой перемѣны, и Высочайше утвержденъ 9-го іюля 1804 года. Этого же года, 5-го ноября, Высочайше утверждены грамоты, уставы и штаты университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго; также уставъ другихъ учебныхъ заведеній, т. е. гимназій, пансіоновъ, уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ названій училищъ. Кому не извѣстно, какія блистательныя этими уставами предоставлены права и преимущества всѣмъ университетамъ и подвѣдомымъ имъ училищамъ, и какіе плоды принесли вскорѣ эти заведенія?

Министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, такъ остался доволенъ своимъ директоромъ, что самъ, собственноручно, сочинилъ черновую записку о награжденіи его. Мартыновъ хранилъ эту записку до самой своей смерти, какъ залогъ вели-

кодушія и признательности къ нему славнаго министра. Орденъ, полученный имъ по этому представленію, былъ для него самымъ драгоцѣннымъ по этимъ воспоминаніямъ. Вотъ она, эта записка, которая можетъ показать образецъ слога нашего перваго, по времени, министра: «Коллежскій Совѣтникъ Мартыновъ, Правитель дѣлъ ввѣреннаго мнѣ Департамента и вмѣстѣ Канцеляріи Главнаго училищъ Правленія и Совѣта военныхъ училищъ, неся также должность ученаго Секретаря Конференціи Педагогическаго Института, отличается пространнымъ и неусыпнымъ своимъ трудомъ, участвуя въ начертаніи уставовъ всѣмъ вновь устрояемымъ учебнымъ заведеніямъ, во вниманіе на его необыкновеннѣйшіе труды и заслугу, убѣждаюсь ходатайствовать о всемилостивѣйшемъ награжденіи его знакомъ ордена св. Анны.» Орденъ св. Анны 2-го класса онъ получилъ 1806 г., февраля 3. Того же мѣсяца, 5 числа, онъ получилъ единовременное награжденіе 1,300 р.

Дѣйствительно, Мартыновъ отличался, по мѣткому и справедливому выраженію Завадовскаго, *пространнымъ и неусыпнымъ трудомъ*. Несмотря на всѣ свои должности, на важныя и трудныя обязанности, онъ не только не охладѣвалъ въ своей любви къ литературѣ, но даже находилъ время заниматься ею и быть издателемъ замѣчательнаго журнала. «*Сѣверный Вѣстникъ*», выходившій ежемѣсячно втеченіе 1804 и 1805 гг., замѣчателенъ, какъ по своей критикѣ, такъ, еще болѣе того, по своему серьезному направленію, которое удачно высказалось въ статьѣ, помѣщенной на первыхъ же страницахъ этого жур-

нала. «Познанія — говоритъ авторъ — суть, такъ сказать, магнитъ души, все къ себѣ привлекающій; они пробуждаютъ дремлющія и неизвѣстныя до сего по своимъ дѣйствіямъ силы оной; распространяютъ вліяніе свое на весь физическій міръ; превращаютъ пустыни въ цвѣтущія долины и дикихъ людей въ чувствительныхъ и мягкосердыхъ.» «Сѣверн. Вѣст., ч. I. стр. 4.» И дѣйствительно, издатель старался, по мѣрѣ силъ, распространять эти познанія. Впрочемъ, какъ объ этой статьѣ, такъ вообще о цѣломъ журналѣ, мы будемъ еще говорить подробно. Не желая прерывать біографической нити разсказа, замѣтимъ, что изданіе «*Сѣвернаго Вѣстника*» шло объ руку съ государственною службою Мартынова: журналъ этотъ былъ живымъ истолкователемъ того, что занимало, волновало и что было близко душѣ этого ревнителя просвѣщенія. Прекративъ этотъ журналъ въ концѣ 1805 г., онъ тотчасъ приступилъ къ изданію новаго журнала: *Лицей*.

Вообще, кромѣ своихъ трудовъ на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія, кромѣ занятій по званію директора департамента и профессора, ученаго секретаря конференціи Педагогическаго Института, правителя канцеляріи Совѣта о военныхъ училищахъ и правителя дѣлъ Главнаго Училищъ Правленія, онъ не забывалъ и литературы, часто говоря: «мнѣ, чиновнику просвѣщенія, литература близка, ибо она также есть проводникъ къ народному воспитанію». Убѣжденіе это и было причиною, почему онъ не чуждался литературнаго кружка, интересовался каждымъ новымъ сонетомъ, мадригаломъ, эпистолою,

серьезною статьею по части обожаемой имъ классической литературы и древности и находилъ время бывать въ обществѣ Державина, Карамзина, Крылова, тогда еще малоизвѣстнаго, но съ которымъ онъ подружился со времени изданія «Меркурія», Батюшкова, Жуковскаго и В. Нарѣжнаго, даровитаго родоначальника русскаго романа.

Батюшковъ и Нарѣжный были постоянные посѣтители Мартынова. Перваго онъ любилъ за его поэтически-восторженную любовь къ древне-греческому міру; а этого ужь одного было достаточно для Мартынова. Второй нравился ему своимъ юморомъ, веселымъ и рыцарски-безстрашнымъ характеромъ, что онъ обнаруживалъ довольно часто. Когда Нарѣжный имѣлъ большія непріятности по случаю одного изъ своихъ романовъ, въ которомъ его недоброжелатели видѣли каррикатурное будто бы изображеніе нѣкоторыхъ тогдашнихъ лицъ, его очень часто видѣли тогда у Мартынова, который, по нѣжности своей, старался сколько можно помочь бѣдному романисту. Вообще Нарѣжный, единственный писатель, манера котораго нѣсколько отразилась въ произведеніяхъ Гоголя, никому не подражавшаго, нашъ Несторъ реальнаго направленія въ русской литературѣ, былъ лицомъ весьма темнымъ для своихъ современниковъ; поэтому вниманіе и покровительство Мартынова было для него важно, въ особенности въ то время, о которомъ мы говоримъ.... Но обратимся къ прерванному разсказу.

Извѣстность Мартынова, какъ опытнаго и краснорѣчиваго педагога, была такъ велика, что Импера-

трица Марія Θеодоровна, въ письмѣ чрезъ статсъ-секретаря Виламова, пригласила его принять надзоръ за учебною частію въ С.-Петербургскомъ Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ. Виламовъ писалъ, что онъ никого не будетъ имѣть начальниковъ, кромѣ Ея Величества, къ которой будетъ относиться непосредственно. «Ея Величеству — пишетъ онъ — извѣстно, сколько вы заняты по Министерству Народнаго Просвѣщенія; но Она увѣрена, что часть сія будетъ въ цвѣтущемъ состояніи, если вы *только взглянете* хотя два или одинъ разъ въ недѣлю.»

Вслѣдствіе этого лестнаго предложенія, онъ и занимался 1807 и 1808 гг. въ этомъ заведеніи. Но, по усилившимся занятіямъ по министерству, онъ долженъ былъ отказаться отъ этой обязанности. Императрица, при самомъ благосклонномъ рескриптѣ, прислала ему брильянтовый перстень.

Февраля 5-го 1807 г. Мартыновъ былъ избранъ членомъ Россійской Академіи. При вступленіи своемъ онъ сказалъ замѣчательную рѣчь, въ которой выказалась вся любовь его къ родному слову и отечеству. Рѣчь эта, какъ видно изъ самаго ея вступленія, была произнесена въ присутствіи Державина, Дмитревскаго, переводчика Делиля и многихъ другихъ. Прежде всего бросаются въ глаза первыя строки, исполненныя достоинства и уваженія къ предсѣдавшему обществу и къ самому себѣ. «Почтеннѣйшему сословію Академіи угодно было удостоить меня принятія въ свои сочлены. Однѣ заслуги должны бы таковою почестію быть увѣнчаны, но снисхожденіе умягчило для меня законъ; и вѣсы

правосуднаго божества не рѣдко онымъ колеблются. Уже достоинъ принадлежать къ знаменитому сословію вашему тотъ, на кого палъ выборъ.» Конецъ этой рѣчи въ особенности замѣчателенъ. Но, для лучшаго уразумѣнія его, просимъ вспомнить, что это происходило не задолго передъ великимъ 12 годомъ, когда корсиканскій Ахиллъ разгуливалъ по Европѣ, какъ въ собственной палаткѣ, когда на безмолствовавшую тогда Россію смотрѣли, какъ на страну вѣчныхъ снѣговъ и медвѣдей.

«Понынѣ еще — говорилъ Мартыновъ — рѣдкой иностранецъ вѣритъ, что Россія не однимъ оруженіемъ достойна уваженія; лучшіе писатели наши или вовсе имъ не извѣстны, или извѣстны токмо по имени. Отчего же сіе происходитъ? Не говоря о другихъ причинахъ, къ числу оныхъ причесть можно и то, что мы сами худо печемся объ обогащеніи словесности и объ усовершенствованіи своего языка. Литераторы наши, большею частію, только переводятъ, и притомъ не всегда сноснымъ слогомъ, рѣдко имѣютъ терпѣніе повиноваться правиламъ здраваго вкуса и образцамъ, могущимъ руководить ихъ въ чистотѣ языка. Отсюда происходитъ, что иностранецъ, любопытствуя о произведеніяхъ Словесности Россійской, слышитъ въ отвѣтъ гораздо больше о произведеніяхъ иноземныхъ, нежели подлинныхъ; а написанное Россіяниномъ часто бываетъ такъ незрѣло, такъ маловажно, что благоразуміе стыдится одобрять оное иностранцу. На семъ-то основывается общее, обидное для первостатейныхъ писателей и истинныхъ любителей слова и отечества заключеніе, что Россійская Словесность еще въ колыбели и потребны многія, многія усилія, дабы младенецъ сей поспорилъ съ питомцемъ музъ Британскихъ, Гальскихъ и Германскихъ. По сему, не со-

ставляетъ ли священной обязанности каждаго члена сей Академіи то, чтобы. посредствомъ довѣрія своего, препятствовать жалкому распространенію дурныхъ сочиненій и переводовъ, дабы заставить иностранца выгоднѣе думать о состояніи Словесности нашей? Предшествуя собственнымъ примѣромъ на семъ знаменитомъ пути, съ свѣтильникомъ основательной и мудрой критики, Академія, во всѣхъ родахъ Словесности, не должна ли преслѣдовать мнимыхъ или дерзкихъ знатоковъ искусства и языка, и выводить на зрѣлище только истинные таланты? Но къ обогащенію нашего языка есть преграда еще важнѣйшая: она состоитъ въ чрезмѣрной привязанности къ языкамъ иностраннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не возможно взирать безъ прискорбія, до какой степени простирается это пристрастіе лучшей отрасли нашего отечества, особливо къ языку Французскому. Въ знатнѣйшихъ домахъ начинается воспитаніе съ сего языка. Будущій воинъ, судья, градоначальникъ, министръ согражданъ своихъ, — прежде приготовляется хорошо говорить съ Французомъ, нежели съ своимъ единоземцемъ; обращаетъ чуждый языкъ въ природный, обременяетъ память не русскими выраженіями, тогда, какъ разсудокъ его долженствовалъ бы возрастать умноженіемъ познаній и чувствованій, преданныхъ общественной пользѣ. Всѣ обороты, всѣ изгибы иностраннаго языка ему совершенно извѣстны; между тѣмъ, какъ самыя необходимыя и общепринятыя слова собственнаго своего языка кажутся ему странными, новоизобрѣтенными, нестройными. Онъ стыдится произнести слово русское въ большомъ свѣтѣ и даже съ друзьями всегда говоритъ и пишетъ на иностранномъ языкѣ; вездѣ встрѣчаетъ неудобства, когда объясняется на своемъ природномъ, и тѣмъ еще тщеславится! Вступивъ въ должность, вездѣ находитъ затрудненія въ разумѣніи дѣлъ. Для него ни мало не ощутительны мелкіе, впрочемъ существеннѣйшіе оттѣнки украшеній слова, которые выразить преиму-

щественно занимающемуся природнымъ языкомъ не стоитъ ни малаго труда. Отечественный языкъ для него не токмо чуждъ, но и несносенъ. Услуги Академіи были бы неоцѣненны, еслибы она вліяніемъ своимъ могла отличнѣйшую часть согражданъ своихъ обратить къ раченію болѣе о собственномъ языкѣ, нежели иностранныхъ; ибо не токмо способствовала бы тѣмъ къ обогащенію онаго красотами всѣхъ родовъ, но сдѣлала бы сильный и полезнѣйшій переворотъ въ образованіи нравственномъ. Извѣстно, сколь велико вліяніе языковъ на нравы! Доказательство сего видимъ въ собственномъ отечествѣ нашемъ. Вмѣсто твердости и правоты характера, Россіянину свойственнаго, въ воспитанникѣ Француза видимъ только изнѣженность, привязанность къ мелочамъ, легкомысліе, лживость, безпечность въ исполненіи должностей, хладнокровіе къ своимъ соотечественникамъ, роднымъ, неполучившимъ моднаго воспитанія, ложное понятіе о просвѣщеніи. Всѣ пріемы въ обращеніи, всѣ наклонности, привычки, страсти, словомъ весь таковый гражданинъ Россіи становится гражданиномъ иностраннымъ. Истинный сынъ Отечества не можетъ безъ содраганія представить себѣ пагубнаго сего похищенія толикихъ согражданъ! Но что можетъ сдѣлать вліяніе Академіи противъ столь далеко распространившейся заразы? возразитъ кто нибудь. Сочлены! кому неизвѣстно, что одинъ человѣкъ не рѣдко производитъ важнѣйшіе перевороты? Академія можетъ противопоставить свою любовь къ Отечеству, подобно прочимъ сынамъ онаго, приносящимъ на жертвенникъ его свое имущество и жизнь. Пусть сочиненія Академіи докажутъ всю пагубу воспитанія французскаго; пусть внушатъ они любовь къ языку природному; пусть обратятъ вниманіе Россіянъ на иностранцевъ, на самыхъ Французовъ, до какой степени они занимаются иностранными языками; одна необходимость заставляетъ ихъ изъясняться на оныхъ тогда, когда имѣютъ дѣло съ иностранцами, и они ни мало не

стыдятся, если и не разумѣютъ ихъ. Пусть сочиненія Академіи обратятъ на то вниманіе правительства; тогда россійскій языкъ введенъ будетъ во всегдашнее и всеобщее употребленіе въ Отечествѣ нашемъ, при Дворѣ, во всемъ сословіи дворянъ. Мы не иностранныя обезьяны, мы Русскіе граждане! Сочлены! при настоящихъ обстоятельствахъ, когда сердце каждаго Россіянина пылаетъ любовію къ Отечеству и ненавистію къ народу, для всего свѣта тягостному, кажется настало къ тому самое благопріятное время.» (*)

Какое дѣйствіе произвели эти энергическія и пламенныя слова молодаго члена, только что ступившаго на порогъ Академіи — намъ неизвѣстно. Но мы нарочно сдѣлали эти длинныя выписки, потому что въ нихъ видны взглядъ и физіономія человѣка, котораго мы силимся изобразить, горячность и убѣжденіе этого честнаго и благороднаго сподвижника отечественнаго просвѣщенія.

Кромѣ Россійской Академіи, университеты и ученыя общества не лишали его своего вниманія: старѣйшій изъ нашихъ университетовъ, Московскій, почтилъ его званіемъ почетнаго своего члена, гораздо ранѣе поступленія его въ Академію, въ 1804 г. Бывшій Виленскій Университетъ избралъ его въ свои члены октября 17-го 1809 г. То же сдѣлалъ, въ 1810 г., сентября 10, Харьковскій, а въ 1814 г., октября 21, Казанскій Университеты. Честь и слава

(*) Рѣчь эта была произнесена въ Императорской Россійской Академіи, марта 23-го 1807 г. Она, кажется, нигдѣ не была напечатана; но мы ее отыскали въ литературныхъ и дѣловыхъ бумагахъ покойнаго Ивана Ивановича Мартынова.

русскимъ университетамъ, сознавшимъ, что они были обязаны ему многими коренными и лучшими изъ своихъ постановленій! Въ этомъ же году и того же числа С.-Петербургское Вольное Экономическое Общество приняло его въ дѣйствительные свои члены, а въ 1816 г., марта 24, Императорская Медико-Хирургическая Академія почтила его званіемъ почетнаго своего члена. Но изъ всѣхъ этихъ ученыхъ учрежденій онъ приносилъ существенную пользу только Россійской Академіи и Вольному Экономическому Обществу: первой — своимъ постояннымъ присутствіемъ и преимущественнымъ предъ другими членами доставленіемъ словъ въ ея «Словарь» по разнымъ наукамъ, искусствамъ, ремесламъ и также сообщеніемъ словъ общеупотребительныхъ; Экономическому же Обществу — доставленіемъ своихъ мнѣній, какихъ оно отъ него, какъ отъ дѣйствительнаго члена, требовало, и, еще болѣе того, своими сочиненіями по части ботаники, за которыя получены имъ въ разное время золотыя медали. — Объ этихъ трудахъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Литературныя, учебныя и служебныя занятія Мартынова не оставались безъ награжденія. Такъ, въ 1804 и 1805 годахъ, на изданіе журнала «Сѣверный Вѣстникъ», онъ получалъ ежегодно отъ Монаршихъ щедротъ по три тысячи рублей, въ теченіе двухгодичнаго существованія этого журнала. Въ 1807 г., сентября 15, Императоръ Александръ пожаловалъ ему брильянтовый перстень за четырехлѣтнее образованіе студентовъ Педагогическаго Института. Въ этомъ же году, сентября 7, произведенъ онъ въ

статскіе совѣтники, въ 1808 году награжденъ единовременно 1,000 рублями; а въ 1809 г. Всемилостивѣйше пожалована ему въ 12-ти-лѣтнее содержаніе аренда — награда весьма важная при его скудныхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Того же 1809 г. онъ былъ употребленъ дѣлопроизводителемъ въ Комитетѣ, составленномъ для начертанія правилъ испытанія медицинскихъ чиновниковъ, потомъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Комитета испытаній гражданскихъ чиновниковъ при С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ и надзирателемъ курсовъ, предписанныхъ указомъ августа 6 дня 1809 г. Въ концѣ 1809 и въ началѣ 1810 г. Мартыновъ былъ дѣлопроизводителемъ въ Комитетѣ, учрежденномъ для уменьшенія расходовъ по всѣмъ министерствамъ и вѣдомствамъ на 1810 г.; въ 1811 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Возвышеніе его шло быстро. Ему тогда было всего сорокъ лѣтъ.

Въ 1811 г., октября 20, открытъ былъ Царскосельскій Лицей, давшій намъ Пушкина, Дельвига и другихъ людей, отличившихся на другомъ поприщѣ. Мартыновъ и здѣсь принималъ самое дѣятельное участіе.

Объ открытіи Лицея мы можемъ сообщить нѣкоторыя подробности на основаніи словъ Мартынова, въ бумагахъ котораго мы отыскали, между прочимъ, цѣлую собственноручную его рукопись, подъ заглавіемъ: «Поѣздка въ Царское Село и въ Павловскъ 1829 года». Увидѣвъ зданіе Лицея, нашъ благород-

нѣйшій дѣятель, которому тогда было уже 58 лѣтъ, который жилъ тогда только одними литературными интересами, расчувствовался, вспомнилъ старину и написалъ слѣдующее:

«Старики живутъ въ воспоминаніяхъ: воинъ любитъ разсказывать о походахъ своихъ, гражданинъ о мирныхъ дѣяніяхъ. Посему, живущіе въ настоящемъ, должны быть къ старикамъ снисходительны, если они бываютъ скучны своими разсказами.

«Завидѣвъ зданіе Лицея, я тотчасъ привелъ себѣ на мысль всѣ хлопоты мои по сему заведенію, въ бытность мою директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. Это время ужь прошло!... Благоволеніе безсмертнаго Александра, довѣренность ко мнѣ дѣятельнаго и просвѣщеннаго Министра Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, давали мнѣ крылья успѣвать во всѣхъ должностяхъ и дѣланныхъ мнѣ порученіяхъ. Государю Императору благоугодно было на мѣстѣ своего воспитанія оставить памятникъ, приличный сему предмету. Что могло быть приличнѣе, какъ не учрежденіе воспитательнаго же заведенія? Его Величеству желательно было образовать въ Лицеѣ дѣтей знатнѣйшихъ дворянъ, для военной и гражданской службы, смотря по склонностямъ и способностямъ воспитанниковъ; для сего Его Величество изволилъ начертать главнѣйшія статьи постановленія сего заведенія и возложить на графа А. К. Разумовскаго (бывшаго уже тогда Министромъ Народнаго Просвѣщенія) — разсмотрѣть первоначальныя сіи статьи, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и

сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія Лицею. Графъ Алексѣй Кириловичъ дѣло сіе поручилъ мнѣ; и существующее нынѣ постановленіе, разсмотрѣнное Министромъ, вскорѣ поднесено было Императору и удостоено Высочайшаго Его утвержденія 19 Августа 1810 года. Немедленно за симъ, постановленіе это включено въ Грамату, дарованную Лицею, переписано на великолѣпно по полямъ листовъ разрисованномъ пергаментѣ, переплетено въ золотой глазетъ, съ серебрянными кистями и позолоченнымъ ковчегомъ для государственной печати.

«Приготовленная такимъ образомъ Грамата поднесена къ Высочайшему подписанію, коею Грамата удостоена въ 22 д. Сентября 1811 года. — Между тѣмъ, какъ приготовлялась Грамата и отдѣлываемо было строеніе, принимаемы были воспитанники и, со всею строгостію, испытываны въ познаніяхъ, требуемыхъ для вступленія въ Лицей, въ присутствіи Министра, Директора Лицея, статскаго совѣтника Василія Малиновскаго, и моемъ, по предварительномъ собраніи самимъ же Министромъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ.

«По приготовленіи такимъ образомъ всего къ открытію Лицея, оно совершилось Октября 20 дня 1811 года, въ присутствіи Государя Императора, Государынь Императрицъ, Государя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича, Великой Княжны Анны Павловны, первыхъ чиновъ Императорскаго Двора, гг. Министровъ, Членовъ Государственнаго Совѣта и многихъ другихъ особъ.

*

«Открытіе Лицея происходило слѣдующимъ образомъ. По совершеніи, въ присутствіи Августѣйшей Императорской Фамиліи, въ придворной церкви Божественной литургіи, духовенство, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, шло изъ церкви для освященія зданія Лицея, въ сопровожденіи Императорской Фамиліи и всѣхъ вышеупомянутыхъ особъ; также чиновниковъ и воспитанниковъ Лицея. По окончаніи сего обряда, когда Ихъ Величества и Ихъ Высочества изволили занять мѣста въ залѣ собранія, я имѣлъ счастіе изъ Граматы, которую, по обѣ стороны меня, держали два адъюнктъ-профессора, — прочесть вступленіе, главы объ устройствѣ и правахъ Лицея и заключеніе Граматы. Потомъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія, принявъ отъ меня Грамату, вручилъ оную Директору Лицея, для оставленія на всегда въ семъ заведеніи. По принятіи Граматы, Директоръ Малиновскій произнесъ, сочиненную мною, приличную сему случаю рѣчь (*). За симъ секре-

(*) Мы ее помѣщаемъ здѣсь, какъ собственность, принадлежащую Мартынову, всѣмъ профессорамъ и тогдашнимъ воспитанникамъ извѣстную, отысканную въ его бумагахъ и собственной его рукой написанную:

«Всемилостивѣйшій Государь! Въ семъ градѣ Премудрѣйшая изъ Монархинь, среди весеннихъ и лѣтнихъ красотъ природы, нѣкогда назидала благоденствіе Россіи; въ семъ убѣжищѣ Ваше Величество поучались управлять судьбою народовъ, нынѣ подвластныхъ скипетру Вашему. И въ столь знаменитомъ обиталищѣ отверзаете храмъ Наукъ для отличнѣйшаго юношества Вашей Державы.

«Сколько убѣжденій въ превосходствѣ будущихъ успѣховъ сего единственнаго учрежденія! Малое число дѣтей, въ

тарь конференціи, профессоръ Кашанскій, прочелъ списокъ учебнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, опредѣленнымъ въ Лицей; потомъ списокъ воспитанникамъ, принятымъ въ оное. Каждый изъ чиновниковъ и воспитанниковъ, по наименованіи его, представленъ былъ Государю Императору господи-

---

дарованіяхъ и благонравіи испытанныхъ, какъ единое семейство, не представляетъ неудобствъ въ совершенномъ надзорѣ за ихъ ученіемъ и поступками; благорастворенный воздухъ, укрѣпляя силы ихъ тѣлесныя, укрѣпитъ душевныя въ величіи чувствованій и дѣяній; безмолвное уединеніе соберетъ и направитъ всѣ мысленныя способности ихъ къ единой цѣли: къ познанію нравственнаго и физическаго міра; а воспоминаніе о великой въ Женахъ и о воспитаніи въ семъ мѣстѣ Августѣйшаго Внука Ея; пріосѣненіе сего храма наукъ Его покровительствомъ воскрыляетъ младые таланты къ пріобрѣтенію славы истинныхъ сыновъ Отечества и вѣрныхъ служителей Престола Монаршаго.

«Такъ, Всемилостивѣйшій Государь! попеченіемъ Вашего Величества здѣсь все соединено къ образованію для важнѣйшихъ государственныхъ должностей. Нѣтъ счастливѣе настоящей участи его; нѣтъ лестнѣе будущаго его назначенія!

«Но, не менѣе того, счастливы и мы, избранные къ руководству онаго и воспитанію. Мы чувствуемъ важность правъ и преимуществъ, дарованныхъ Вашимъ Величествомъ сему заведенію и лицамъ, къ нему принадлежащимъ. Чувствуемъ; но чѣмъ содѣлаться можемъ достойными оныхъ? Единое избраніе насъ къ подвигу образованія сего юношества не служитъ еще въ томъ порукою. Мы потщимся каждую минуту жизни нашей, всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда, да Ваше Императорское Величество и все отечество возрадуются о плодахъ его.»

номъ Министромъ. По прочтеніи списковъ, адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ, Куницынъ, читалъ воспитанникамъ наставленіе о цѣли и пользѣ ихъ воспитанія. Послѣ сего Государь Императоръ со своею Императорскою Фамиліею и прочими знаменитыми особами, изволили осматривать всѣ покои и присутствія своего удостоили обѣденный столъ воспитанниковъ. Въ это время, именно, когда Ихъ Величества пошли осматривать покои, Государь Цесаревичъ, будучи позади Императорской Фамиліи, и неся на одной рукѣ шаль Великой Княжны Анны Павловны, другою, взявъ меня подъ руку, удостоилъ счастія идти со мною. Я уже сказалъ, что старики живутъ въ воспоминаніяхъ, и потому и здѣсь надѣюсь заслужить извиненіе въ приведеніи части лестнѣйшаго для меня разговора съ Его Императорскимъ Высочествомъ. Разговоръ сей доказываетъ, сколь пріятно было Ему видѣть при открытіи Лицея дѣйствующимъ лицемъ и меня, подчиненнаго Его Высочеству по Совѣту о военныхъ училищахъ. Взявъ меня подъ руку, Государь Цесаревичъ изволилъ съ особеннымъ удовольствіемъ сказать: «ты вездѣ!» Послѣ молчаливаго моего на сіе поклона, Онъ изволилъ спросить: «Что ты здѣсь значишь?» Я отвѣчалъ, что Министру угодно было, чтобъ я, какъ директоръ департамента, прочелъ Грамату.

«— А эти профессора откуда?

«— Всѣ изъ Педагогическаго Института.

«— Всѣ твои?

«Я опять отвѣчалъ благодарнымъ поклономъ.

«— Какъ зовутъ того, который читалъ разсужденіе?

«— Куницынъ.

«— Хорошо читалъ.

«— Онъ былъ первый студентъ въ Педагогическомъ Институтѣ.

«— И Мой Талызинъ хорошъ.

«— И онъ, Ваше Величество, былъ изъ отличныхъ студентовъ.

«Ученіе въ Лицеѣ началось на другой же день. Какъ по поставленію онаго положено черезъ каждые полугода производить воспитанникамъ испытаніе и притомъ сторонними лицами, то Министръ, исполняя сіе правило во всей точности и вообще прилагая о семъ заведеніи особенное попеченіе, — посылалъ меня, не предувѣдомляя о томъ воспитанниковъ, для произведенія испытаній; я бралъ обыкновенно съ собою профессоровъ Педагогическаго Института по тѣмъ наукамъ, кои преподавались въ семъ заведеніи. Сверхъ того, по волѣ же г. Министра, пріѣзжалъ часто и неожиданно въ Лицей одинъ, и испытывалъ воспитанниковъ, въ чемъ былъ въ состояніи. Это былъ для меня вовсе сторонній трудъ, но я не только не скучалъ имъ, а еще занимался съ особенною охотою, имѣя въ виду хотя малую пользу воспитанниковъ. Но къ чему ведутъ сіи воспоминанія, доказывающія одинъ только эгоизмъ?»

Нѣтъ! упрекнуть въ эгоизмѣ такого человѣка грѣшно и неблагородно, того, который такъ трудился, любилъ и цѣнилъ выше всего въ жизни просвѣщеніе, не щадилъ силъ и, при открытіи Лицея,

сказалъ: «сколько убѣжденій въ превосходствѣ успѣховъ сего учрежденія!», и, какъ бы въ оправданіе этихъ словъ, Лицей далъ намъ Пушкина, красу и славу нашей національной гордости! Кромѣ того, нельзя не порадоваться, что вышеприведенныя строки уцѣлѣли, потому что Мартыновъ никогда никому не сообщалъ о томъ, что онъ дѣлалъ; поэтому многое изъ его жизни затеряно навсегда, многое не можетъ войти въ біографію за неимѣніемъ подтвердительныхъ фактовъ. Одинъ изъ прежнихъ свидѣтелей, коротко знавшій Мартынова, съ умиленіемъ сказалъ: «Каждый день былъ подвигомъ для этого человѣка, и то, что онъ дѣлалъ, мы узнавали черезъ другихъ и по случаю, черезъ годъ, черезъ три, а большая часть стала извѣстна только послѣ его смерти». Убѣдиться въ справедливости сказаннаго мы еще будемъ имѣть случай.

Послѣ открытія Царскосельскаго Лицея, для котораго, какъ мы видѣли, Мартыновъ, по порученію министра графа А. К. Разумовскаго, написалъ постановленіе, а для торжественнаго дня открытія приготовилъ прекрасную рѣчь, — Мартыновъ, сверхъ своихъ должностей, былъ употребленъ, въ 1812 и 1813 годахъ, дѣлопроизводителемъ въ Комитетѣ для начертанія правилъ испытанія гражданскихъ чиновниковъ. Правила эти, представленныя Комитету, были приняты безъ всякой перемѣны, подписаны членами и представлены въ Комитетъ Господъ Министровъ. Августа 25-го 1816 года онъ назначенъ былъ дѣлопроизводителемъ въ Комитетъ для разсмотрѣнія проэкта Устава Россійской Академіи. Въ

этомъ же году онъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Владиміра 3-й степени.

Съ окончаніемъ 1816 года блистательная служба Мартынова кончилась. Послѣ своей неутомимой и ретивой дѣятельности, онъ началъ чувствовать расположеніе къ занятіямъ болѣе мирнымъ, къ кабинетно-ученымъ. Разстроенное здоровье, семейныя заботы и нѣкоторыя частныя огорченія заставили его искать отдыха и уединенія, гдѣ бы онъ, по мѣрѣ силъ, приносилъ пользу другимъ.

Въ началѣ 1817 года онъ уволенъ изъ Педагогическаго Института, съ оставленіемъ при немъ жалованья, какое онъ оттуда получалъ. Того же года, февраля 17, онъ былъ уволенъ отъ должности директора Департамента Народнаго Просвѣщенія и правителя дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ, съ Высочайшимъ повелѣніемъ быть ему членомъ этого правленія и съ оставленіемъ при немъ жалованья директора, правителя дѣлъ Главнаго Правленія Училищъ, казенной квартиры, дровъ и свѣчъ. Онъ простился съ прежними своими занятіями, съ своими подчиненными, любовью которыхъ гордился, и говорилъ, что онъ хочетъ одного: оставить по себѣ добрую память между сослуживцами.

Мартыновъ еще разъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ пріятно оставить по себѣ добрую память между тѣми, съ которыми проводишь жизнь и которыхъ образованіе ввѣряется нашему попеченію. Нѣкоторые изъ признательныхъ учениковъ его, питомцы любимаго имъ Педагогическаго Института, окружили его на улицѣ и выразили искреннюю признатель-

ность своему удаляющемуся покровителю и наставнику. Разстроганый Мартыновъ поспѣшилъ уйти отъ нихъ и, прійдя домой, вспомнилъ въ кружку своего семейства и друзей другое время, когда онъ, бѣдный студентъ семинаріи, объявилъ своимъ ученикамъ, что онъ оставляетъ ихъ и избираетъ новое поприще, икакъ ученики пришли прощаться съ нимъ и съ плачемъ поднесли ему рѣчи и стихи на этотъ случай. Первый изъ нихъ по успѣхамъ, крошечный риторъ, бывшій потомъ хорошимъ проповѣдникомъ и оберъ-священникомъ, Г. М., выступилъ на середину и тоненькимъ дѣтскимъ голосомъ продекламировалъ:

Удалился Аполлонъ!
Музы невскія рыдайте;
Вѣтръ унылый, тихо вѣя,
Разнеси печальный гласъ.... и проч.

— Но какъ я слабъ! сказалъ Мартыновъ, обращаясь къ своимъ друзьямъ: — воспоминая объ этихъ пышныхъ, мало заслуживаемыхъ, но усердныхъ выраженіяхъ, я и теперь не могу говорить объ этомъ равнодушно!

И, дѣйствительно, Мартыновъ зарыдалъ, какъ ребенокъ. Кстати замѣтимъ здѣсь: онъ отличался страшной чувствительностью, но точно стыдился этого прекраснаго чувства; называлъ себя плаксой и терпѣть не могъ, если кто либо напоминалъ ему о нѣжности его сердца: изъ-за одного этого можно было лишиться навсегда его хорошаго расположенія. Друзья его, въ числѣ которыхъ были профессоры

Зембницкій и Теряевъ, зная, что онъ не любилъ распространяться о самомъ себѣ, никогда не касались этого щекотливаго пункта.

Итакъ, Мартыновъ распростился съ прежней своей жизнью и приготовлялся къ другой жизни, къ дѣламъ другаго рода. Но что о немъ, въ свое время, толковали, говорили и писали, когда онъ былъ директоромъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, это доказываетъ слѣдующій, одинъ изъ многихъ, подобныхъ этому случаевъ.

До вторженія Наполеона въ Россію, вся Европа занималась и интересовалась государствомъ, которое одно, среди общихъ политическихъ потрясеній, покойно занималось своимъ внутреннимъ, великимъ преобразованіемъ, учреждало новые университеты, лицеи, институты, преобразовывало гимназіи и училища, учреждало министерства, имѣло своихъ славныхъ государственныхъ мужей, о талантахъ и знаніяхъ которыхъ ходили за границею самые разнорѣчивые слухи. Въ ту пору всякая печатная нелѣпость, всякая маленькая брошюрка, касающаяся Россіи, интересовали иностранцевъ. Поэтому нѣкто г. Миллеръ, профессоръ одного нѣмецкаго университета, служившій прежде въ Петербургѣ учителемъ нѣмецкаго языка, пустилъ одно изъ тѣхъ сочиненій, какія тогда были въ ходу, и описалъ всѣхъ тогдашнихъ министровъ, директоровъ и другихъ начальниковъ. Мартыновъ узналъ объ этомъ сочиненіи отъ дѣйств. ст. сов. Алек. Ив. Тургенева, который, прійдя къ нему, спросилъ, читалъ ли онъ и не знаетъ ли лично Миллера?

— Нѣтъ, отвѣчалъ ему спокойно Мартыновъ: — ни о сочиненіи, ни объ авторѣ ничего не слышалъ. Да въ чемъ же дѣло?

— Дѣло въ томъ, отвѣчалъ Тургеневъ: — что этотъ Миллеръ почти обо всѣхъ отзывается худо, — одного тебя хвалитъ!

Эти слова нимало не польстили самолюбію Мартынова, который, доставъ книгу и прочитавъ въ ней похвалы себѣ, съ негодованіемъ воскликнулъ:

— Преувеличеніе самое невѣжественное! По немъ можно судить о справедливости прочаго, что сказано о другихъ!

ГЛАВА III.

Занятія ботаникою.—Сочиненія Мартынова по этой части.— Мысль объ изданіи «Греческихъ Классиковъ». — Письма Евгенія, митрополита кіевскаго, по этому поводу. — Печатаніе «Классиковъ». — Равнодушіе переводчика къ отсутствію подписчиковъ. — Одобреніе графа Ник. Пет. Румянцова. — Злополучная судьба «Классиковъ», наводненіе и потеря всего состоянія. — Ходатайство Сперанскаго. — Наемная квартира и признательность бывшихъ учениковъ. — Письмо отъ Сперанскаго и графа Аракчеева. — Вознагражденіе, полученное отъ правительства.

Уволясь отъ прежнихъ своихъ должностей, Мартыновъ имѣлъ много свободнаго времени и не замедлилъ имъ воспользоваться. Въ первый же годъ пос-

лѣ своего увольненія, въ 1817, онъ подалъ мысль учредить въ Петербургѣ Минералогическое Общество. Составивъ, вмѣстѣ съ коллежскимъ совѣтникомъ Панснеромъ и барономъ Фитингофомъ, постановленіе для предполагаемаго Общества, онъ представилъ его министру просвѣщенія, который и исходатайствовалъ Высочайшее утвержденіе этому Обществу.

Купивъ, на Васильевскомъ Острову, на часть денегъ, полученныхъ съ пожалованной ему на двѣнадцати-лѣтній срокъ аренды, деревянный домикъ объ одномъ этажѣ, съ садомъ и оранжереями, Мартыновъ посвятилъ себя садоводству и ботаникѣ. Онъ хлопоталъ болѣе всего о числѣ саженъ земли, не обращая никакого вниманія на строенія, съ цѣлью привести все въ порядокъ и устроить садикъ по своимъ видамъ. Здѣсь, въ этомъ скромномъ обиталищѣ, онъ старался, сколько возможно было при его средствахъ, узнать все на дѣлѣ. Знакомые не узнавали его, съ удивленіемъ видя, что онъ почти не сидѣлъ въ комнатахъ и, съ заступомъ въ рукахъ, съ лейкою, съ кривымъ ножомъ, бѣгалъ по саду, окапывалъ деревья, разсуждалъ съ рабочими и торжественно увѣрялъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ друзья не узнаютъ его садика.

«Вотъ увидите — твердилъ онъ имъ — тутъ будутъ бесѣдки, мостики, прудики а главное — отличнѣйшія деревья, цвѣты, хотя, можетъ быть, съ обильными латинскими надписями, но зато съ неменѣе обильными плодами.»

Очевидцы намъ разсказывали, что много было за-

бавнаго въ этой фантастической увѣренности хозяина, который копался и рылся въ землѣ по нѣскольку часовъ сряду. Но слова его, впрочемъ, не были фантазіей: дѣйствительно, впослѣдствіи, люди совершенно незнакомые пріѣзжали любоваться садикомъ и цвѣтами нашего ученаго садовода.

Здѣсь-то, въ этомъ импровизированномъ саду, который, на счастіе хозяина, удался какъ нельзя лучше, Мартыновъ, занимаясь, по порученію Министерства Народнаго Просвѣщенія, изданіемъ для училищъ, на латинскомъ, языкѣ, Персона: «Synopsis plantarum Personii (который былъ напечатанъ подъ именемъ: Species plantarum), неожиданно напалъ на другую, болѣе живую и практическую мысль.

Существовавшіе тогда по ботаникѣ техническіе словари на иностранныхъ языкахъ по большей части устарѣли, а на русскомъ языкѣ вовсе ихъ не было; поэтому, онъ приступилъ къ составленію «Техно-Ботаническаго Словаря». Для этого онъ выбралъ изъ Персона всѣ техническіе латинскіе термины, входящіе въ описаніе растеній и служащіе къ означенію ихъ породъ, подробно объяснилъ и перевелъ ихъ на русскій языкъ. При пособіи Россійской Академіи, онъ издалъ свой трудъ 1820 г. Этотъ «Техно-Ботаническій Словарь» былъ ключемъ не только для желающихъ читать Персона, но и для другихъ извѣстныхъ тогда ботаническихъ системъ и сочиненій. Въ это же время онъ задумалъ издать *словарь растеній*, который содержалъ бы въ себѣ всѣ роды, подъ-роды, виды растеній, съ означеніемъ

ихъ классовъ, отечества, краски цвѣтовъ, продолженія жизни, и, увлекшись своимъ трудомъ, онъ довелъ вчернѣ этотъ словарь до половины, т. е. до буквы L. Но затрудненія, какія онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу при переводѣ родовыхъ названій на русскій языкъ, латинскія и греческія наименованія растеній, переведенныя различнымъ образомъ у различныхъ ботаниковъ нашихъ — самыхъ извѣстныхъ и лучшихъ въ тогдашнее время — Севергина, Соболевскаго, Амбодика, Двигубскаго; введеніе, наконецъ, молодыми иностранными ботаниками новыхъ терминовъ по этой наукѣ, вѣчно развивающейся и животрепещущей, какъ и самая органическая жизнь, все, взятое вмѣстѣ, принудило Мартынова остановиться на половинѣ труда своей огромной работы. Но, какъ бы въ вознагражденіе потеряннаго времени, онъ, впослѣдствіи, составилъ и напечаталъ другой «Словарь родовыхъ именъ растеній» (Спб., 1826 г.), по показаніямъ Штейделя и Персона.

Въ означенномъ словарѣ онъ перевелъ на русскій языкъ каждое латинское названіе растенія, показалъ, изъ какого языка взято, какъ составлено, отчего названо тѣмъ или другимъ именемъ, какъ переведено на русскій языкъ и какимъ именно русскимъ ботаникомъ, сколько породъ каждаго растенія извѣстно по синопсису Персонову и къ какому классу относится. Кромѣ того, при названіяхъ, данныхъ по именамъ ботаниковъ и другихъ ученыхъ и извѣстныхъ людей, помѣщены коротенькія свѣдѣнія о томъ, чѣмъ они сдѣлались извѣстны и когда жили; а при наименованіяхъ, занятыхъ отъ разныхъ городовъ, странъ

и проч., означено, гдѣ они находятся. Трудъ этотъ былъ тяжелый и упорный. Имена нѣкоторыхъ растеній переведены Мартыновымъ съ латинскаго и греческаго очень мѣтко и оригинально; многія названія сочинены имъ въ первый разъ и до сихъ поръ остались въ наукѣ.

Скудость въ руководствахъ на отечественномъ языкѣ по части ботаники, заставившая Мартынова, въ 1820 г., издать «Техно-Ботаническій Словарь», побудила его, 1821 г., составить сокращенное изложеніе трехъ превосходнѣйшихъ тогда системъ къ познанію царства прозябаемаго: Турнефорта, Линнея и Жюсье. Книга эта вышла въ свѣтъ подъ названіемъ: «Три Ботаника». Передъ изложеніемъ каждой системы помѣщены свѣдѣнія о жизни ихъ основателя. Въ концѣ книги помѣщено *начертаніе ботаники*, какого у насъ тогда не было и какое могло бы сдѣлать честь и иностранному ученому.

«Поле дарованіямъ открыто повсюду — писалъ Мартыновъ, объявляя публикѣ о выходѣ въ свѣтъ *Трехъ Ботаниковъ*. — Быть можетъ, и въ нашемъ отечествѣ таится гдѣ либо талантъ, которому стоитъ только указать путь и подкрѣпить его вниманіемъ правительства, чтобъ *начертаніе* приведено было въ исполненіе.»

Вотъ къ чему болѣе всего стремилась мысль нашего уединившагося ученаго, жертвовавшаго своимъ здоровьемъ, чтобъ только своимъ трудомъ подать руку помощи какому нибудь бѣдному труженику, заброшенному въ отдаленный уголокъ Россіи, сиротливо блуждающему въ захолустной сферѣ. Пало

ли благотворное сѣмя хоть на одну молодую, жаждущую познаній, душу, были ли полезны «Три Ботаника» и словари хоть одному русскому юношѣ, не знающему языковъ — неизвѣстно; но таково, по крайней мѣрѣ, было желаніе ихъ безкорыстнаго автора.

Окончивъ ботаническія занятія, Мартыновъ приступилъ къ труду, который поражаетъ своею громадностью, — труду, которымъ онъ достойнымъ образомъ заключилъ свою неутомимую дѣятельность. Мы говоримъ о переводѣ «Греческихъ Классиковъ», о переводѣ Эзопа, Каллимаха, Софокла, Гомера, Геродота, Лонгина, Пиндара и Анакреона.

«Мнѣ казалось — пишетъ Мартыновъ — что я неблагодаренъ буду противъ отечества, если, пріобрѣвъ въ немъ свѣдѣнія въ эллинскомъ языкѣ и зная свой основательно, не воздамъ за его обо мнѣ попеченія.»

Мысль эта не давала ему покою, и онъ объявилъ, что приступаетъ къ переводу и изданію «Греческихъ Классиковъ». Друзья Мартынова, зная ограниченное его состояніе, совѣтовали ему не предпринимать такого огромнаго труда, который, при равнодушіи тогдашней публики, могъ окончательно его раззорить. Но переводчикъ, увлеченный задуманнымъ имъ планомъ, ничего не хотѣлъ слушать и прибавилъ, что онъ намѣренъ издать своихъ обожаемыхъ классиковъ, сверхъ русскаго перевода, съ греческимъ текстомъ.

Впрочемъ, желая показать, что онъ не мечтатель (въ чемъ его нерѣдко упрекали), и видя, что денеж-

ныя дѣла его, въ самомъ дѣлѣ, далеко не блистательны, онъ отправился въ бывшую тогда Россійскую Академію. Взявъ подъ мышку одну изъ трагедій Софокла, только что имъ переведенную, онъ отправился туда и, вѣроятно, читалъ съ большимъ одушевленіемъ. Дѣйствительно, Софоклъ понравился (къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какую именно читалъ онъ трагедію), переводъ тоже хвалили и совѣтовали приступить къ изданію.

Переводчикъ смѣло приступилъ къ исполненію своей мысли. Но когда вышла программа объ изданіи «Греческихъ Классиковъ», бывшая Россійская Академія подписалась только на восемь экземпляровъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, сконфуженный издатель обратился къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, которое было великодушнѣе бывшей Академіи и охотно подписалось на сто экземпляровъ, да кромѣ того подписались всѣ духовныя училища.

Въ это же время, въ 1822 г., Мартыновъ получилъ письмо отъ Евгенія Болховитинова, митрополита кіевскаго, извѣстнаго въ русской литературѣ по своимъ словарямъ и многимъ ученымъ статьямъ, разбросаннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ прежняго времени.

«Намѣреніе ваше — пишетъ Евгеній въ первомъ своемъ письмѣ — издавать греческихъ писателей весьма полезно. Я покорно прошу включить и меня въ число подписчиковъ на подлинникъ съ переводомъ вашимъ. Дай Богъ, чтобъ вы успѣли созвать достаточное число охотниковъ. Греческихъ писателей у насъ всѣ давно уже научились величать, но

рѣдкіе научились читать. Въ чужихъ краяхъ, по крайней мѣрѣ, есть охотники собирать и такія книги, коихъ они не читаютъ, а мы не можемъ похвалиться и такими любителями древнихъ.» (*)

Надобно знать, что митрополитъ Евгеній не былъ лично знакомъ съ Мартыновымъ, что ясно видно изъ того же письма, съ котораго мы привели выписку. Поэтому слова такого извѣстнаго и почтеннаго мужа, наблюдавшаго и знавшаго Россію лучше многихъ тогдашнихъ свѣтскихъ писателей, — слова на счетъ отсутствія у насъ людей, любящихъ чтеніе, должны были грустно подѣйствовать на бѣднаго переводчика. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого письма, онъ и написалъ прибавочное объявленіе объ изданіи «Греческихъ Классиковъ», которымъ думалъ подѣйствовать на самолюбіе своихъ современниковъ, расшевелить ихъ равнодушіе, пристыдить облѣнившихся людей, тупо и равнодушно взирающихъ на все окружающее ихъ. При этомъ, само собою разумѣется, изъ пылкой души его вырвалось нѣсколько горькихъ упрековъ тогдашнему читателю. Напечатавъ это объявленіе въ отдѣльныхъ листкахъ, онъ разослалъ его, куда слѣдуетъ, и одинъ экземпляръ отправилъ къ митрополиту Евгенію, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ: (**)

(*) Письмо это, также письма и отъ другихъ лицъ, которыя мы будемъ здѣсь приводить, въ подлинникѣ находятся у К. И. М—ва.

(**) Списано съ правописаніемъ сочинителя.

«Милостивый Государь
Иванъ Ивановичъ!

«При почтенномъ письмѣ вашего Превосходительства отъ 26 Октября получилъ я прибавочное объявленіе объ изданіи Греческихъ Классиковъ. Жалѣю, что предчувствіе мое о нечувствительности нашихъ соотчичей къ изданію сему оправдывается. Но можетъ быть тронутся вашимъ упрекомъ. Подписныя деньги я съ своей стороны пришлю по назначенію вашему въ началѣ слѣдующаго года. Мнѣ кажется, естьлибы вы начали съ Прозаиковъ, и именно съ Геродота, повѣствующаго много и о нашихъ краяхъ, то больше отозвалося бы подпищиковъ. О Стихотворцахъ же Греческихъ обыкновенно думаютъ, что буквальные переводы ихъ карикатурны, а вольные невѣрны. Впрочемъ да будетъ во всемъ воля ваша. Съ моей стороны, призывая благословеніе Божіе на труды ваши, честь имѣю и проч. Кіевъ, 26 Нояб., 1822 г.»

Дѣйствительно, съ однимъ только этимъ благословеніемъ, Мартыновъ приступилъ къ своему изданію, потому что число подписчиковъ было самое незначительное. Искренностью и сердечнымъ поощреніемъ отзываются письма Евгенія, который одинъ поддерживалъ его морально, говорилъ, что труды его оцѣнятъ потомки, «есть ли — прибавляетъ онъ — будутъ внимательнѣе насъ къ древнимъ образцамъ, то воздадутъ вамъ честь больше нашихъ современниковъ». Сочувствуя этому изданію и желая, чтобъ оно побольше разошлось въ публикѣ, митрополитъ Евгеній настаивалъ, чтобъ Мартыновъ началъ съ

исторіи Геродота; но переводчикъ ужь не хотѣлъ перемѣнять разъ имъ принятаго и объявленнаго плана. «Да будетъ воля ваша въ порядкѣ изданія Греческихъ Классиковъ — пишетъ по этому случаю Евгеній — предлагалъ вамъ Геродота потому, что въ семъ отцѣ Исторіи самыя древнѣйшія свѣдѣнія и о нашихъ Русскихъ краяхъ. Въ проѣздъ мой къ Кіеву, бывши у Канцлера въ Гомелѣ, я видѣлъ у него въ листахъ Французскую недопечатанную еще въ Парижѣ книгу (не припомню автора) (*), заключающую въ себѣ прелюбопытныя толкованія на Геродотово повѣствованіе о сѣверныхъ краяхъ. Авторъ весьма хорошо доказываетъ, что Геродотъ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ описалъ сіи краи; поправляетъ Ив. Потоцкаго и другихъ нашихъ писцовъ, заимствовавшихъ изъ Геродота сѣверныя повѣствованія, но не понявшихъ его текста. Съ такими-то примѣчаніями надобно быть и на Русскомъ языкѣ Геродоту; Нартова Нѣмецкій Геродотъ ни куда не годится.»

Впрочемъ, перемѣнять планъ изданія классиковъ было уже поздно: объявленія разосланы, даже явилось десятка-три подписчиковъ, которые очень интересовались знать о скорости выхода обѣщанныхъ книжекъ. Видно, русскій подписчикъ, съ первыхъ временъ существованія русской журналистики, отличался недовѣрчивостью и всегдашнимъ желаніемъ

(*) Авторъ, котораго архипастырь не припомнилъ, пишучи къ Мартынову, извѣстный французскій эллинистъ Гель *(Geil)*.

видѣть *лицомъ* покупаемый товаръ. Дѣлать было нечего; можетъ быть, и выгоднѣе было бы начать съ Геродота, какъ совѣтовалъ Евгеній, который писалъ: «Иродота желалъ бы я видѣть скорѣе даже Одиссеи, ибо сія только забавна, а та наставительна». Но переводчикъ, повторяемъ, держался уже своего плана и былъ совершенно равнодушенъ къ отсутствію подписчиковъ, полагая, что они современемъ увеличатся.

Справедливость требуетъ замѣтить, что, кромѣ митрополита Евгенія, ободрявшаго Мартынова во время тяжкаго его труда, нашъ знаменитый русскій меценатъ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, извѣстный своей любовью къ просвѣщенію и наукамъ, издавшій такое множество книгъ на собственномъ иждивеніи, также поощрялъ Мартынова своимъ вниманіемъ, писалъ къ нему изъ Гомеля и лично бесѣдовалъ во время своего пребыванія въ здѣшней столицѣ. Бывшій государственный канцлеръ хотѣлъ было издать на свой счетъ переводъ геродотовой исторіи, но нашъ переводчикъ съ гордостью отозвался, что онъ уже печатается по подпискѣ въ числѣ другихъ классиковъ. Вслѣдствіе этого, графъ Румянцовъ ограничился только предложеніемъ приложить къ переводу Мартынова географическія карты французскаго издателя геродотовой исторіи, Геля, хотѣлъ выгравировать въ Лондонѣ, съ русскимъ переводомъ географическихъ названій, на свой счетъ. Мартыновъ съ радостью согласился на предложеніе благороднаго мецената, но тутъ же замѣтилъ государственному канцлеру, что барыши, какіе онъ получитъ отъ изданія Геродота, должны

быть раздѣлены пополамъ. Графъ разсмѣялся до слезъ и въ восторгѣ расцаловалъ Мартынова.

— Разумѣется, разумѣется, барыши пополамъ, сказалъ онъ съ важностью, чтобъ не обидѣть простосердечнаго переводчика.

Къ несчастію, вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ смерть графа Н. П. Румянцова остановила исполненіе этого прекраснаго намѣренія. Мартыновъ принужденъ былъ выгравировать на свой счетъ одну только общую карту геродотовой географіи, заимствованную имъ изъ атласа Мальтъ-Брюнова.

Итакъ, нашъ переводчикъ приступилъ къ своему изданію, но уже нѣсколько сокрушенный скудною подпискою. Волонтеровъ на его изданіе набралось мало.

Изданіе классиковъ, по плану его, было расположено и впослѣдствіи издано въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) *Басни Эзопа* (ч. I); 2) *Гимны Каллимаха* (ч. II); 3) Трагедіи Софокла: *Эдипъ-Царь* (ч. III), *Эдипъ въ Колонѣ* (ч. IV), *Антигона* (ч. V). *Трахиніянки* (ч. VI), *Аяксъ Неистовый* (ч. VII), *Филоктетъ* (ч. VIII), *Электра* (ч. IX); 4) *Омирова Иліада* (ч. X, XI, XII и XIII); 5) *Одиссея*, его же (ч. XIV, XV, XVI и XVII); *Исторія Иродота* (ч. XVIII, XIX, XX, XXI и XXII); 6) *О высокомъ*, Лонгина (ч. XXIII); 7) *Пиндаръ* (ч. XXIV и XXV); 8) *Анакреонъ* (ч. XXVI). Но въ эту огромную программу «Греческихъ Классиковъ», добросовѣстно выполненную, несмотря на всѣ трудности и горестныя превратности, постигшія этихъ стариковъ, вошли не всѣ греческіе классики: оставались еще Ѳеокритъ, Плу-

тархъ, Ксенофонтъ и друг. Намѣревался ли нашъ переводчикъ перевести комедіи Аристофана, эти удивительныя произведенія греческой словесности, болѣе всего знакомящія съ частною и общественною жизнію грековъ, раскрывающія раны и язвы общества, эти насмѣшливыя и ядовитыя произведенія, но исполненныя той высокой морали, которая дается только геніямъ, не гоняющимся за нею и, повидимому, вѣчно смѣющимся — неизвѣстно. Знаемъ только, что Мартыновъ обожалъ Аристофана и очень любилъ говорить о его комедіяхъ, придавая имъ глубокое и серьезное значеніе. Мы думаемъ, что трудности языка Аристофанова также не могли устрашить нашего переводчика, знавшаго оттѣнки даже мѣстныхъ греческихъ нарѣчій. Въ большой тетради, сохранившейся вмѣстѣ съ другими его бумагами, подъ заглавіемъ: «Всячина; свое и чужое; словесность», находятся многія бѣглыя замѣтки Мартынова о Сервантесѣ, Шекспирѣ, Петраркѣ, Аріостѣ, Мольерѣ и о многихъ другихъ. Тутъ же мы находимъ слѣдующую маленькую замѣтку объ Аристофанѣ: «Дерзость Аристофана, которая не щадитъ никого: ни народа, ни демагоговъ, ни градоначальниковъ, ни философовъ, ни поэтовъ, можетъ изъясниться постановленіемъ аѳинскимъ: не запрещать никому говорить. Сатира же аристофанова понятна по порчѣ общественныхъ нравовъ. Можно ли было не казнить того, что достойно казненія? Аристофанъ и казнитъ, какъ нѣкій жрецъ бичуемаго народа. Св. Іоаннъ Златоустъ, краснорѣчивѣйшій отецъ церкви, находилъ удовольствіе заниматься Аристофаномъ, безъ вреда

для своихъ добродѣтелей.» Эти слова слишкомъ достаточно показываютъ, какъ понималъ и вѣрно цѣнилъ греческаго комика нашъ переводчикъ, тогда какъ современники его, часто люди образованные и просвѣщенные, вопили противъ неблагопристойности Аристофана.

Слѣдуя хронологическому порядку, теперь намъ предстоитъ передать ту злополучную судьбу, которой подвергся переводъ «Греческихъ Классиковъ», такъ какъ печальная исторія эта находится въ тѣсной связи съ жизнію самого переводчика.

Какъ ни было мало число подписчиковъ, но Мартыновъ продолжалъ ревностно заниматься исправленіемъ и изданіемъ классиковъ въ теченіи всего 1823, равно и 1824 года, по ноябрь мѣсяцъ включительно.

Живя въ своемъ домикѣ на Васильевскомъ острову, онъ велъ жизнь тихую и уединенную, занимался часто въ саду, восхищался своими оранжереями, и кромѣ классиковъ и своихъ цвѣтовъ, за которыми самъ ухаживалъ, поливалъ ихъ и лелѣялъ, — онъ въ то время ничѣмъ другимъ не интересовался. Это мирное, истинно поэтическое настроеніе, съ замѣтнымъ оттѣнкомъ невольной грусти, прекрасно высказалось въ слѣдующемъ его стихотвореніи, нигдѣ ненапечатанномъ, какъ и большая часть его задушевныхъ и лучшихъ произведеній:

«Съ природой сблизившись, хочу я съ нею жить;
При солнцѣ, при лунѣ, въ дни ясны и туманны,
Съ ней стану искренно, какъ съ другомъ говорить;
Забуду шумный свѣтъ, мечты его, обманы.

Довольно пожилъ я для призраковъ мірскихъ;
Теперь оставимъ ихъ за крѣпкой сей оградой;
Въ калитку впустимъ лишь родныхъ, друзей своихъ:
Они остались мнѣ единственной отрадой....
Друзей! Но много ль ихъ? Ревнуя правотѣ,
Къ отечеству горя любовью непритворной,
Враговъ я пріобрѣлъ, въ сердечной простотѣ.
Кого взлелѣялъ я и музамъ обручилъ,
Тотъ съ злобой на меня готовъ писать сатиру;
Кому я слабостей довольно въ жизнь простилъ
И наготу прикрылъ, какъ безпомощну, сиру,
Тотъ въ слабостяхъ своихъ меня теперь винитъ!
Прекрасно было все для Ѳирса, благородно,
Все, что ни дѣлалъ я въ дни счастья моего,
Теперь же глупо все, смѣшно, ни съ чѣмъ несходно.
Иной и преданъ мнѣ за нѣсколько услугъ,
Но духа времени и партіи боится,
И навѣщать меня ему ужь недосугъ:
Иначе милости иль мѣста онъ лишится.
Забудемъ же здѣсь все: безсовѣстныхъ друзей,
Педантовъ дураковъ, безграмотныхъ ученыхъ,
Нравоучительныхъ, безжалостныхъ вралей
И покровителей наукъ, искусствъ мудреныхъ.

Бѣлѣетъ снѣгъ вездѣ: потонешь въ немъ въ саду;
Два мѣсяца валитъ и садъ мой засыпаетъ:
Ужь не потопъ ли онъ, или иную бѣду
Разстояньемъ своимъ весною обѣщаетъ?
Деревья голыя, покрыты льдомъ пруды,
Чечотки, снигири, сороки и вороны
Не заманятъ собой на тяжкіе труды.
Природой данныя мнѣ ль одолѣть препоны?
Для таковыхъ трудовъ дождемся лучшихъ дней.
Межъ тѣмъ, средь снѣжныхъ стѣнъ дорожками кривыми,

Съ отравою для крысъ, незваныхъ сихъ гостей,
Со спрыскомъ, съ лейкою и съ чувствами простыми,
Въ теплицахъ стану я природу посѣщать.
О, какъ и въ сихъ мѣстахъ обильна чудесами
Сія вселенная — Богосозданна мать!
Хоть держится она искусства здѣсь руками,
Но мудрость, власть Творца гласитъ и тутъ она.
Какая красота! О, нѣтъ, тотъ не живетъ,
Безчувственъ тотъ, кого природа не прельщаетъ!»

Далѣе слѣдуетъ самое подробное описаніе всѣхъ цвѣтовъ, находящихся въ его теплицѣ. Онъ съ любовью относится къ гвоздикѣ, къ златолисту, къ жасмину и т. д. Въ выноскахъ каждый изъ цвѣтковъ означенъ по латинѣ, съ ботаническими замѣчаніями. Но не суждено было скромному любителю и знатоку цвѣтовъ дождаться *лучшихъ дней*, о которыхъ онъ упоминаетъ, не суждено ему было видѣть свои милые цвѣты въ полной красѣ и свѣжести, при теплыхъ лучахъ весенняго солнца.... Надъ нимъ и его семействомъ обрушилось то несчастіе, которое тысячи людей оставило безъ крова, безъ имущества, безъ средствъ. Мы говоримъ о страшномъ наводненіи, бывшемъ въ Петербургѣ 7 ноября 1824 г.

Это наводненіе, вдохновившее Пушкина, такъ вѣрно и поэтически сказавшаго:

«Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь, остервенясь,
На городъ кинулась....»

это наводненіе, поглотившее все имущество нашего переводчика, подробно описано имъ въ письмахъ къ

другу его П. А. Словцову (*), которому онъ, между прочимъ, пишетъ: «Ужасовъ же и страданій общихъ никакое перо описать не можетъ. Изображеніе бѣдствій каждаго семейства могло бы составить особую драму или трагедію — одного, главнаго содержанія, но съ разнообразнѣйшими отличіями.»

Благодаря письмамъ къ г. Словцову, черновые списки которыхъ сохранились въ бумагахъ Мартынова, мы можемъ разсказать, въ какой степени коснулось общее бѣдствіе нашего переводчика.

Вода начала прибывать въ восемь часовъ утра; но, привыкнувъ къ подобнымъ явленіямъ, Мартыновъ спокойно сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и переводилъ пятую книгу Геродота. Историка этого онъ переводилъ съ изданія Швейгаейзера, которое досталъ отъ Мих. Мих. Сперанскаго. Сперанскій, впрочемъ, далъ ему съ условіемъ, чтобъ онъ, по окончаніи перевода, возвратилъ ему эту книгу.

Вода увеличивалась. Но Мартыновъ по прежнему не обращалъ на нее вниманія, весь углубясь въ Геродота. Вскорѣ, однакожь, равнодушіе его поколебалось. Онъ замѣтилъ воду, уже разлившуюся въ одиннадцатой линіи, у стѣнъ своего дома, и пробиравшуюся къ нему на дворъ. Гостью эту онъ видѣлъ два года тому назадъ и думалъ, что она погоститъ да и уйдетъ себѣ, безъ дальнѣйшаго безно-

---

(*) Петръ Андреевичъ Словцовъ извѣстенъ былъ въ кругу прежнихъ литераторовъ своими стихотвореніями: «Къ Сибири» и «Китайцамъ въ Петербургѣ». Кромѣ того, онъ издалъ два похвальныя слова: «Царю Іоанну Васильевичу» и «Пожарскому».

койства и вреда хозяину. Но вода все прибывала. Мартыновъ встревожился, собралъ вокругъ себя свое семейство и, къ крайнему огорченію своему, узналъ, что одинъ изъ его сыновей ушелъ изъ дому и не возвращался. Два инвалида, бывшіе въ услуженіи Мартынова, поймавъ плывшую лодку и побуждаемые частію человѣколюбіемъ, частію корыстолюбіемъ, пустились перевозить на ней людей, застигнутыхъ на дорогѣ водою. Мартыновъ кричалъ имъ изъ форточки, чтобъ они не смѣли брать денегъ. Въ числѣ застигнутыхъ водою былъ и сынъ его, котораго инвалиды, занятые новымъ своимъ ремесломъ, не захватили, и онъ, спасаясь по мостикамъ, кой-какъ и съ большимъ трудомъ добрелъ до квартиры своихъ знакомыхъ, жившихъ неподалеку отъ дома его отца, гдѣ и оставался въ все время наводненія. Увидѣвъ сына здороваго и невредимаго, семейство успокоилось.

Скоро всѣ должны были перебраться наверхъ, въ мезонинъ, потому что вода начала проступать сквозь полъ, разлилась по кухнѣ, гостиной и кабинету. Оставивъ въ мезонинѣ свою жену съ плачущею свитою, Мартыновъ побѣжалъ въ кабинетъ, чтобъ захватить что можно: взялъ Геродота, переводъ двухъ ненапечатанныхъ еще трагедій Софокла, шесть послѣднихъ пѣсней «Иліады» и лексиконъ Гедериковъ, который онъ обыкновенно называлъ своимъ *кормильцемъ*. Но первымъ его дѣломъ было схватить изданіе, принадлежавшее Сперанскому. Въ этомъ онъ успѣлъ; но каковъ былъ его ужасъ, когда, спустясь еще разъ внизъ, онъ увидѣлъ, что ко-

моды, столы, стулья, клавикорды, диваны и все, что по физическимъ законамъ плавать можетъ, поплыло. Всѣ печи размыло, иныя обрушились. Библіотека, которую онъ собиралъ болѣе тридцати лѣтъ, составленная большею частью изъ рѣдкихъ, дорогихъ и необходимыхъ для него книгъ, вся была затоплена. Мартыновъ пишетъ П. А. Словцову, что онъ плакалъ, какъ ребенокъ, видя, какъ его любимые авторы, латинскіе, греческіе и другіе, дорогіе фоліанты, скомканные и размытые, преспокойно уплывали себѣ черезъ окно, давно разбитое, на улицу. Тѣмъ болѣе его это тревожило, что въ числѣ книгъ были и чужія, нѣсколько изданій, принадлежавшихъ Сперанскому.

«Глобусы мои — пишетъ онъ — большіе и малые, опрокинутые внизъ, служили эмблемою преставленія свѣта; оттиски и слѣпки медалей, картины, географическія карты и другіе чертежи, — словомъ, все тлѣнное и сокрушимое — приближено къ истлѣнію или сокрушено.»

«Уже прошло гораздо болѣе двухъ часовъ, прошло за три — продолжаетъ онъ — но вода все прибываетъ; казалось, вѣтеръ свиститъ и свирѣпствуетъ еще сильнѣе; волны, на очищенныхъ ими отъ заборовъ и всякаго лѣсу огородахъ, вздымаются, какъ на морѣ; брызги воды отрываются отъ валовъ, сердитыхъ и бѣлыхъ, и часто пошатывается нашъ мезонинъ, и сердце замираетъ. Безъ сомнѣнія, сорвало бы нашъ мезонинъ и насъ унесло бы, если бы съ той стороны, откуда дулъ вѣтеръ, не было довольно высокаго сарая. Вдругъ

затрещали въ залѣ и въ другихъ комнатахъ стекла, и вотъ мимо моего дома несетъ сорванный парникъ, сарай, хлѣвъ или домикъ, съ живыми или съ мертвыми, придавленными людьми или животными; тамъ плывутъ на бревнахъ; взлѣзаютъ на попадающіяся на дорогѣ деревья. Между тѣмъ, какъ на поверхности воды представляется таковое зрѣлище, въ воздухѣ страшный исполинъ собираетъ свои побѣды: съ домовъ срываетъ желѣзные листы, свертываетъ ихъ и несетъ по воздушному пространству; срываетъ цѣлыя крыши и бросаетъ ихъ въ пучину. Таковые виды представлялись съ горизонта моего мезонина; но въ моемъ ли положеніи было заниматься ими, чтобъ описать сколько нибудь связнѣе?»

При этомъ онъ разсказываетъ, какъ одинъ работникъ, сидя верхомъ на лошади и держась за ея уши, горько обливался слезами и прямо приплылъ къ нимъ въ домъ.

«Себя-то мнѣ не жаль — говорилъ онъ, когда ввели его наверхъ — а что подумаетъ хозяинъ, коли лошадь не сбережена.»

Вода, по свидѣтельству Мартынова, была около его дома выше сажени. Прислуга его, жившая во флигелѣ, разломала потолокъ и взлѣзла на чердакъ, потому что вода была до самаго потолка и пробиралась уже на чердакъ. Инвалиды, съ такою жадностью бросившіеся сначала перевозить, тоже взобрались туда и, горько раскаяваясь въ своемъ беззаконіи, приготовлялись къ смерти. Одна женщина, лишась пріюта, бѣжитъ по водѣ, выбирая для этого высокія мѣста, съ малолѣтнею, едва начавшею лепе-

тать дочерью; но вода быстро прибываетъ.... мать уже не находитъ возможности къ спасенію жизни дочери, о своей уже не думаетъ, вдругъ видитъ позади себя солдата, плывущаго на бревнѣ, и бросаетъ къ нему черезъ голову свое дѣтище. Солдатъ подхватываетъ дитя; а бѣдная мать, въ глазахъ его, погружается въ воду и утопаетъ. Вообще, страшныя и ужасающія картины представлялись Мартынову съ его ковчега, какъ онъ называетъ спасительный свой мезонинъ, дрожавшій всѣмъ корпусомъ и ежеминутно угрожавшій сорваться съ своего основанія. Здѣсь человѣкъ спасаетъ свою жизнь, плывучи въ чанѣ, тамъ — ухватясь за гвоздь плывущаго домика, на разрушенной крышѣ котораго сидитъ или кошка, или собака, съ боязнью взирающая на свое плаваніе. Сосѣдъ Мартынова спасся съ своею женою на большой двери, сорванной бурею: трепещущій мужъ держалъ въ рукахъ курицу, а жена — собачку. Они, какъ послѣ сами разсказывали, прощались другъ съ другомъ и приготовлялись къ смерти. Другая оторванная дверь служила подпорою головѣ лошади.

«Много могъ бы я вамъ передать событій для вашего любопытства, сибирякъ счастливый — пишетъ онъ своему пріятелю — но надобно поберечь вашу чувствительность: всѣ они не забавнаго содержанія. Даже и сигъ, заплывшій въ подвалъ Императорской Публичной Библіотеки, не можетъ потѣшить при общемъ бѣдствіи. Такъ, армянскій священникъ на армянскомъ кладбищѣ привязалъ себя въ церкви къ стѣнѣ веревкою, дабы, въ случаѣ, если онъ утонетъ (ибо уголъ церкви былъ разрушенъ и она наполни-

лась водою), то, по крайней мѣрѣ, не унесло бы его трупа безъ вѣсти такъ какъ это и дѣйствительно съ другими случилось. Къ одному англичанину принесло водою гробъ, изъ земли даже вырытый, его пріятеля, котораго онъ похоронилъ за два дня до наводненія. Еще недавно была отъ полиціи повѣстка: кто изъ обывателей нашелъ гробъ съ непогребеннымъ еще покойникомъ, унесенный со Смоленскаго кладбища, и кто представитъ его, тому дано будетъ 500 рублей. Далѣе: къ обывателю Выборгской Стороны принесло водою въ пустомъ сахарномъ ящикѣ груднаго младенца. Въ первое утро послѣ наводненія, услышали подъ окошкомъ дѣтскій крикъ, идутъ къ мѣсту, гдѣ слышенъ крикъ, и находятъ дитя — оно улыбается. Хозяинъ дома принимаетъ на себя воспитаніе онаго.»

Сколько было трогательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ такого, что достойно памяти человѣчества! какія противоположности самой чистой добродѣтели и грубой безнравственности! Посмотрите, напримѣръ, на этого удивительнаго человѣка, чиновника Иванова, который, будучи самъ раззоренъ наводненіемъ, объявилъ, что онъ собираетъ всѣхъ утопшихъ, одѣваетъ ихъ пристойнымъ образомъ, покупаетъ для нихъ гробы и хоронитъ ихъ на свой счетъ. Онъ похоронилъ такимъ образомъ до трехсотъ человѣкъ, и въ домѣ своемъ, въ которомъ было прежде училище, далъ убѣжище оставшимся послѣ наводненія безъ всякаго пріюта. Этотъ благородный чиновникъ издержалъ все свое имущество и, израсходовавъ деньги до послѣдней копѣйки, очень спокойно сказалъ:

«Теперь пора подумать и о себѣ.» Безъ малѣйшихъ средствъ, онъ пустился отыскивать себѣ пропитаніе, увѣряя, что ему посчастливится и что онъ не умретъ съ голоду. Мартыновъ зналъ лично покойнаго отца этого чиновника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Иванова; «но отецъ — прибавляетъ онъ — давно уже умеръ; по немъ остался сей достойный преемникъ его добродѣтели.» Съ другой стороны, тамъ, гдѣ иные плакали, другіе радовались; одни раззорялись, другіе пользовались ихъ раззореніемъ. Такъ, напримѣръ, на другой день послѣ наводненія, Мартынову попадались солдаты, мужики и женщины съ полными ведрами какой-то жидкости.

— Что это? спросилъ онъ.

— Патока, отвѣчали.

— Откуда?

— А вотъ на биржѣ размыло сахарный песокъ — ужь какое раздолье!

И, дѣйствительно, Мартыновъ посмотрѣлъ на показанное мѣсто и увидѣлъ множество людей, съ ведрами и другою посудою, собирающихъ патоку у забора, гдѣ навалены были горы сахарнаго песку, и весело болтающихъ о томъ, кто сколько поймалъ утопшихъ. Этого мало: едва успѣла сойти вода, какъ начались грабежи, такъ какъ правительство не успѣло еще взять своихъ мѣръ противъ этихъ претендентовъ на чужую собственность. Мартыновъ, въ первое же утро послѣ наводненія, засталъ у себя одного такого добраго человѣка, съ дубинкою, собиравшаго что ему угодно.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ онъ его съ негодованіемъ.

— Ищу вчерашняго дня! мрачно возразилъ онъ, укладывая чужое добро въ большой мѣшокъ.

«И, вѣроятно бы — пишетъ Мартыновъ — поподчивалъ меня своею изрядною хворостиной, какою Крылова мужикъ гонитъ гусей, если бы тогда было потемнѣе.» Но, съ другой стороны, полюбуйтесь этими благотворительными купцами, которые, наполнивъ корзинки деньгами, помогаютъ пострадавшимъ не копѣйками и не рублями, а цѣлыми сотнями рублей. Одинъ мужикъ, съ опасностію для своей жизни, спасъ четырнадцать душъ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. Нѣкто Соколовъ, секретарь Россійской Академіи, жившій въ верхнемъ этажѣ, спасъ пятнадцать человѣкъ погибающихъ, подавая имъ веревки, и никому не разсказывалъ о своемъ подвигѣ.

Покойный Императоръ Александръ I изыскивалъ всѣ способы, чтобы облегчить и утѣшить несчастныхъ, пострадавшихъ отъ этой страшной катастрофы. Мартыновъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ г-ну Словцову, пишетъ слѣдующее: «Почтенный врачъ и давній пріятель мой В. М. Крест. разсказывалъ мнѣ, что на Чугунномъ Заводѣ ужасы опустошенія, причиненнаго наводненіемъ 7 ноября, превосходили ужасы Галерной Гавани; что онъ видѣлъ, какъ Государь открывалъ трупы семействъ, потонувшихъ на семъ заводѣ; какими потоками слезъ орошался Ангелъ нашъ, при воплѣ и рыданіи окружавшихъ его несчастливцевъ, пережившихъ навод-

неніе; какъ Онъ утѣшалъ ихъ — Самъ неутѣшный. В. М. разсказывалъ, что сіе зрѣлище было тѣмъ трогательнѣе, что трупы не походили на обыкновенныхъ утопленниковъ и были какъ живые; особливо на щекахъ дѣвочекъ, казалось, игралъ еще румянецъ.... Онъ разсказывалъ также, что какой-то, недавно пріѣхавшій живописецъ срисовалъ сей ужаснѣйшій видъ. Можетъ ли поэтическій, живопишущій геній не воспламениться при таковыхъ позорищахъ, а потому можетъ ли произвесть посредственное твореніе? Вамъ болѣе, нежели многимъ изъ нашихъ стихосшивателей, извѣстно дѣйствіе краснорѣчивой природы на творческое дарованіе. Въ мозгу ограниченномъ, худо устроенномъ, самое счастливое броженіе крови производитъ странныя химеры; но зеркало генія вѣрно ему; изобиліе теплоты въ силахъ его, жаръ воображенія не устраняютъ его отъ истины... Но извините, любезный П. А., за это невольное разсужденіе.»

Наводненіе совершенно раззорило Мартынова: два флигеля, примыкавшіе къ его дому, оранжереи, теплица и садъ уничтожены; о мебеляхъ и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностяхъ и говорить нечего. Истребленіе сада и богатой библіотеки болѣе всего его сокрушало. «Любя, какъ вамъ извѣстно— пишетъ онъ къ тому же лицу—съ самыхъ молодыхъ лѣтъ природу и сдѣлавшись въ состояніи пріобрѣсть такое мѣсто, въ коемъ могъ бы ближе познавать ея таинства, я купилъ мѣсто, устроилъ оное по своимъ видамъ и десять лѣтъ повѣрялъ въ немъ умозрительныя свои познанія въ Ботаникѣ и Садовод-

ствѣ наблюденіями практическими. Нѣтъ почти ни одного растенія въ оранжереяхъ, которое бы не самъ я взростилъ, или черенками, или посадкою корешковъ и луковицъ, или сѣменами. На открытомъ воздухѣ также большая часть ихъ существованіемъ своимъ обязана моимъ собственнымъ рукамъ и работамъ. Въ семъ-то саду составилъ я «Техно-Ботаническій Словарь», тутъ же выбралъ изъ иностранныхъ писателей три славнѣйшія ботаническія системы: Турнефортову, Линнееву и Жюсье и издалъ подъ заглавіемъ: *Три Ботаника.* Судите же послѣ всего этого, какъ тяжело лишиться сего заведенія! Флигеля, оранжереи, теплица и мой садикъ нынѣ представляютъ одну картину разрушенія. На расколотыхъ или изломанныхъ фруктовыхъ деревьяхъ висятъ — о, ужасные плоды! — то обрубки лѣса, то оконныя рамы, то капустныя головы.»

Но, кромѣ этого истребленія, наводненіе затопило все напечатанное въ типографіи департамента просвѣщенія, и той же участи подверглись и переводы Мартынова; «но болѣе всѣхъ — пишетъ онъ — выкупался въ невской водѣ несчастный Гомеръ, и безъ того довольно, кажется, пострадавшій на своемъ вѣку.» Всѣ экземпляры 1-й и 2-й части «Иліады», лежавшіе въ кипахъ, были промочены водою насквозь, такъ что не осталось никакой надежды на просушку ихъ. Третья часть «Иліады», еще не конченная, подверглась той же участи и лежала листами внизъ, скомканная и растрепанная. Книги, вышедшія въ свѣтъ въ 1823 г., еще до наводненія, какъ-то: *Басни Езоповы, Гимны Каллимаха,* трагедіи

Софокла: *Эдипъ-Царь и Эдипъ въ Колонѣ*, сложенныя въ домикѣ Мартынова, пострадали несравненно болѣе.

Въ довершеніе несчастія, раззорившагося переводчика печалило еще то обстоятельство, что въ типографіи по необходимости пріостановилось печатаніе, что поставило его въ невозможность исполнить данное публикѣ слово: выдать третью часть «Иліады» къ концу 1824 года. «Я вполнѣ постигъ— пишетъ онъ — всю тяжесть долговременнаго своего труда и скоропостижность его истребленія.»

Объявивъ въ періодическихъ листкахъ своимъ подписчикамъ о причинѣ несдержанія обѣщаннаго слова, онъ началъ хлопотать прежде всего объ отысканіи для своего семейства квартиры. По случаю хлопотъ, не имѣя времени видѣть Сперанскаго, которому онъ хотѣлъ передать все лично, Мартыновъ увѣдомилъ его письмомъ о своемъ несчастіи и извинялся въ томъ, что книги, полученныя отъ него, также пострадали.

«Но на другой день по отправленіи записки — пишетъ Мартыновъ къ П. А. Словцову — какъ ни слабъ я былъ здоровьемъ, пошелъ къ Сперанскому и засталъ его.... за чѣмъ бы, вы думали? онъ писалъ подробную записку о горестной моей участи къ графу Аракчееву. Я сказалъ ему, что и я послалъ къ графу просительное письмо объ исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго воззрѣнія на мое бѣдственное состояніе. Михаилъ Михаиловичъ сказалъ мнѣ, что о томъ же пишетъ; но какъ мнѣ нужно, между тѣмъ, скорое вспоможеніе, то онъ проситъ графа

исходатайствовать оное отъ Главнаго Комитета, учрежденнаго для вспомоществованія раззореннымъ и для того, спрося меня, подробно ли я въ своей просьбѣ изложилъ убытки свои, и на отвѣтъ мой, что не совсѣмъ подробно, совѣтовалъ мнѣ подать графу Аракчееву подробную опись всему, съ показаніемъ цѣны потери. Михаилъ Михаиловичъ притомъ сказалъ, что онъ сегодня же будетъ говорить и предсѣдателю Комитета, князю Куракину. О книгахъ же своихъ просилъ, чтобъ я не безпокоился, прибавивъ, что онѣ ему не нужны. Узнавъ о порчѣ важнѣйшихъ изъ моихъ книгъ и въ томъ числѣ и объ Энциклопедіи, онъ тутъ же мнѣ предложилъ свою, и вообще всячески старался утѣшить меня. При разставаніи со мною, онъ присовокупилъ, чтобы я навѣдывался у него о ходѣ моего дѣла какъ можно чаще, а если не застану его по утрамъ, то приходилъ бы прямо къ обѣду, ибо онъ обѣдаетъ всегда дома. Столь искреннее, дѣятельнѣйшее участіе бывшаго товарища моего по школѣ чрезвычайно разстрогало меня. И съ кѣмъ мы можемъ быть откровеннѣе, какъ не съ тѣми, къ кому приверженность вынесена изъ дома воспитанія въ свѣтъ, и при всѣхъ возвышеніяхъ или пониженіяхъ, при всѣхъ переворотахъ жизни, хранимъ оную свято, подобно якорю, драгоцѣнному и надежному и въ тихое и бурное время?»

Между хлопотами своими, Мартыновъ успѣлъ побывать въ разныхъ мѣстахъ города и посмотрѣть на общественное несчастіе. Немало удивлялся онъ, отчего не говорятъ ничего журналисты объ этой

страшной катастрофѣ, отчего безмолвствуютъ они, «хотя сказываютъ — прибавляетъ онъ — что нашъ Измайловъ собираетъ уже матеріалы.» То, что видѣлъ лично самъ Мартыновъ, заслуживаетъ, чтобъ упомянуть о немъ хотя въ краткихъ словахъ.

Выйдя изъ своего разрушеннаго дома, въ четверть часа онъ успѣлъ увидѣть слѣдующее: у сосѣда его, Гофшт., въ подвалѣ плавали двѣ утопшія женщины, у другаго сосѣда, Герак., потонуло семь человѣкъ: «одна изъ этихъ жертвъ подноситъ ко лбу своему руку, съ тремя сложенными перстами, чтобъ перекреститься; другая — держитъ въ рукѣ двадцатипяти рублевую бумажку.» Въ одномъ полу-разрушенномъ домикѣ онъ услышалъ крикъ женщины, стоящей между оконныхъ косяковъ. Она просила со слезами у проходящихъ подъѣхать къ дому, окруженному еще водою, на лодкѣ и спасти утопающую ея хозяйку. Мартыновъ и другіе зрители бросились искать лодки: лодки нѣтъ; онъ кинулся къ будочнику: но будки и будочника какъ ни бывало — ихъ снесло. Они не знали, что дѣлать, но одинъ мужикъ нашелся. «Э — сказалъ онъ! — зачѣмъ ломать голову, вѣдь наводненіе ужь кончилось», и при этихъ словахъ бросился въ воду и перенесъ сперва одну, а потомъ другую полуживую женщину. Смѣльчака бросились всѣ окружающіе его награждать; но онъ ничего не принялъ, сказавъ: «Да моего парнишку тоже спасъ добрый человѣкъ, — такъ я его благодарствіемъ наградилъ токмо». На дворѣ одного дома Мартыновъ увидѣлъ пару мертвыхъ лошадей, запряженныхъ въ дрожки. Ему разсказывали, что онѣ ни-

какъ не хотѣли итти изъ воды и, борясь со смертью, грызли одна другую, пока обѣ не утонули. Между четвертою и пятою линіями, ему представилось слѣдующее: болѣе пятидесяти черкасскихъ быковъ, не могши плаваніемъ спасти себя во время наводненія, выбились изъ силъ и потонули; нѣкоторые еще въ глазахъ его умирали, другіе жалобнымъ мычаніемъ просили помощи въ обвалившемся сараѣ. На Смоленскомъ полѣ курилась огромнѣйшая жертва Посидону-истребителю: тутъ были утопшій скотъ, лошади, свиньи и т. д. Корова, принадлежавшая Мартынову, также попала на мѣсто всесожженія. Утопшій скотъ болѣе всего попадался ему на возвратномъ пути, пока онъ, усталый и больной, добрелъ до своей квартиры. Мимо его провезли и пронесли, по одному и по два вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ человѣкъ до десяти, все мертвыхъ.... По дорогѣ къ нему присталъ какой-то старичекъ, сообщившій, что въ Гавани осталось не болѣе семидесяти домовъ и что изъ Кронштадта пригнало нѣсколько кораблей, изъ которыхъ одинъ разломалъ уголъ церкви и остановился на самой паперти.

Чрезвычайно замѣчательно то обстоятельство, что нашлись люди, которые напередъ предчувствовали общее бѣдствіе, — одни съ помощью инстинкта, другіе съ помощью примѣтъ, третьи при пособіи наукъ.

Аптекарь Им. за два дня до наводненія перебрался съ нижняго этажа въ верхній. Пріятели спрашивали, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, и стали надъ нимъ подшучивать. «Я буду смѣяться, когда вы будете плакать»

услышали отъ него въ отвѣтъ; больше онъ ничего не сказалъ. Обстоятельства оправдали его слова.

Славный тогдашній физико-механикъ Роспини за нѣсколько дней до наводненія увидѣлъ, что барометръ его упалъ такъ низко, какъ никогда не видалъ онъ и не слыхалъ. Это явленіе до того встревожило его, что онъ едва не лишился разсудка.

Одна почтенная дама разсказывала Мартынову, что въ августѣ мѣсяцѣ 1824 года, прогуливаясь на Петровскомъ Острову, она замѣтила, что муравьи необыкновенно высоко сдѣлали свои запасные магазины, именно на верхней перекладинѣ воротъ.

— Что это значитъ? спросила она прогуливавшагося съ нею стараго начальника брантвахты, г. Лебедева.

— Это весьма дурно, сударыня, отвѣчалъ старикъ: — въ тотъ годъ, когда быть наводненію, муравьи всегда дѣлаютъ гнѣзда свои на мѣстахъ возвышенныхъ. Въ нынѣшнемъ году быть большой водѣ. Совѣтую вамъ поселиться какъ можно выше.

Дама вспомнила это предсказаніе въ день самаго наводненія.

Въ одномъ домѣ, кошка, окотившаяся за нѣсколько дней до наводненія, перенесла своихъ котятъ, наканунѣ наводненія, именно на ту ступеньку лѣстницы, до которой вода возвысясь остановилась.

Но, оставивъ все это въ сторонѣ, обратимся къ судьбѣ нашего пострадавшаго переводчика классиковъ.

Всѣ хлопоты его о наемной квартирѣ для своего семейства, также старанія извѣстнаго литератора А. С. Шишкова, бывшаго тогда министромъ народ-

наго просвѣщенія, о томъ, чтобъ дать ему казенное помѣщеніе въ одной изъ академій, по случаю занятія всѣхъ квартиръ, остались тщетны. Узнавъ объ этомъ, ученики Мартынова профессоръ физики Соловьевъ и профессоръ математики Чижовъ охотно согласились уступить ему свою квартиру; г. Соловьевъ изъявилъ также желаніе уступить въ пользу своего бывшаго учителя всю свою мебель. Профессора эти, бывшіе студенты С.-Петербургскаго Педагогическаго Института, слушали у Мартынова эстетику; кромѣ того, Мартыновъ, будучи также конференцъ-секретаремъ въ этомъ институтѣ и долго занимая мѣсто директора этого заведенія, не мало способствовалъ къ отправленію ихъ въ чужіе краи. Признательные ученики съ радостью опростали свои покои для почтеннаго наставника. По странному стеченію обстоятельствъ, ему пришлось жить въ той самой залѣ, гдѣ онъ читалъ свои лекціи. Объ этомъ онъ сообщаетъ въ своемъ письмѣ къ П. А. С., гдѣ, между прочимъ, сказано: «О, благородные ученики мои! Не на камень пали сѣмена, мною сѣянныя! Вотъ здѣсь — сказалъ я домашнимъ — было сдѣлано небольшое возвышеніе, на коемъ у стѣнъ, на правой и лѣвой сторонахъ, стояли обитыя зеленымъ сукномъ скамейки для стороннихъ посѣтителей; у этой стѣны стояла профессорская каѳедра, у противоположной — скамейки для студентовъ; вотъ дверь, изъ которой они входили въ этотъ залъ; вотъ другая — сюда входили сторонніе слушатели; вверху, гдѣ нынѣ потолокъ, кругомъ были хоры, которыя— о, пріятное воспоминаніе! — всегда почти наполне-

ны были сторонними слушателями. Въ семъ залѣ — продолжалъ я — отличный студентъ Александровскій, читаннымъ при выпускѣ студентовъ 1-го курса похвальнымъ словомъ своимъ *Пожарскому*, извлекъ слезы изъ очей чувствительнѣйшаго Монарха! Какъ все это кстати для моего очарованія. Но неужели, любезный другъ, вся жизнь моя должна быть не иное что, какъ *романъ*, и, правду сказать, болѣе печальнаго, нежели веселаго содержанія?»

Впрочемъ, обстоятельства Мартынова скоро отчасти поправились.

29-го ноября, онъ получилъ слѣдующую записку отъ того, кто принималъ въ немъ такое горячее участіе, кто снабжалъ его учеными книгами и добрымъ совѣтомъ:

«Я исполнилъ, любезный И. И., долгъ мой и ваше порученіе. Вамъ должно написать письмо къ Государю, въ собственныя руки, изложить въ немъ въ самыхъ короткихъ словахъ ваше раззореніе, не входя въ подробности. Письмо сіе, по всей вѣроятности, придетъ къ графу А. А. (*), который уже предупрежденъ и радъ душевно дѣйствовать въ вашу пользу.

«Вашъ Сперанскій.»

Дѣйствительно, неизвѣстность положенія Мартынова скоро разъяснилась. 17 декабря онъ получилъ слѣдующее письмо:

«Государь Императоръ, по уваженіи претерпѣннаго Вашимъ Превосходительствомъ раззоренія отъ бывшаго въ С.-Петербургѣ наводненія, Всемилости-

(*) Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.

вѣйше пожаловать соизволилъ вамъ въ единовременное пособіе шесть тысячъ рублей, объ отпускѣ коихъ изъ Кабинета Его Величества и объявлено Высочайшее повелѣніе Господину Управляющему Кабинетомъ графу Гурьеву сего же числа. О сей Монаршей милости извѣщая Васъ, имѣю честь быть и проч.

«Покорный слуга

«Графъ Аракчеевъ.»

«С. Петербургъ.
16 дек., 1824.»

Сверхъ того, по ходатайству Государя Цесаревича Константина Павловича, лично знавшаго Мартынова, какъ правителя Канцеляріи Совѣта о Военныхъ Училищахъ, онъ получилъ еще пять тысячъ рублей, что всего и составило одиннадцать тысячъ. Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I, во уваженіе долговременной службы Мартынова по Министерству Народнаго Просвѣщенія членомъ Главнаго Правленія Училищъ и во вниманіе того, что, по переводѣ, въ 1818 г., Департамента Народнаго Просвѣщенія изъ наемнаго въ казенный домъ, не могъ онъ пользоваться квартирою (на которую имѣлъ право по прежнему Высочайшему рескрипту), повелѣно производить ему на наемъ квартиры по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ департамента.

Получивъ деньги, Мартыновъ, по собственному его выраженію, полетѣлъ съ сею ношею и радостною вѣстію тотчасъ къ Мих. Мих. Сперанскому принесть ему благодарность за его сердечно-дружеское стараніе о немъ.

Осчастливленный и обрадованный переводчикъ «Греческихъ Классиковъ» пишетъ по этому случаю самое веселое и восторженное письмо къ пріятелю своему П. А. Словцову, гдѣ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Хотя мои убытки простираются до 50 тысячъ, но безсовѣстно и грѣшно было бы съ моей стороны требовать полнаго вознагражденія, ибо нашъ добрый Царь успокоиваетъ тысячи семействъ, пострадавшихъ подобно мнѣ.» Въ доказательство же, какъ щедро награждало правительство раззоренныхъ наводненіемъ, онъ разсказываетъ слѣдующій забавный случай. Одна какая-то женщина пришла къ генералъ-губернатору, вся въ слезахъ.

— Вѣрно, вы не получили вспоможенія? спрашиваетъ ее губернаторъ.

— Нѣтъ! на насъ Богъ прогнѣвался, отвѣчаетъ рыдающая госпожа: — у всѣхъ вода была, а у насъ ея не было: всѣ получили вознагражденіе, а мы не имѣли этого счастія.

ГЛАВА IV.

Продолженіе изданія «Греческихъ Классиковъ». — Окончаніе ихъ. — Письмо Евгенія, митрополита кіевскаго. — Письмо отъ Государя Цесаревича Константина Павловича. — Нѣкоторыя изъ ненапечатанныхъ стихотвореній Мартынова. — Благотворительность Мартынова. — Участь «Классиковъ».— Письмо отъ графа Хвостова.— Болѣзнь и смерть Мартынова. — Заключеніе.

Успокоясь послѣ хлопотъ, причиненныхъ наводненіемъ, Мартыновъ скоро приступилъ къ обыч-

нымъ своимъ занятіямъ. Прежде всего поспѣшилъ онъ выдать обѣщанную своимъ подписчикамъ «Иліаду» и мало по малу приводилъ въ порядокъ раззоренные свой домъ и садикъ. Но всѣ его заботы насчетъ садика остались безуспѣшны: послѣ наводненія уцѣлѣли однѣ голыя, толстыя березы, на которыхъ расположились крикливые грачи и галки. Но это не мѣшало, впрочемъ, Мартынову думать, что со временемъ онъ приведетъ все въ цвѣтущее состояніе. Однако, надежда его на это обновленіе не осуществилась. Пріятели совѣтовали ему, чтобъ онъ напрасно не раззорялся; но нашъ искренній обожатель и знатокъ цвѣтовъ и природы грудью отстаивалъ свой садикъ отъ нападеній пріятельскихъ. Вотъ что онъ пишетъ другу своему А. П. С.: «Вы просите меня не заводить уже сада на Васильевскомъ Острову, убѣждаете, чтобы я продалъ мѣсто съ домомъ. Такъ — домишко продаю, хотя мало на него охотниковъ, оранжерей не возобновляю, но оставляю одну теплицу, парникъ и такъ называемую въ моемъ быту виноградную: дѣлаю это для того, что систему Линнееву не почитаю дѣтскою. Странная современность! Между тѣмъ, какъ я въ *ковчегѣ* своемъ (*) защищаю садикъ мой противъ вашего нападенія, приходитъ ко мнѣ сынъ Глазунова съ толстою рукописью, in-folio, подъ заглавіемъ: «Сады сѣверные, или способы воспитанія плодовитыхъ деревьевъ въ климатѣ нашемъ». Глазуновъ проситъ, чтобъ я по-

(*) Ковчегомъ онъ называлъ свой домъ, въ которомъ спасся отъ наводненія.

ложилъ рѣшеніе, заслуживаетъ ли рукопись быть изданною въ свѣтъ, т. е. заплатить за нее сто-три рубля! Вотъ видите, каковымъ прослылъ я знатокомъ въ садоводствѣ. Даже Глазуновъ меня уважаетъ! Итакъ, можно ли обойтись мнѣ безъ сада? Что безъ практики буду я отвѣчать въ подобныхъ случаяхъ Глазуновымъ? Если неубѣдительны для васъ прежніе мои доводы, то, по крайней мѣрѣ, этотъ приведетъ васъ втупикъ и принудитъ оставить садъ за мною.»

Столько же онъ былъ непоколебимъ и насчетъ изданія классиковъ,— изданія, которое рѣшительно не приносило ему никакой матеріальной выгоды. Подписчиковъ, по прежнему, было мало, хотя Мартыновъ шутя говаривалъ, что у него есть коммиссіонеры даже въ Сибири. Дѣйствительно, его пріятель Словцовъ писалъ ему изъ Сибири, въ 1825 г., т. е. спустя годъ послѣ наводненія, слѣдующее: «Я не могу, къ сожалѣнію, скрыть отъ васъ, что никто изъ здѣшнихъ моихъ современниковъ не принимаетъ участія въ поддержаніи изданія «Греческихъ Классиковъ», потому что здѣсь питаются однимъ чтеніемъ романовъ. Итакъ, для современной мнѣ Сибири вы изволите работать gratis. Нашелся одинъ смотритель Иркутскаго Ремесленнаго Дома, Василій Прокофьевичъ Кривогорницынъ, да и все тутъ!» Но любителей серьезнаго чтенія не только въ Сибири, но въ самой Россіи было тогда мало. Нашъ переводчикъ, отчасти желая выполнить обѣщанную программу (отъ выполненія ея онъ могъ, впрочемъ, всегда отказаться, потому что принималъ деньги только за то, что было обѣщано втеченіе одного

года), отчасти отъ убѣжденія, что трудъ его не напрасный, но болѣе всего по любви къ избранному предмету, продолжалъ свое изданіе.

— Если будетъ и второе наводненіе, возражалъ онъ на всѣ нападки, которыя ему дѣлали:—унесетъ въ преисподнюю всѣ выданныя мною книжки, то и тогда я вознагражу своихъ подписчиковъ — начну свой трудъ сначала!

Такая чистая, безкорыстная любовь къ своему труду составляетъ замѣчательную черту его характера, если присоединить къ этому то, что онъ не придавалъ никакой цѣны похваламъ своихъ пріятелей. Желая все подтверждать фактами, мы приводимъ слѣдующія его слова, писанныя къ г. Словцову: «За переводъ «Иліады», пишите вы, русскіе очень много должны быть мнѣ обязаны, равно какъ и за Каллимаховы пѣсни; но похвалы друзей сомнительны, — я имъ давно не вѣрю.» Въ другомъ мѣстѣ: «Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ, вы изъявили сожалѣніе, что у меня на изданіе «Греческихъ Классиковъ» мало подписчиковъ. Правда; но я предвидѣлъ эту бѣду, а предвидѣнная бѣда не есть уже внезапное наводненіе.» Мартыновъ всегда смѣялся, когда знакомые говорили ему, что подобныя книги, какъ «Классики», еще рано издавать для русскихъ.

— Когда же наступитъ эта пора? и кого же послѣ этого читать, если не классиковъ? Вѣкъ Александра, кажется мнѣ, всѣхъ благовременнѣе для такихъ предпріятій! обыкновенно возражалъ онъ и съ усиленнымъ рвеніемъ снова принимался за свой громадный трудъ, разрушительный для его здоровья.

Втеченіи пяти лѣтъ послѣ наводненія онъ издалъ «Иліаду», въ четырехъ, весьма полновѣсныхъ, частяхъ, «Одиссею», тоже въ четырехъ частяхъ, Геродотову исторію, съ жизнію Гомера и географіею Геродотовой, почерпнутою имъ изъ Мальтъ-Брюна, съ картою, въ пяти частяхъ, Пиндаровы оды, въ двухъ частяхъ, Лонгиново сочиненіе «О высокомъ» и стихотворенія Анакреоновы, въ двухъ отдѣльныхъ частяхъ. Кромѣ того, оканчивая свой трудъ, онъ сдѣлалъ самый строгій просмотръ прежнимъ своимъ изданіямъ, а именно: просмотрѣлъ Эзопа, Каллимаха и Софокла, свѣряя свой переводъ съ подлинникомъ, тутъ же напечатаннымъ. Двадцать-шесть частей этого изданія вышли въ свѣтъ втеченіе 1823, 24, 25, 26, 27, 28 и 29 годовъ. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ неблагопріятствовавшія обстоятельства, достаточно было семи лѣтъ, чтобъ привести все изданіе къ концу. Онъ не жалѣлъ на него ни трудовъ своихъ, ни издержекъ. Много времени, здоровья и соображенія поглотили эти двадцать-шесть частей; много разъ волновали, вѣроятно, онѣ его душу, быстрѣе заставляли кровь обращаться въ жилахъ и напрягать всѣ умственныя и нравственныя силы, чтобъ передать въ русской прозѣ эти нетлѣнные образцы которые ударяютъ въ душу и представляютъ такіе удивительные и восхитительные образы.... Въ комъ не шевельнется хотя на время душа при чтеніи Гомера и Софокла, плохо тому на свѣтѣ....

Окончивъ свои труды по части переводовъ, наслышавшись много разнорѣчивыхъ мнѣній, невѣжественныхъ замѣчаній, много придирокъ насчетъ слога,

поверхностныхъ критикъ и мелкихъ замѣтокъ относительно типографскихъ опечатокъ, Мартыновъ, въ 1829 г., получилъ письмо отъ митрополита Евгенія. Вѣроятно, это посланіе нѣсколько утѣшило переводчика, по крайней мѣрѣ, убѣдило его, что есть люди, которые смотрятъ на его трудъ съ глубокимъ уваженіемъ. Письмо само по себѣ такъ интересно, что грѣшно опустить его въ біографіи Мартынова, и мы его здѣсь выписываемъ цѣликомъ:

«Милостивый Государь,
Иванъ Ивановичъ!

Почтенное письмо Вашего Превосходительства съ двумя остальными книгами полезныхъ трудовъ вашихъ, я получилъ 6 Апрѣля, и покорно благодарю. Жаль, что наши читатели не имѣютъ еще вкуса въ древнихъ твореніяхъ; но когда нибудь и сей вкусъ родится, тогда будутъ искать и вашихъ трудовъ. Сего труда вашего не умѣютъ еще цѣнить современники наши: но достойно оцѣнитъ потомство; а всѣхъ Греческихъ классиковъ и перевесть не можно. Труды ваши выше всѣхъ похвалъ, а потому вамъ нѣтъ и нужды ссылаться на оныя. Съ классиками вашими вы, мнится, сами будете у насъ классикомъ. Геродота, сверхъ прекраснаго и точнаго перевода, украсили вы и хорошими примѣчаніями. Я нетерпѣливѣе всего ожидалъ Геродота: ни одинъ древній Географъ не описалъ такъ глубоко къ сѣверу нашего Днѣпра. Пиндара вашего я съ удовольствіемъ читалъ и любовался точностію, выразительностію и вѣрностію вашего перевода. Вы одни между Рус-

скими могли это сдѣлать надъ стихотворцомъ, коего Горацій называетъ неподражаемымъ, по крайней мѣрѣ въ стихосложеніи и гармоніи. Но намъ драгоцѣненъ и буквальный смыслъ его, а къ гармоніи Греческой и оглухло уже ухо не только наше, но и всей Европы жалкихъ Грековъ. Вы доказали, что нынѣ по Гречески и читать уже не умѣютъ. Тоже, думаю, и по Римски, и Горацій вѣрно надсѣлся бы съ досады, когда бы услышалъ произношеніе нынѣшнихъ словесниковъ Нѣмецкихъ, Аглицкихъ, Французскихъ и проч. Прощайте, а я всегда между искреннихъ вашихъ почитателей, остаюсь....» и проч.

Къ этому же времени относится письмо, полученное Мартыновымъ отъ покойнаго Государя Цесаревича Константина Павловича, къ Которому нашъ переводчикъ, въ качествѣ правителя Канцеляріи Совѣта о Военныхъ Училищахъ, еженедѣльно отправлялъ эстафету въ Варшаву по дѣламъ служебнымъ:

«Иванъ Ивановичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить 1-ю часть Пиндара, перевода Вашего Превосходительства, и обращаясь къ вамъ за сіе съ Моею благодарностію, прошу за тѣмъ принять увѣреніе Моего къ вамъ расположенія.»

На подлинномъ собственноручно Его Императорскимъ Высочествомъ написано: «Константинъ» (*).

(*) Подлинникъ письма этого нынѣ находится у надворнаго совѣтника Кон. Ив. Мартынова.

Итакъ, Мартыновъ окончилъ свое изданіе. Но справедливость требуетъ замѣтить, что похваламъ митрополита Евгенія, какъ слишкомъ благосклоннымъ и щедрымъ, онъ не придавалъ большаго значенія. Въ этомъ убѣждаетъ насъ письмо Мартынова къ одному изъ его постоянныхъ подписчиковъ (черновой списокъ его сохранился въ бумагахъ покойнаго).

Поблагодаривъ своего подписчика за его любезное вниманіе къ его трудамъ и посылая послѣднія книжки своего изданія, Мартыновъ прибавляетъ:

«Сими книгами я оканчиваю изданіе «Греческихъ Классиковъ»; продолженія онаго не будетъ, ибо едва покрываются издержки на печатаніе. Публика вовсе не читаетъ таковыхъ книгъ. Къ чему жь понапрасну тратить здоровье, время и деньги? Знающіе чужіе краи часто мнѣ говорятъ: если бы кто это сдѣлалъ въ чужихъ краяхъ, особливо въ Англіи, озолотили бы его! Правда ли то, или нѣтъ (ибо чужихъ краевъ не знаю), это меня нимало не утѣшаетъ. Несмотря на снисходительные отзывы нѣкоторыхъ, въ домишкѣ моемъ лежатъ горы «Греческихъ Классиковъ», и пролежатъ, думаю, нѣсколько вѣковъ, въ доказательство безсмертія моихъ трудовъ.... Исторія г. Карамзина ближе къ сердцу русскихъ; но издавшій ее вторымъ тисненіемъ окончательно раззорился отъ нея: такова у насъ охота читать что нибудь поважнѣе! Журналисты, альманахисты, романисты не могутъ пожаловаться на благосклонность публики. Итакъ, сойдемъ со сцены со своими классиками. На исторію Карамзина, на сей образцовый

трудъ нашего писателя, написано уже одиннадцать критикъ; я же безопаснѣе отъ критики потому только, что, безъ сомнѣнія, и они не читаютъ моихъ классиковъ. Кіевскій митрополитъ Евгеній утѣшаетъ меня, что я буду имѣть читателей въ потомствѣ; но мнѣ жить надобно въ настоящемъ. Итакъ, прощайте, почтенные классики!»

Какимъ спокойствіемъ и вмѣстѣ тоскливымъ чувствомъ отзываются эти строки! Дѣйствительно, онъ скоро сошелъ съ литературнаго поприща, но вовсе не какъ человѣкъ ожесточенный, не какъ литературный мизантропъ, сурово и недовѣрчиво глядящій на новые авторитеты и славы. Напротивъ, и въ послѣдніе годы своей жизни онъ оставался все тѣмъ же бодрымъ и трудолюбивымъ, тѣмъ же любящимъ и сочувствующимъ всему хорошему, такъ же былъ чуждъ праздности и апатіи, какъ и въ лучшіе, цвѣтущіе свои годы, несмотря на то, что много испыталъ и много потрудился на своемъ вѣку. Онъ въ этомъ отношеніи рѣдкое исключеніе изъ кружка тѣхъ старыхъ писателей и ученыхъ, для которыхъ все новое казалось ересью и недостойнымъ никакого вниманія, которые, воспитавшись на старомъ классицизмѣ, съ негодованіемъ смотрѣли на новый романтизмъ Жуковскаго, а на Пушкина, послѣ его «Руслана и Людмилы», глядѣли какъ на дерзкаго шалуна, не уважающаго искусства. Мартыновъ не походилъ на этихъ *любителей роднаго слова,* какъ они себя величали; его натура была слишкомъ богатая и жизненная, чтобъ могла остановиться на одной точкѣ замерзанія. Въ доказательство, какъ онъ все

живо чувствовалъ и какъ чуждъ былъ всякаго самолюбія, приводимъ слѣдующее его стихотвореніе:

О ЖУКОВСКОМЪ, БАТЮШКОВѢ и А. ПУШКИНѢ.

(Послѣ чтенія ихъ сочиненій.)

Жуковскій, Батюшковъ и Пушкинъ предо мною!
Я всѣмъ имъ не даю ни малаго покою:
Послушавъ одного, клоню къ другому слухъ;
Равно ихъ сладкій гласъ мой восхищаетъ духъ.
Различны лиры ихъ, но всѣ три друга Фива:
Сверкаетъ ярко въ нихъ свѣтъ генія счастлива.
Не мните, чтобы я къ сухимъ педантамъ тѣмъ прилегъ,
Кого безвкусья богъ къ злорѣчію обрекъ,
Въ порывахъ смѣлыхъ кто зритъ дерзкое стремленье,
Кому блескъ новый — мракъ, восторги — ослѣпленье.
Ни лести, ни зависти языкъ не знаетъ мой:
Съ душею младости плѣняюсь я красой.

Недавно я смотрѣлъ свои забавы давни:
Сличалъ съ ихъ пѣснями стихи мои сусальны.
О, слабость юныхъ лѣтъ все отдавать въ печать!
О, какъ желалъ бы я все пламени предать!
Когда бы могъ собрать все въ безобразну кучу
И на нее навесть зоиловъ грозну тучу!

Приведенные стихи показываютъ слишкомъ ясно, какъ строго смотрѣлъ Мартыновъ на свои прежнія стихотворныя упражненія и какъ цѣнилъ нашихъ лучшихъ поэтовъ. Онъ вообще не придавалъ никакого значенія своимъ стихамъ: охотно говорилъ о стихахъ Жуковскаго и Пушкина, начинавшаго тогда только что прославляться, и не любилъ, когда

рѣчь заводили о его собственной музѣ. Въ послѣднее время онъ ничего не печаталъ изъ своихъ стиховъ, никому ихъ не читалъ; но, по своей поэтической натурѣ, онъ не могъ не писать стиховъ. Въ оставшихся тетрадяхъ его мы нашли много оригинальныхъ его стихотвореній, подражаній и переводовъ изъ Петрарки, Аріосто, Фосса, Гёте, Жанъ-Поля Рихтера, изъ Горація, Ѳеокрита, Вальтеръ-Скотта, даже изъ Байрона, — однимъ словомъ, изъ всего, что только поразило его силой или граціей, глубокой мыслью или типическимъ представленіемъ какого либо дѣйствующаго лица. Вальтеръ-Скоттъ, напримѣръ, до того восхитилъ его своею Ревеккой, что онъ тутъ же написалъ:

Таковъ поэта кадуцей!
Какъ на яву, во снѣ я видѣлъ
Ревекку Скоттову въ лицо.
Хотя бъ жидовъ кто ненавидѣлъ,
Жидовку эту усмотрѣвъ,
Охотнобъ примирился съ ними,
Природно чувство одолѣвъ.
Ревекка прелестьми своими
Сведетъ, хотя кого, съ ума!
Вотъ быль иль вымысла издѣлье,
Которымъ чудный Вальтеръ-Скоттъ
Плѣняетъ витязей, народъ!

Стихи эти, какъ и выше приведенные, написаны Мартыновымъ въ послѣдніе годы его жизни. Сохранить такую живость впечатлѣній, такую воспріимчивость проникаться всѣмъ поэтическимъ, при

серьёзныхъ, часто сухихъ занятіяхъ по службѣ, не есть ли это лучшее доказательство, что за жизненная и артистическая это была натура, сколько теплоты и свѣжести заключалось въ груди этого шестидесятилѣтняго старца! Послѣ этого понятна и та несокрушимая энергія, которую онъ выказалъ, въ молодости, во время начертанія Уставовъ, и которую потомъ доказалъ въ дѣлѣ изданія «Греческихъ Классиковъ». Только человѣкъ съ такимъ пламеннымъ сердцемъ и съ такой любовью ко всему прекрасному могъ обладать этой стремительной жаждой ко всему высокому; только такой дѣятель, переводя извѣстную пьесу Анакреона (*), гдѣ послѣдній воспѣваетъ нѣгу, вино и бездѣлье, тутъ же, на поляхъ перевода, смѣло могъ написать слѣдующее возраженіе Анакреону:

А по моему, такъ нада
Намъ трудиться въ жизни сей.
Трудъ — отъ бѣдности ограда,
Трудъ — родникъ веселыхъ дней.
Жаръ страстей трудъ умѣряетъ
Апатію гонитъ со двора;
Кто зорю съ трудомъ встрѣчаетъ,
Сладко въ ночь спитъ до утра!

Хотя покойный Мартыновъ и просилъ своихъ дѣтей сжечь всѣ его ненапечатанныя стихотворенія, но, по счастію, они не сожжены, и мы прибѣгаемъ къ этому источнику, на сколько можетъ быть онъ

(*) Пѣснь XXV.

годнымъ въ дѣлѣ біографіи. Такъ, напримѣръ, на уцѣлѣвшихъ листахъ черноваго перевода Анакреона читаемъ эти характеристическія слова, въ которыхъ высказался серьёзный взглядъ на жизнь нашего переводчика:

Какое непостижно чувство
Волнуетъ кровь и грудь тѣснитъ?
Анакреонъ! твое искусство
Меня отнюдь не веселитъ.
Теперь лишь я мечталъ съ тобою,
Внималъ уроку — презрить все,
Безпечнымъ быть; но вдругъ тоскою
Наполнись сердце съ тѣмъ мое.

Знать, правила твои невѣрны,
Чтобъ только въ свѣтѣ баловать!

Прости, Анакреонъ игривый,
Ты видѣлъ призракъ лишь кичливый!

Изъ всего замѣтно, что легкій, шутливый взглядъ Анакреона на жизнь, его веселье, жажда къ удовольствіямъ, презрѣніе къ труду и вѣчно смѣющееся лицо, румяное и безпечное, выглядывающее изъ-за плюща и виноградныхъ лозъ, приводило Мартынова въ недоумѣніе, вслѣдствіе чего онъ и написалъ, на отдѣльномъ лоскуткѣ:

СОМНѢНІЕ О НРАВСТВЕННОСТИ АНАКРЕОНА.

Анакреонъ! ты такъ ли жилъ —
Въ сомнѣніе меня приводишь —
Когда и старикомъ ужь былъ,

Какъ въ пѣсенкахъ намъ колобродишь?
Ужель тіосское вино
Въ тебѣ разсудокъ помрачало?
Ужели старика оно
Лѣтъ въ тридцать молодцомъ казало?
Ты, мнится, только былъ шалунъ,
Проказникъ, волокита смѣлый,
Тянулъ вино и былъ плясунъ
Лишь на бумагѣ, въ день веселый.

Нашъ переводчикъ, вѣрный всегда и во всемъ своему взгляду, не хотѣлъ вѣрить безумной безпечности и легкомыслію греческаго пѣвца, принимая это за хитрую маску, за счастливый даръ двойственной жизни: разумной на дѣлѣ и шутливой, игривой на бумагѣ. Въ этомъ насъ еще болѣе убѣждаетъ то, что въ концѣ стихотворенія написана карандашемъ его рукой слѣдующая замѣтка: «тѣмъ паче греки столь лукавы». Этотъ документъ, уцѣлѣвшій отъ безпощадной руки времени, драгоцѣненъ тѣмъ, что въ немъ высказался весь глубокій, простодушно-идеальный взглядъ Мартынова на значеніе жизни вообще. Приведемъ еще одно стихотвореніе, тоже нигдѣ ненапечатанное, изъ котораго видно, что Мартыновъ былъ чисто русская душа, гнушающаяся всякой двуличностью, благородно казнящій всякую недобросовѣстность и низость, на основаніи своей безкорыстной и страстной любви къ отечеству, которою отличался втеченіи цѣлой своей жизни. Въ этомъ произведеніи видна также его любовь къ Императору Александру I, котораго онъ иначе не называлъ, какъ Титомъ Молосердымъ. Стихотвореніе носитъ заглавіе.

НА ПРАВИЛО ЭПИКТЕТА.

Помилуй, мудрый Эпиктетъ!
«Ни хули и ни хвали» ты учишь.
Какъ можно такъ дурачить свѣтъ?
Молчаніемъ ты насъ замучишь.
Какъ можно въ точность, напримѣръ,
Твое исполнить наставленье.
Когда претонкій лицемѣръ
Снуетъ на святости ученья?
Когда подъячій строитъ домъ
Въ пятьсотъ иль тысячъ въ двѣсти,
А служитъ онъ секретаремъ
Въ Правленьи строгой правды, чести?
Когда за низкій подлеца поклонъ
И умъ ему и честь дается?
Когда кто, внемля клеветѣ,
Безъ справокъ вѣрность, честность давитъ
И, засѣдая на судѣ,
Невинныхъ жметъ, виновныхъ рядитъ?
Но пусть худаго говорить,
По твоему, о грекъ! не должно;
Зачѣмъ, скажи, намъ не хвалить
Достойно что хвалы неложно?
Зачѣмъ мнѣ не сказать: нашъ Царь
И твердъ, и кротокъ, и чудесенъ,
Когда вельможа и косарь
Со мною въ томъ не разногласенъ?
Не льсти Царю въ глаза, или
Молчи, когда онъ бичъ народа.
О! такъ; тогда ты не хвали;
Глагола жди — съ Небесна Свода!
Зачѣмъ къ начальнику-отцу
Скрывать въ душѣ нѣмое чувство?

Ужель троевъ образцу
Хвала — порокъ и льсти искусство?
Зачѣмъ лишать хвалы талантъ
Семеновыхъ, Жуковскихъ, Довыхъ? (*)
Хвала для нихъ есть адамантъ,
А паче для талантовъ новыхъ.
Артисту юному скажи
Два слова лестныхъ — выспрь онъ рѣетъ,
Хвалой разумною, безъ лжи,
И старца геній молодѣетъ.
Хвалой разумною, я рекъ;
Другая похвала отрава.
Самолюбивъ всякъ человѣкъ,
Нерѣдко ядъ — обширна слава.
Взгляни на дутиковъ-пѣвцовъ,
Сихъ геніевъ вошанокрылыхъ,
За щедру дачу имъ вѣнцовъ,
Они ткутъ тьмы стиховъ постылыхъ.
Итакъ, въ своемъ ты Ручникѣ (**),
О, грекъ! какъ хочешь, прихотничай;
«Что въ сердцѣ, то на языкѣ»,
У насъ въ Руси такой обычай!

Переходимъ къ послѣднимъ годамъ жизни Мартынова.

До самой своей смерти онъ несъ службу и былъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ и правителемъ Канцеляріи Совѣта о Военныхъ Училищахъ. Но, кромѣ этихъ двухъ постоянныхъ должностей, нерѣдко назначали его членомъ въ различныхъ ко-

---

(*) Довъ извѣстный даровитый живописецъ.

(**) *Enchiridion*, по русски *ручникъ, ручная книга.*

митетахъ: такъ, въ 1825 году, октября 2, онъ назначенъ былъ членомъ временнаго комитета, учрежденнаго при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія для составленія проэкта устава учебныхъ заведеній.

Привыкши къ дѣятельности самой обширной и разнообразной, онъ, по старой привычкѣ, вставалъ въ шесть часовъ утра, дѣлалъ большую прогулку, отправлялся на службу и приходилъ обыкновенно къ обѣду домой, въ кругъ нѣжно любимаго имъ семейства. Никто не зналъ, куда онъ обыкновенно ходилъ по утрамъ, но видѣли, что почти ежедневно, въ пять часовъ утра, когда всѣ въ семействѣ еще спали, къ нему являлся близкій его пріятель, академикъ З—въ, и они вмѣстѣ уходили со двора. Это сдѣлалось наконецъ до того обыкновеннымъ, что перестали интересоваться этими ранними посѣщеніями академика, таинственными ихъ прогулками вдвоемъ и не занималась, какъ вещью, переставшей быть давно любопытной. Но жена замѣчала, что деньги (онъ никогда ихъ не держалъ въ кошелькѣ, а обыкновенно лежали онѣ у него кучками на письменномъ столѣ и подъ столомъ), весьма часто уменьшаются. Зная его разсѣянность, она одинъ разъ замѣтила ему, не воруютъ ли у него денегъ; но онъ отвѣчалъ, чтобъ она не безпокоилась, что это ей такъ кажется.

Жена, перенесшая съ нимъ бѣдную, учительскую его жизнь въ одной комнаткѣ съ деревянною перегородкою, видѣвшая потомъ, какъ постоянно увеличивалось ихъ довольство и даже изобиліе, давно привыкла вѣрить во всемъ мужу и питала къ нему довѣріе и уваженіе самое безпредѣльное. Тѣмъ и кончи-

лось ихъ объясненіе, и по прежнему начались утреннія прогулки мужа, по прежнему посѣщающій академикъ осторожно стучался въ пять часовъ утра въ его дверь; они о чемъ-то толковали между собою и торопливо спускались съ лѣстницы. Таинственныя эти прогулки продолжались до самой смерти Мартынова. Только послѣ его кончины узнали, что они съ академикомъ З — въ ходили по отдаленнымъ глухимъ переулкамъ, отыскивали бѣдныхъ и приносили имъ пособіе и утѣшеніе. Оказалось, что много было и такихъ семействъ (большею частію изъ простаго класса), которыя получали постоянную маленькую пенсію. Если обстоятельства ихъ улучшались, они указывали на другихъ бѣдняковъ, и, по надлежащемъ изслѣдованіи друзьями-филантропами ихъ положенія, новые поступали на мѣсто выбывшихъ.

По всей вѣроятности, то, что̀ Мартыновъ скрывалъ отъ всѣхъ и что̀ узнали только послѣ его смерти, выразилось въ его пьесѣ: «Ожиданіе Неизвѣстнаго», гдѣ прекрасно и тепло представлено поджиданіе неизвѣстнаго благодѣтеля и его замѣшательство, когда голодныя, оборванныя дѣти и несчастная вдова, цалуя платье и руки своего благодѣтеля, просятъ, чтобъ онъ сказалъ, наконецъ, имъ свое имя, а неизвѣстный

Ни слова имъ въ отвѣтъ, скрѣпился,
Оставилъ плачущихъ въ избѣ,
Захлопнулъ дверь и съ глазъ сокрылся.

Этотъ неизвѣстный, смѣло можно сказать, нашъ благородный, чувствительный и симпатическій

переводчикъ «Греческихъ Классиковъ», это онъ, съ его безконечною добротою и скромностью. Въ подтвержденіе того, какъ онъ много и усердно покровительствовалъ бѣднымъ, скрытно отъ всѣхъ, даже отъ собственнаго своего семейства, — скажемъ, что одинъ изъ сыновей его, въ день похоронъ отца, замѣтилъ, въ числѣ прочихъ присутствовавшихъ лицъ, множество бабъ, дѣтей, стариковъ, которые толпились въ передней. Полагая, что это зѣваки, охотники до всякихъ церемоній, печальныхъ и веселыхъ, онъ спросилъ, что̀ имъ надо.

— Пришли покойничку генералу честь отдать, отвѣчалъ одинъ больной и худой старикъ: — ужь четыре года дѣткамъ моимъ помогаютъ.

Тутъ наслѣдникъ услышалъ множество подобныхъ признаній отъ этихъ честныхъ бѣдняковъ, которые различными способами узнавали имя своего неизвѣстнаго покровителя, знали его домъ, чинъ и фамилію, хотя и показывали ему видъ, что они ничего о немъ не знаютъ. Тутъ только узнали настоящую причину таинственныхъ прогулокъ на Петербургскую сторону и въ другія мѣста, и отчего Иванъ Ивановичъ часто возвращался безъ часовъ, безъ колецъ и запрещалъ считать деньги, лежавшія на столѣ и подъ столомъ. Будучи поэтъ по душѣ, Иванъ Ивановичъ, кромѣ чувства радости, которое обыкновенно испытываетъ человѣкъ, сдѣлавъ добро, находилъ еще въ этомъ что-то увлекательное и поэтическое, что ясно видно изъ слѣдующаго его стихотворенія, нигдѣ ненапечатаннаго. Заглавіе его: «Отдыхъ на Взморьи».

И впрямь большой чудакъ я сталъ:
Отъ свѣта вовсе я отсталъ;
Въ большихъ бесѣдахъ не бываю,
Вельможъ двора не знаю.
Меня зовутъ на шумный столъ —
Я кланяюсь, и шуму волнъ
Иду внимать на сине взморье:
Тутъ сердцу моему просторъ.
Пріятнѣй мнѣ наединѣ,
На полусгнившемъ здѣсь бревнѣ
Сидѣть на берегу зеленомъ
И, въ разстояньи отдаленномъ,
Смотрѣть на домикъ, гдѣ живетъ
Старикъ во сто-семнадцать лѣтъ,
Кому я нѣкогда отраду
Принесъ, и за добро въ награду
Слезъ теплыхъ, сладкихъ пролилъ токъ,
И принялъ отъ него, какъ жить, урокъ.

Благотворительность Мартынова была необыкновенная, если взять во вниманіе его ограниченное состояніе и то обстоятельство, что онъ отъ всѣхъ скрывалъ свои подвиги по этой части. Впрочемъ, онъ не скрывалъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ онъ былъ только исполнителемъ и орудіемъ благотворительности другихъ. Такъ, напримѣръ, услышавъ, что въ Пулковомъ погорѣли крестьяне, онъ на третій день послѣ пожара, имѣя въ своихъ рукахъ значительную сумму, предоставленную въ его распоряженіе, отправился въ Пулково инкогнито, отъискалъ домъ выборнаго и попросилъ его собрать всѣхъ крестьянъ, у которыхъ сгорѣли домы. Здѣсь онъ роздалъ девятнадцати главамъ семействъ, совсѣмъ погорѣвшихъ, по двѣсти

рублей, а тѣмъ, которые потерпѣли меньше вреда, по сту рублей, съ запискою ихъ именъ въ шнуровой книгѣ и съ роспискою трехъ грамотныхъ крестьянъ. Обрадованные крестьяне пристали къ нему, чтобъ онъ объявилъ имъ свое имя; но онъ отвѣчалъ, что имъ благодарить его нечего, что онъ только исполнилъ добрую волю другихъ. «Когда бы свои деньги достались въ другія руки, возразили крестьяне, то, можетъ быть, мы не увидѣли бы ихъ никогда.» Мартыновъ благодарилъ ихъ, но все-таки не сказалъ имъ своего имени, но назвалъ тѣхъ, деньгами которыхъ онъ распорядился. Недаромъ, въ одномъ изъ своихъ ненапечатанныхъ стихотвореній, онъ съ такимъ жаромъ говоритъ:

О! какъ бы я имѣть желалъ
Сокровища несмѣтны Креза!
Благотворить я всѣмъ бы сталъ.
Вотъ *жадности* забавна греза!

Несмотря на то, что Мартыновъ скрывалъ отъ всѣхъ свои добрыя дѣла, никому о нихъ не говорилъ, хотя ближайшіе къ нему люди и догадывались объ этомъ, несмотря на досадную для насъ завѣсу, наброшенную на всѣ прекрасные подвиги покойнаго, какъ будто въ обличеніе излишней его скромности, Богъ вѣсть какъ уцѣлѣлъ пожелтѣвшій, исписанный листъ его рукою, очевидно оторванный и обреченный на уничтоженіе. Слова эти замѣчательны и по изложенію и по мысли, руководившей ихъ. Вотъ они:

«Доканчиваю III Пиѳійскую оду Пиндара; одѣваюсь, какъ можно проще; отправляюсь въ походъ. Разсчитываю: несчастія и бѣдствія должно искать не въ каменныхъ домахъ (хотя и въ нихъ нерѣдко они гнѣздятся), но въ деревянныхъ, ветхихъ, полуобрушившихся хижинахъ. Пускаюсь на Петербургскую; уставши, *беру Иванушку* и пріѣзжаю. Недолго я искалъ желаемаго. На воротахъ у одной самой ветхой хижины читаю надпись: домъ коллежской совѣтницы К*** и тутъ же прибитъ билетъ, что этотъ домъ продается. Когда коллежская совѣтница живетъ въ такомъ домѣ, это знакъ хорошій.... для меня есть же и предлогъ войти къ ней. Вхожу: три рыжія, небольшія собаки никакъ не пускаютъ меня въ покой. Добрыя животныя! они равно охраняютъ и богача и бѣднаго. Выходитъ старуха — воплощенная древность, унимаетъ собакъ и впускаетъ меня. Входя въ покой, я порядочно стукнулся головою о потолокъ, хотя я и невысокъ ростомъ — первый доводъ богатства хозяйки.

«— Что вамъ надобно? спрашиваетъ меня аршинная старушка.

«— У васъ прибитъ билетъ, что вы продаете свой домъ.

«— Да, продаю. Хотя вѣкъ не таскалась по квартирамъ, да нечего дѣлать: нужда велитъ.

«Я завожу разговоръ, точно желаю купить ея домъ; вижу — бѣдность бѣднѣющая!

«— Чѣмъ же вы содержите себя?

«— Я сама не понимаю, какъ меня питаетъ Богъ. У меня есть небольшой садъ, а въ немъ яблони: онѣ

приносили мнѣ въ годъ что нибудь на пропитаніе; а послѣ воды, какъ заборы всѣ повалило, не получила я ни одного яблока: все добрые люди обобрали; случалось, что и сама слышала, какъ ночью приходили за ними, но боялась выходить.

«— А собаки ваши?

«— И собаку одну убили.

«— Были ли у васъ дѣти?

«— Сынъ, но убитъ на войнѣ еще при матушкѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

«Сбрасываю маску и дѣлаю надлежащій приступъ:

«— Сударыня! видя ваше бѣдное состояніе, въ надеждѣ, что вы не откажетесь, вручаю вамъ сто рублей; покорно прошу ихъ принять.

«Старуха встаетъ съ мѣста и крестится. «Господи Боже! Ты послалъ мнѣ этого господина!» Вынимая деньги и книгу, я спрашиваю, умѣетъ ли она писать (*). «Умѣла кое-какъ, но не пишу со смерти своего мужа. Онъ завѣщалъ въ духовной, чтобы я бросила писать. Вдовамъ, сказывалъ онъ, ремесло это не годится.» Каково наставленіе? и каково исполненіе?

«— Какже намъ теперь сдѣлать? спрашиваю: — вѣдь надобно росписаться; я съ собою имѣю чернильницу и перо.

(*) Изъ всего видно, что въ дѣлѣ этомъ Мартыновъ распоряжался какими-то чужими деньгами, ассигнованными на добрыя дѣла,

«Послѣ множества хлопотъ, росписался маляровъ мальчишка; старушку просилъ, чтобъ не благодарила, ибо дѣлаю добро не я. При разставаньи старуха опять возобновляетъ свою просьбу, чтобъ я сказалъ, кто я; но я опять повторилъ ей имя той особы, которую она можетъ помянуть въ своихъ старческихъ молитвахъ. Нанимаю Иванушку и лечу въ другое мѣсто, къ знакомому. Это семидесяти-пятилѣтній старикъ, бывшій нѣкогда въ бѣдномъ званіи учителя, не получающій нѣсколько десятковъ лѣтъ ни жалованье, ни пенсіона и не имѣющій никакого вѣрнаго средства къ пропитанію. Нужды его простирается дотого, что онъ во всю зиму отказываетъ старому своему остову и холодной крови въ согрѣніи топкою печки.

«Я узналъ его вотъ по какому случаю. Не болѣе полугода, онъ, не означивъ своего имени, объявилъ въ вѣдомостяхъ, что въ такомъ-то мѣстѣ города и проч. продаются небольшія собранія минераловъ, раковинъ, монетъ и книгъ. Я тогда отправился въ указанное мѣсто, не найду ли чего купить для себя. И чтожь нашелъ? Собранія сіи самыя скудныя, а книги ветхія, разрозненныя. Пересмотрѣвъ все, я нашелъ годными для себя только отрывокъ Двинскаго Лѣтописца, Нарушевичеву Тавринію и переведенную на эллинскій языкъ архіепископомъ Евгеніемъ-Булгаромъ оду Петрова — князю Потемкину. Заплативъ, что̀ слѣдовало, я уѣхалъ; но горестная фигура старика долго не выходила у меня изъ головы. Черезъ нѣсколько времени является ко мнѣ старикъ съ ношею книгъ (недоумѣваю, какъ онъ провѣдалъ

обо мнѣ), въ числѣ коихъ было нѣсколько такихъ, кои считалъ онъ нужными для меня. Я спрашиваю, что̀ онѣ стоятъ. Ничего — отвѣчаетъ онъ — прошу принять ихъ, такъ какъ вамъ нужныя, даромъ. Замѣтивъ ему, что въ его состояніи дѣлать подарки не кстати, я уговорилъ его принять сумму, которую считалъ, по крайней мѣрѣ, втрое противъ настоящей цѣны книгъ. Итакъ, вхожу къ нему. Покой его холодный, почти безъ оконъ. Ко мнѣ идетъ навстрѣчу, въ запачканномъ тулупѣ, въ валенцахъ, подпираясь палкою, едва движущійся, но живой остовъ.

«— Здоровы ли вы? спрашиваю его.

«— Чего, батюшка! отвѣчаетъ: — меня переѣхали лошади. Шелъ я по Гороховому переулку и попалъ между каретъ; я же глухъ: не слышу, хоть, можетъ быть, и кричали.... переѣхали по рукамъ и ногамъ. Вотъ съ тѣхъ поръ не могу еще оправиться.

«Изъявивъ старику сердечное сожалѣніе о новомъ его несчастіи, спрашиваю, сбылъ ли онъ сколько нибудь своихъ вещей.

«— Нѣтъ. Кому купить? Въ училища минералы присылаютъ изъ Сибири; а изъ частныхъ людей много ли у насъ охотниковъ до нихъ? Такая бѣда! вѣрите ли, вотъ всего только у меня денегъ, указывая на два гривенника, лежавшіе на столѣ.

«Пожалѣвъ и объ этомъ, говорю: я пріѣхалъ къ вамъ по нужному дѣлу. Я сдѣланъ ревизоромъ по счетнымъ дѣламъ всѣхъ приходскихъ училищъ. Разсматривая счетныя книги, нашелъ я въ нихъ нѣкоторыя упущенія; одно изъ нихъ исправить зависитъ отъ васъ. Вы, служа учителемъ, не росписались

какъ-то въ полученіи жалованья, и вынимаю книгу изъ-за пазухи. Старикъ надѣваетъ очки, читаетъ: выдано коллежскому совѣтнику.... триста рублей. Смотритъ опять въ книгу. «Не помню, право.»

«Подумавъ нѣсколько и посмотрѣвъ на меня пристально, плачетъ и поднимается меня цаловать. — Отъ васъ принимаю — говоритъ глухо и скороговоркой — и садится расписываться; но прочитавъ опять свое имя: да это не мнѣ, говоритъ. Я надворный совѣтникъ, а тутъ сказано коллежскій.... Но я убѣдилъ его, что это ошибка. Старикъ расписывается и, крестясь, со слезами принимаетъ деньги.

«— Да благословитъ васъ Богъ во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ! Вы не можете имѣть худыхъ, сказалъ мнѣ при уходѣ сей несчастный страдалецъ.

«Отъ него пошелъ я въ другое мѣсто.

«Я имѣлъ въ виду одну добрую, пожилую дѣвицу, которая работала до изнеможенія силъ. Прихожу къ ней, безъ дальнихъ предвареній, вынимаю книгу и прошу расписаться въ полученіи пятисотъ рублей. Какъ смутила эту почтенную дѣвицу такая радость. Скромность дѣвичья не позволила ей выйти изъ предѣловъ; но я замѣтилъ, что она насилу могла расписаться дрожащею рукою; два слова благодарности, и то несвязныя, прерваны были двумя ручьями слезъ. Отсюда я немедленно *помчался на Иванушкѣ* (*) въ четвертое мѣсто. Это было несчастное

(*) Курсивъ въ подлинникѣ. Замѣтимъ вообще, что нашъ деликатный переводчикъ не называлъ иначе извощиковъ какъ Иванушка, и терпѣть не могъ слова *Ванька*.

семейство, которое жило нѣсколько лѣтъ уменя и послѣ роковаго наводненія, лишась отца семейства, жило уже безъ платы; несчастная, но поведеніемъ своимъ достойная счастія, вдова, съ пятью малолѣтними дѣтьми, не имѣющая никакихъ способовъ къ содержанію себя и дѣтей, кромѣ вспоможеній, дѣлаемыхъ ей сострадательными сердцами. Не безъ труда было исполнить здѣсь то желаніе мое, чтобы сохранилось въ тайнѣ добро; вдова не умѣетъ писать, дѣти также. Однако, увидѣвъ старшую дочь, которая когда-то училась въ пансіонѣ, я спросилъ: вы, безъ сомнѣнія, уже научились писать.

«— Очень мало; я пишу худо.

«— Да вотъ не угодно ли вамъ посмотрѣть, сказала мать: — у нея есть тетрадка.

«— Почеркъ изрядный, говорю: можете ли вы уже писать отъ себя.

«— Нѣтъ.

«— По крайней мѣрѣ нѣсколько словъ.

«— Нѣтъ.

«— А если написать вамъ, то, безъ сомнѣнія, списать можете?

«— Могу.

«Послѣ сего отвѣта, беру лоскутокъ бумаги и пишу то, что она должна написать въ шнуровой книгѣ. Дочь съ большою трудностью, однакожь, вписываетъ въ книгу мною написанное. Я прошу ее прочитать, она съ медленностію разобрала: *оныя деньги триста рублей получила М.... Д....* Вынимаю деньги.... Скрывать здѣсь свое имя я уже не могъ,

вопреки принятому мною правилу. Надобно было видѣть, что̀ произошло въ семъ семействѣ. Если самолюбію каждаго позволено писать съ себя портреты, то я желалъ бы написану быть въ тогдашнемъ моемъ положеніи. Кипренскій! Довъ! воображенію вашему не нужно было бы дѣлать напряженій. Я сидѣлъ на ветхомъ стулѣ, за простымъ сосновымъ столомъ; передо мною....»

Этими словами рукопись прерывается. Но довольно: тѣ многочисленныя добрыя дѣла, о которыхъ мы слышали, та молчаливая благотворительность, которою Мартыновъ отличался и никому о ней не говорилъ, слишкомъ ясно видны изъ приведенныхъ словъ. Видно, что дѣло это было для него не новое и онъ дѣйствовалъ, какъ опытный уже и искушенный филантропъ, помогая тамъ, гдѣ дѣйствительно нуждались, а не тамъ, гдѣ просятъ.

До самой своей болѣзни, Мартыновъ, какъ мы уже сказали, постоянно ходилъ на службу, остальное время посвящалъ чтенію и письму.

«Много у меня свободнаго времени, говорилъ онъ, приходя къ своимъ дѣтямъ: —пойдемъ заниматься ботаникой.»

Кромѣ ботаническихъ занятій, которыми онъ занимался основательно и серьёзно, его всегда заставали съ географическою картою, передъ глобусомъ, надъ которымъ онъ просиживалъ въ глубокомъ раздумьи по цѣлымъ часамъ. Онъ часто исчерчивалъ карандашемъ глобусъ до такой степени, что глобусъ послѣ никуда не годился, и онъ покупалъ новый и снова его исчерчивалъ... На географическіе атласы

и карты онъ издерживался охотно и говорилъ, что, послѣ словесности, самыя лучшія науки — географія и исторія.

«— А ботаника? спрашивалъ его сынъ.

«— Ахъ, мой другъ, тамъ цвѣты, безъ которыхъ и жить невозможно.

Одинъ разъ, не задолго передъ смертью, онъ ушелъ изъ дому и вернулся, сверхъ обыкновенія, не въ духѣ и опечаленный. Никто не зналъ причины, потому что не смѣли тревожить старика, вѣчно чѣмъ нибудь озабоченнаго и занятаго. Но одинъ изъ сыновей прокрался въ его кабинетъ, въ который никто не смѣлъ входить, и даже прислугѣ не позволялось тамъ ничего убирать, ибо вся огромная комната завалена была книгами, фоліантами и т. д., которые лежали на полу, на окнахъ, на стульяхъ, на диванахъ. Прокравшись въ кабинетъ, сынъ осматривалъ все съ изумленіемъ и увидѣлъ на столѣ какой-то огромный, толстый листъ бумаги, на которомъ крупными буквами написано было: *Участь Классиковъ*. Вотъ эти стихи:

Сегодня утромъ я случайно
Зашелъ туда, гдѣ трынь-трава
Все, что мы чтимъ необычайнымъ.
Гдѣ — ужасть! — слава дешева,
Гдѣ въ книгахъ мало знаютъ толку,
Ихъ за *безцѣнокъ* отдаютъ.
И не одну увидѣлъ полку
Тамъ «Классики» мои гнетутъ....
«Что стоитъ книга: «О Высокомъ»? (*)

(*) Лонгинъ, часть XVIII.

Спросилъ я. — Рубль. «А Иродотъ?»
— Весь, или часть? скажите толкомъ.
«Часть первая.» — Извольте, вотъ.
«Что жь стоитъ?» — Два; вы что дадите!
Съ досады я купцу въ отвѣтъ
Ни слова. — Что жь? Скажите,
Или купить охоты нѣтъ?
Вотъ участь «Классиковъ» какая!
Продавшій эти книги — воръ,
Цѣны и толку въ нихъ не зная,
Ихъ отдалъ, какъ ничтожный соръ!
А продавецъ—его глупѣе,
Съ цѣной не справясь, продаетъ,
Какъ можно только дешевѣе.
Вотъ бѣденъ кѣмъ ученый свѣтъ!
Я прихожу домой съ досадой
На униженіе стариковъ.
Такой-то воздаютъ наградой
За трудъ и воръ и братъ ословъ!

Это стихотвореніе, драгоцѣнное для біографа, кромѣ того, заключаетъ въ себѣ такую горькую сатиру, исполнено такого сильнаго негодованія, какое могутъ испытать только высшіе темпераменты. Не мелкое авторское самолюбіе руководило рукою автора, но горестное сознаніе, что много еще нужно времени соотчичамъ, чтобъ чтеніе доставляло имъ не одно удовольствіе, но необходимую духовную потребность и пищу, какъ хлѣбъ и воздухъ. Это, можетъ быть, единственный случай въ жизни Мартынова, единственный гнѣвъ и какъ бы раскаяніе въ тщетности своихъ трудовъ и горькое убѣжденіе въ неблагодарности своихъ соотечественниковъ.

Между тѣмъ, Мартыновъ скоро возвратился къ обычнымъ своимъ занятіямъ. Онъ скоро издалъ двѣ небольшія книжки Плутарха: *О слушаніи и Добродѣтельныя женщины въ древности.* Узнавъ, что профессоръ С.-Петербургскаго Университета Грефе вводитъ произношеніе въ греческомъ языкѣ эразмово, между тѣмъ, какъ у насъ издавна принято соотвѣтственное древнему и новому, онъ не могъ снести этого равнодушно и написалъ разсужденіе «О произношеніи греческихъ буквъ», *для предохраненія отъ нѣмецкаго соблазна,* какъ выразился митрополитъ Евгеній, бывшій въ восторгѣ отъ этого разсужденія. «Совѣтъ вашъ о произношеніи нѣкоторыхъ греческихъ буквъ — пишетъ онъ къ Мартынову — весьма основателенъ и особливо нынѣ очень въ спору. Общее для всѣхъ языковъ и всегдашнее правило: usus loquenti Magister, quem penes (говоритъ Горацій) arbitrium et jus et norma loquendi. Но выговору древнихъ грековъ мы въ точности подражать уже не можемъ. Итакъ, по крайней мѣрѣ, должны мы подражать потомкамъ грековъ, а не профессорамъ, пріѣхавшимъ изъ западныхъ школъ переучивать насъ по своимъ догадкамъ.» Вопросъ этотъ такъ сильно занималъ нашего эллиниста, знавшаго оттѣнки даже мѣстныхъ провинціальныхъ греческихъ нарѣчій, что онъ началъ хлопотать о распространеніи своей брошюры. Министерство Народнаго Просвѣщенія издало его разсужденіе на свой счетъ и разослало его по училищамъ гражданскимъ; впослѣдствіи, онъ выхлопоталъ, чтобы оно было разослано и по училищамъ духовнымъ, хотя, въ пос-

лѣднихъ, по большей части, не держались Эразма и Рейхлинга. Но Мартыновъ долго тревожился, что подобныя нововведенія исказятъ божественный языкъ Гомера, Софокла и Пиндара.

Въ 1828 году экономъ вселенскаго патріаршескаго престола и проповѣдникъ константинопольскій, пресвитеръ Константинъ Экономидъ, предпринялъ издать книгу на греческомъ языкѣ, съ русскимъ переводомъ: *Опытъ о ближайшемъ сходствѣ языка славянороссійскаго съ греческимъ*. Мартыновъ, любившій все, что̀ только носило на себѣ признакъ серьёзной мысли, принялъ на себя съ удовольствіемъ надзоръ за изданіемъ этой книги и за исправленіемъ русскаго перевода, о чемъ говоритъ въ предисловіи къ первой части самъ сочинитель.

Въ 1832 году, въ Совѣтѣ о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ возникло недоумѣніе, Гречеву ли грамматику ввести въ эти заведенія, въ которыхъ она уже и преподавалась, или Востокову, принятую Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Это заинтересовало Мартынова, и онъ сдѣлалъ «Сводъ Грамматики Востокова и Греча», съ прибавленіемъ собственныхъ сочиненій: 1) о словорасположеніи вообще и свойственномъ русскому языку въ частности; 2) игра согласныхъ буквъ въ словопроизводствѣ; 3) опытъ разбора грамматическаго и 4) опытъ разбора стихотворческаго и критическаго. Но сводъ этотъ преимущественно былъ изданъ имъ съ тою цѣлью, чтобъ всякій могъ видѣть, что̀ лучше предложено у г. Греча или г. Востокова, что̀ надобно исправить, что̀ излишне и чего недостаетъ. Въ Бозѣ почиваю-

щій Великій Князь Михаилъ Павловичъ, какъ главный начальникъ Пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и Дворянскаго Полка, поднесъ печатный экземпляръ сочиненія Мартынова, какъ правителя Канцеляріи Совѣта о Военныхъ Училищахъ, Императору Николаю I. Его Величество, принявъ книгу съ благосклонностью, пожаловалъ Мартынову брильянтовый перстень въ двѣ тысячи рублей. Съ этимъ подаркомъ случилась замѣчательнѣйшая исторія, вполнѣ доказывающая все безконечно доброе сердце Мартынова.

Иванъ Ивановичъ долго носилъ пожалованный перстень на пальцѣ; но одинъ разъ замѣтили, что онъ пришелъ безъ него. Домашніе осторожно дали ему это замѣтитъ; но онъ отвѣчалъ, что перстень спрятанъ. Не скоро послѣ того узнали, и то черезъ посредство одного знакомаго, что перстень былъ отданъ бѣдному семейству, которое три года жило безъ всякихъ средствъ, глава семейства былъ въ нищетѣ и умеръ, жена лежала въ оспѣ, а дѣти въ болѣзняхъ и лохмотьяхъ (*). Лучшаго и благороднѣйшаго употребленія невозможно было сдѣлать, пожертвовавъ великодушный Монаршій подарокъ на такое доброе дѣло! По всей вѣроятности, подъ вліяніемъ этого случая, онъ по обыкновенной своей привычкѣ передалъ его въ стихахъ, единственномъ источникѣ, изъ котораго можно догадываться, при пособіи сообщенныхъ намъ свѣдѣній, какъ много онъ дѣлалъ

(*) Сообщено А. Я. К.

добра, о которомъ никто не зналъ. Вотъ, что онъ пишетъ:

Какъ весело сегодня мнѣ!
Какая въ чувствахъ льется сладость!
О, посѣщай такая радость
Почаще сердце ты мое!

Я по трудамъ гулять пошелъ:
Прогулки часто мнѣ полезны,
И токи осушилъ всѣмъ слезны,
Лишь въ хижину одну зашелъ.

Три года на одрѣ лежитъ
Измученная злымъ недугомъ,
На вѣкъ раставшись съ вѣрнымъ другомъ,
И помощи ни въ комъ не зритъ.

Малютокъ шесть стоятъ при ней,
Какъ тѣнь отъ гладу изнуренны;
Я взоры отвратилъ смущенны....
Малюткамъ снѣдь, врача далъ ей.

Я часто радости дарю,
Самъ радости тогда жь вкушаю.
Не для хвалы и льстива слова, —
Для перла самого добра.

Но кромѣ неизвѣстныхъ добрыхъ дѣлъ, о которыхъ мы, за неимѣніемъ подтвердительныхъ фактовъ, много не распространялись, — Мартыновъ былъ открытымъ благотворителемъ молодыхъ людей, пріѣзжавшихъ въ столицу для поступленія въ корпуса и другія заведенія. Будучи правителемъ Канцеляріи Совѣта о Военныхъ Училищахъ до самой своей смер-

ти, онъ имѣлъ много случаевъ быть полезнымъ недостаточнымъ дворянскимъ дѣтямъ, не только добрымъ совѣтомъ, но и дѣломъ. Такъ, напримѣръ, когда онъ занималъ большую казенную квартиру, то принималъ къ себѣ на домъ по десяти и болѣе молодыхъ людей, приготовлялъ ихъ и кормилъ безъ всякаго возмездія. Очевидецъ намъ разсказывалъ, что къ нему являлись иногда бѣдняки въ лаптяхъ, едва умѣющіе русской грамотѣ, и, представивъ ему свои метрическія свидѣтельства, просили опредѣлить ихъ куда нибудь, говоря, что они имѣютъ большое желаніе учиться и служить. Такимъ лицамъ Мартыновъ охотнѣе передъ прочими давалъ у себя помѣщеніе, ибо его постоянное было правило, что «бѣдняку безъ ума обойдтись невозможно». Заговоривъ однажды объ этомъ, онъ сказалъ слѣдующій экспромтъ:

Кому съ умомъ нужнѣе голова?
Богатому или забытому судьбою?
Вотъ отповѣдь, хотя и не нова:
Богатому съ набитою мошною
Башку свою удобно замѣнить.
А бѣдному — какъ безъ ума пробыть! (*)

(*) Вообще, до какой степени Мартыновъ любилъ поэзію и какъ мало считалъ себя поэтомъ, могутъ служить слѣдующіе стихи, отысканные нами въ его бумагахъ и нигдѣ не напечатанные:

О! не тревожьте вы меня,
Поэзіи причуды милы!
Нѣтъ Пушкина во мнѣ огня,

Впрочемъ, Мартыновъ былъ благотворителемъ не только тѣхъ лицъ, бѣдность которыхъ слишкомъ очевидно проглядываетъ сквозь дыры ихъ некрасиваго платья, но онъ, по мѣрѣ силъ, помогалъ еще той бѣдности, которая горда, ходитъ опрятно и чисто, но въ сущности такъ же плачевна, какъ и первая. Въ доказательство того, что онъ помогалъ и этимъ гордымъ бѣднякамъ, приводимъ слѣдующее письмо извѣстнаго стихотворца графа Хвостова, адресованное на имя Мартынова:

«Милостивый государь мой Иванъ Ивановичъ! Вашего Превосходительства мои 4-й и 5-й томы въ рукахъ, — слѣдовательно вы тамъ можете усмотрѣть мое глубокое уваженіе къ знанію вашему Греческаго языка. Я говорю о переложеніяхъ моихъ изъ Анакреона, сего отмѣнно забавнаго піиты, о стихахъ моихъ въ 5-мъ томѣ вамъ посвященныхъ, подъ именемъ: Переводчику классиковъ и о многихъ другихъ отзывахъ, сіяющихъ въ полномъ моемъ изданіи; а теперь приступаю съ покорнѣйшею просьбою: помогите переводчику нѣкоторыхъ гимновъ; научите его и покровительствуйте ему: получить мѣсто на-

---

Жуковскаго волшебной силы.
По приговору злыхъ головъ,
Я сталъ второй Хвостовъ.

Стихи эти носятъ заглавіе: *Собственное негодованіе*. Сильная и нѣжная душа Мартынова, чующая во всѣмъ и вездѣ поэзію, словно грустила о томъ, что природа не дала ему первостатейнаго поэтическаго таланта, тогда какъ онъ просыпался и засыпалъ со стихами на устахъ.

ставника въ здѣшней гимназіи. Вручитель сего есть Авксентій Матвѣевичъ М–ъ, Титулярный Совѣтникъ, дайте ему способы напечатать гимны или въ Россійской Академіи, или гдѣ по вашему мнѣнію удобнѣе къ прибылямъ. Мы знаемъ, что вы покровительствуете бѣдныхъ стихотворцовъ, и мѣста онымъ пріискиваете, и возвышеннымъ совѣтомъ снабжаете. Жуковскій мнѣ говорилъ, что вы какъ будто простудились. Думаю скоро васъ видѣть. Вашего Превосходительства покорный слуга графъ Хвостовъ.» (*)

Съ начала 1833 года — года смерти Мартынова — не было замѣтно никакихъ признаковъ, чтобъ онъ разстроилъ свое здоровье. Напротивъ, несмотря на свои шестьдесятъ–два года, онъ былъ, по прежнему, бодръ, свѣжъ и дѣятеленъ. Въ послѣднее время онъ написалъ огромнѣйшую рукопись листовъ въ полтораста (писанныхъ) «*Любословъ, или опытъ легчайшаго способа познакомить дѣтей съ главнѣйшими правилами русской грамматики*», съ эпиграфомъ изъ Шатобріана: *Тотъ, кто хочетъ привести въ порядокъ идеи ребенка, подобенъ тому, кто хотѣлъ бы привести въ порядокъ находящееся въ пустой комнатѣ.* Ненапечатанная эта рукопись, о которой мы будемъ еще говорить, поражаетъ трогательностью своего вступленія: «Дѣти: нѣкогда скудныя познанія мои въ природномъ языкѣ и словесности, подобнымъ вамъ дѣтямъ разныхъ возрастовъ и обоихъ половъ, передавалъ я изустно. Съ малютками

(*) Орѳографія соблюдена согласно съ подлинникомъ.

лепеталъ я, какъ малютка; съ возрастными, какъ сверстникъ ихъ, и знакомилъ ихъ съ правилами и красотами слова, прилично лѣтамъ каждаго. Съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на нихъ, когда они, превратясь всѣ, такъ сказать, въ слухъ и устремивъ на меня глазенки, старались какъ бы поглотить мои наставленія! Толикое вниманіе ихъ воскриляло мое усердіе быть имъ полезнымъ всемѣрно; и мы всѣ были вознаграждены достойнымъ образомъ: они успѣхами въ познаніяхъ, я удовольствіемъ видѣть ихъ успѣхи и благоволеніемъ ко мнѣ начальства. Незабвенна на всегда пребудетъ для меня сія эпоха жизни моей! Дѣти! всѣ сіи удовольствія для меня давно уже миновали... Съ тѣхъ поръ я сдѣлался опытнѣе, и, слѣдовательно, наставленія мои, можетъ быть, принесли бы вамъ пользу гораздо большую. Но я уже немолодъ; тѣлесныя мои силы изнемогаютъ, хотя рвеніе быть вамъ полезнымъ во мнѣ не потухло.

«Итакъ, вмѣсто наставленій изустныхъ, я хочу услаждать преклонныя лѣта свои бесѣдою съ вами письменно. Я составилъ ее для дѣтей разныхъ возрастовъ: съ малолѣтними толкую о томъ, что̀ они могутъ понимать. Разсматриваю нѣсколько сочиненій чужихъ, и разсматриваю ихъ такъ, какъ бы вижу васъ предъ собою, слушающихъ меня. Старикъ все еще горитъ желаніемъ говорить съ вами объ искусствѣ писать правильно и красно, научать васъ чувствовать красоты въ сочиненіяхъ и давать отчетъ въ семъ чувствованіи, равно какъ и въ чувствованіи недостатковъ. Легко сказать: это прекрасное сочи-

неніе, это дурно написано; но не легко то или другое доказать. Симъ образомъ надѣюсь внушить вамъ любовь къ русскому слову и писателямъ его, сдѣлать васъ основательными и безпристрастными судьями чужихъ сочиненій, а можетъ быть, и хорошими писателями».

Считаемъ лишнимъ прибавить съ своей стороны хотя одно замѣчаніе къ этимъ мягкимъ, ласкающимъ сердце словамъ нашего почтеннаго старца, все еще горящаго любовью къ искусству, къ дѣлу и къ пользѣ.

Сверхъ «*Любослова*», въ послѣднее время Мартыновъ написалъ болѣе сорока (писанныхъ) листовъ «*О глаголѣ*». Рукопись эта также не напечатана, и о ней мы будемъ также говорить въ слѣдующей статьѣ. Но нельзя не дивиться этой, говоря по совѣсти, исполинской дѣятельности, если къ этому еще прибавить, что огромнѣйшее его сочиненіе «*Энциклопедія всѣхъ человѣческихъ познаній*», составлявшее страшный рукописный фоліантъ, погибло во время наводненія, и Мартыновъ болѣе скорбѣлъ о томъ, что подмочило книги Сперанскаго, чѣмъ о потерѣ своего многолѣтняго труда. Трудъ этотъ образовался въ промежутки времени сочиненія уставовъ для учебныхъ заведеній, во время его блистательнаго директорства по Департаменту Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ часы досуга и хлопотъ по изданію «*Сѣвернаго Вѣстника*», частаго посѣщенія, по этому поводу, театровъ для оцѣнки пьесъ и игры актеровъ и, наконецъ, во время изданія «*Лицея*», журнала, непосредственно возникшаго послѣ пре-

кращенія «Сѣвернаго Вѣстника». Если къ этому присоединить еще остальные его труды, сверхъ многихъ переводовъ съ французскаго, двадцать-шесть частей «Греческихъ Классиковъ», переведенныхъ и объясненныхъ, его ботаническіе словари, ревностное участіе въ занятіяхъ Минералогическаго Общества, котораго онъ былъ основателемъ, постоянное присутствіе въ засѣданіяхъ Россійской Академіи и доставленіе въ ея Словарь словъ по разнымъ наукамъ, искусствамъ и ремесламъ, труды до самой смерти по должности правителя Канцеляріи Совѣта о Военныхъ Училищахъ и члена Главнаго Правленія Училищъ, постоянное чтеніе русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ книгъ,—если, говоримъ, все это вспомнить, то невольное изумленіе сообщится при видѣ подобной дѣятельности.

Когда успѣвалъ все дѣлать этотъ человѣкъ — это тайна его необыкновенной души, преисполненной святой любви, энергіи и неутомимости. Близкіе къ нему люди сказывали намъ, что, часто во время многотрудныхъ занятій своихъ, онъ не спалъ болѣе четырехъ часовъ, и всегда былъ здоровъ и никогда не былъ боленъ. Изъ-за рабочаго стола онъ вставалъ и протягивалъ руку къ бумажному свертку, въ которомъ были уже заранѣе приготовлены деньги для театра. Зная его разсѣянность, заботливая жена заблаговременно клала деньги, завернутыя въ бумажку (кошельковъ онъ терпѣть не могъ), въ его шляпу.

Посѣтивъ, однажды, звѣринецъ Лемана, прибывшій въ Петербургъ изъ Лондона послѣ наводненія,

1824 г., Мартыновъ написалъ по этому поводу письмо къ своему другу П. А. Словцову, — письмо, представляющее цѣлый зоологическій трактатъ. Изъ этого письма, написаннаго очевидно наскоро и неразборчиво, узнаемъ, что шакалъ надѣлалъ много ему хлопотъ при переводѣ «Иліады». «У Гомера названъ онъ θως thoa — пишетъ Мартыновъ — но это названіе принадлежитъ нынѣ цѣлому роду, который у древнихъ зоологовъ не опредѣленъ съ точностію; а у новѣйшихъ, по распространеніи зоологіи и приведеніи ея въ систему, названіе сіе удалилось отъ прежняго своего знаменованія, или, лучше сказать, развѣтвилось на породы. Теперь я видѣлъ сего звѣрка въ натурѣ и весьма понимаю, для чего названъ онъ у зоологовъ lupus canis, а по французски loup cevrier. Онъ почитается другомъ льва потому, что дѣтищамъ его находитъ и приноситъ пищу. Здорово, звѣрь, заставившій столько меня потѣть и притуплять зрѣніе! Хозяинъ шакала сказываетъ, что онъ такъ робокъ или стыдливъ, что при людяхъ никогда не ѣстъ и для того кормится ночью, когда никого не видитъ. — Отчего онъ безпрестанно дрожитъ? спросилъ я. — «Отъ злости, отвѣчалъ хозяинъ по нѣмецки. Онъ все хочетъ кого нибудь укусить.» Робость, злость и угодливость льву въ одномъ звѣрѣ! Чудное смѣшеніе свойствъ! Ахъ, батюшка, видѣлъ я бѣлаго морскаго медвѣдя! При первомъ взглядѣ производитъ какое-то сожалѣніе: онъ безпрестанно качаетъ поникшею головою, въ такомъ направленіи, какъ дѣти качаются на качеляхъ или въ люлькахъ. Природа, по жительству

его на Ледовитомъ морѣ, назначила ему сіе непрерывное движеніе для разогнанія льдинъ и добыванія рыбы, для его пропитанія.... Одинъ изъ прекрасныхъ попугаевъ, слѣзши съ шестака своего на полъ, подошелъ ко мнѣ и удостоилъ меня своимъ разговоромъ, котораго я не понималъ. Кажется, онъ изволилъ гнать меня прочь, ибо, растопыривъ крылья, сталъ клевомъ дергать за подолъ шубы моей, вѣроятно потому, что я въ птичьей комнатѣ оставался долго и притомъ одинъ.»

Переходимъ къ послѣднимъ минутамъ Мартынова, но сознаемся въ своей слабости: сроднившись съ этою живою и вѣчною юною личностью, намъ кажется страннымъ видѣть его въ постели, больнаго, печалнаго и, какъ говорятъ, раздражительнаго. Во всю свою жизнь онъ не былъ раздражительнымъ въ семействѣ, но во время болѣзни сдѣлался недовольнымъ и даже несноснымъ. Несмотря на свою развивающуюся болѣзнь, которая началась съ простуды, онъ ни за что не хотѣлъ лечь въ постель, словно хотѣлъ вспомнить то старое, блаженное время, когда никакія болѣзни не касались его и когда онъ, обыкновенно, лечился ревенемъ, росшимъ въ его саду. Указывая на кустарники ревеня, онъ шутя говаривалъ, что съ помощью ихъ можно прожить маѳусаиловское долголѣтіе. Но болѣзнь его была — грудная водянка, которой и магическіе кустарники, столько разъ его облегчавшіе, не могли уже пособить.

Замѣчательно то обстоятельство, что передъ сво-

ей болѣзнью онъ написалъ слѣующіе грустные стихи, смѣемъ предполагать, послѣдніе въ его жизни:

Итакъ, надѣлъ и я очки!
Мое ужь зрѣнье притупилось,
Чело морщинами покрылось,
И губы стали, какъ сморчки.

Пора духовную писать,
Разстаться съ лакомствомъ разврата,
Въ недоброхотѣ видѣть брата;
Пора учиться умирать.

Молвы наскучилъ говоръ мнѣ;
Ужь я усталъ съ судьбой сражаться!...
Пора въ могилу убираться,
Спокойно лечь наединѣ....

Мы нарочно подчеркнули стихъ *разстаться съ лакомствомъ разврата*, котораго покойникъ не зналъ во всю жизнь, не имѣя понятія даже объ отдыхѣ. Для поясненія приведенныхъ стиховъ и вообще для уясненія всей личности Мартынова, позволяемъ себѣ привести еще одно его стихотвореніе, написанное въ послѣдніе годы его жизни, по случаю снятія его портрета:

Что пользы, живописецъ, тъ томъ,
Что надъ покорнымъ ты холстомъ,
Искусствомъ, чудо совершилъ,
Что мной его одушевилъ?
Онъ перескажетъ ли потомству,
Что не причастенъ вѣроломству
Я въ дружбѣ, въ данномъ словѣ былъ;
Личины въ свѣтѣ не носилъ

И въ жизнь довольно потрудился;
Полезнымъ, честнымъ быть стремился;
Что льстить вельможамъ не умѣлъ,
Зато и ласки ихъ не зрѣлъ;
Что хоть труды мои хвалили,
Но лишь *безсмертье* мнѣ сулили;
А что имѣетъ большій вѣсъ,
Чѣмъ смертные блистаютъ здѣсь,
Того въ очахъ ихъ недостоенъ
Я былъ, и мнили: я доволенъ
Пустой посулою того,
Что здѣсь не значитъ ничего. (*)

За двѣ недѣли до своей смерти, Мартыновъ, больной и печальный, рѣшился наконецъ лечь въ постель; но къ кровати его, по его приказанію, придвигали столъ съ служебными дѣлами и книгами. Дѣтямъ, окружавшимъ его, онъ не дѣлалъ никакихъ наставленій до послѣдній минуты, — одинъ только разъ замѣтилъ:

«Презирайте, милые, лихоимцевъ и не требуйте для себя награды; по мѣрѣ силъ, будьте благотворительными.»

(*) Вообще Мартыновъ, при всей своей свѣтлой, младенческой натурѣ, въ послѣднее время, впадалъ въ тяжелое раздумье, хотя никому этого не показывалъ; но его стихи обнаруживаютъ ясно тогдашнее состояніе его души. Такъ, другу своему П. А. С. онъ пишетъ:

«Ахъ, сколько въ счастьи намъ помѣхи!
Конечно, Лейбницъ не страдалъ,
Что въ жизни видѣлъ все утѣхи,
Что свѣтъ сей «лучшимъ всѣхъ призналъ».

Кромѣ этого, онъ больше ничего не сказалъ. Но слова эти имѣютъ большой смыслъ: по забраннымъ нами справкамъ, оказывается, что онъ былъ непримиримымъ врагомъ лихоимцевъ и даже не любилъ тѣхъ, кто говорилъ о возмездіи. Это еще болѣе объясняется тѣмъ, что онъ самъ, служа правителемъ Канцеляріи Совѣта о Военныхъ Училищахъ, съ самаго основанія Совѣта, 1805 г., апр. 5, до преобразованія его 21 мая 1830 г., служилъ безъ жалованья; а послѣ преобразованія Совѣта ему назначили четыре тысячи въ годъ. (*)

Утромъ 20 октября 1833 года, на 62-мъ году отъ роду, Мартыновъ скончался. Его похоронили на Смоленскомъ кладбищѣ. Всѣ знавшіе его — а такихъ было очень много — отдали послѣдній ему долгъ.

По ходатайству знаменитаго ученика его, генералъ фельдмаршала, князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго, и покойнаго графа С. С. Уварова, бывшаго тогда управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, — послѣдовало Всемилостивѣйшее повелѣніе: вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Мартынова, за отличныя заслуги мужа ея по Министерству Народнаго Просвѣщенія, производить въ пожизненный пенсіонъ 5,000 рублей въ годъ, изъ суммъ Государственнаго Казначейства, и выдать сверхъ того въ единовременное пособіе столько же изъ тѣхъ же суммъ, для уплаты долговъ покойнаго.

(*) Говоримъ объ этомъ фактѣ на основаніи формулярнаго списка покойнаго.

Всей службы Мартынова было 46 лѣтъ, въ томъ числѣ по Министерству 30 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ, ибо до самой своей смерти онъ былъ членомъ Главнаго Правленія Училищъ. Жалованья по этому Министерству онъ получалъ 7,600 р. и квартирныхъ 2,000 въ годъ; по должности правителя Канцеляріи Совѣта Военно-Учебныхъ Заведеній, со времени его преобразованія, 4,000 руб., — всего 13,600 руб. въ годъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, онъ Всемилостивѣйше пожалованъ «за отлично-усердную службу и ревностное исполненіе обязанностей по званію правителя Канцеляріи Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ — кавалеромъ ордена св. Станислава 1-й степени.»

Въ заключеніе скажемъ о его физіономіи, вкусахъ, привычкахъ и т. д., сколько мы сами успѣли узнать.

Иванъ Ивановичъ Мартыновъ былъ средняго росту, черноволосый и черноглазый, какъ истинное дитя родной ему Малороссіи, обожателемъ которой онъ былъ втеченіе всей своей жизни. Выраженіе лица его было очень добродушно и пріятно, но не было въ немъ ничего особенно замѣчательнаго. Посѣдѣлъ онъ очень поздно; отличался строгостью только къ собственнымъ слабостямъ и чрезвычайной снисходительностью къ недостаткамъ другихъ. При этомъ онъ обладалъ слѣдующей странностью: любилъ порой взвести на себя преувеличенную небылицу насчетъ своихъ собственныхъ недостатковъ; былъ врагомъ всякой пышности которой не любилъ даже въ разговорѣ. Такъ, напримѣръ, Гнѣдича, слу-

жившаго подъ его начальствомъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія, онъ очень уважалъ за талантъ и умъ; но ему весьма не нравилась его витіеватость въ обыкновенныхъ разговорахъ. Однажды онъ сдѣлалъ слѣдующую характеристику своимъ подчиненнымъ-литераторамъ: «Служатъ у меня славные люди: умница Батюшковъ — поэтъ по преимуществу, Катенинъ — трагикъ, Языковъ — историкъ, Гнѣдичъ — риторъ. Къ огорченію моему, всѣ разбрелись; остался Гнѣдичъ, да и тотъ переходитъ въ Публичную Библіотеку.» Изъ всѣхъ русскихъ писателей Мартыновъ чувствовалъ самую большую симпатію къ сочиненіямъ Батюшкова и Карамзина. Послѣдняго онъ упрекалъ за введеніе лишнихъ французскихъ словъ въ русскій языкъ, но впослѣдствіи совершенно оправдывалъ его, находя, что эти нововведенія способствуютъ къ изящной простотѣ развитія отечественной рѣчи. Однажды, на сдѣланное замѣчаніе однимъ знакомымъ объ «Исторіи Россійскаго Государства», онъ отвѣчалъ слѣдующее: «Карамзина я чрезвычайно уважаю — это русскій человѣкъ.» (Замѣтимъ здѣсь, что онъ коротко зналъ Карамзина, какъ человѣка, и одинъ разъ имъ пришлось обоимъ вмѣстѣ читать въ одинъ день свои рѣчи въ Россійской Академіи, при чемъ Мартыновъ, вѣчно скромный, замѣтилъ: «тягаться трудно.») (*) Не любилъ онъ, если слишкомъ рас-

(*) Мартыновъ читалъ тогда разсужденіе «О качествахъ, потребныхъ писателю». По словамъ очевидцевъ, онъ читалъ мастерски, не слишкомъ громко, но всегда тепло, выразительно и оживленно. Карамзинъ, какъ извѣстно,

пространялись въ похвалѣ всему чужеземному, хотя постоянно читалъ все, что только выходило замѣчательнаго на иностранныхъ языкахъ, и говорилъ: «Мы многому еще должны учиться у иностранцевъ.» Французскую философію Мартыновъ называлъ шу-

---

тоже былъ отличный чтецъ. Не можемъ удержаться, чтобъ не привести здѣсь письма къ Мартынову отъ А. Б-ва, одного изъ его пріятелей, такъ какъ въ этомъ письмѣ рѣчь идетъ о Карамзинѣ и оно отчасти уясняетъ литературныя отношенія Мартынова, о которыхъ мы много слышали, но, за неимѣніемъ положительныхъ фактовъ, не смѣли распространяться. Письмо писано изъ Москвы, безъ означенія года, 27 апрѣля. «Итакъ, мой милый другъ, одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній исполнилось. Я видѣлъ Карамзина, видѣлъ и говорилъ съ нимъ. На немногія рѣдкости смотрѣлъ я съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ смотрѣлъ на милаго сочинителя «Бѣдной Лизы», и если бы судьба вручила мнѣ кисть Аппелесову, или рѣзецъ Праксителевъ, я изобразилъ бы его въ совершенной точности, смотрѣвъ на него четыре или пять часовъ. Такъ я замѣтилъ черты лица его. Онъ росту высокаго и благообразенъ отмѣнно. На лицѣ его написано нѣчто такое, что привлекаетъ къ нему всякаго человѣка. Онъ говоритъ много, но пріятно, разумно. Въ обществѣ вы не увидите въ немъ ни глубокомысленнаго ученаго, ни печальнаго меланхолика, какимъ я нарисовалъ его въ своемъ воображеніи: въ обществѣ онъ развязенъ, веселъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали.... о! никогда не забуду этого обѣда! За обѣдомъ шла рѣчь преимущественно о литературѣ. Я старался не проронить ни одного его слова. Между прочимъ, вспомнили о Флоріанѣ. Карамзинъ не очень доволенъ «Гонзальвомъ», послѣднимъ его сочиненіемъ. «Флоріанъ — говоритъ онъ — нравится намъ въ своихъ подробностяхъ; но въ его «Гонзальвѣ» представлены однѣ большія картины, которыя мы уже видѣли въ Гомерѣ, Тассѣ и въ другихъ поэтахъ. Сія-

михой. Однажды, когда заспорили, что у насъ мало многостороннихъ умовъ, онъ спокойно возразилъ: «Многостороннѣе Сперанскаго я никого не видалъ, но говорю это не потому, что онъ крестилъ моего Аркадія.» (*)

то неновость весьма непріятна. При всемъ томъ, я его люблю за прелестный его слогъ.» Тутъ-же, на семъ незабвенномъ обѣдѣ, я увидѣлъ и друга Карамзина, Дмитріева. Судя о свойствѣ ихъ по ихъ сочиненіямъ, я было почелъ Дмитріева Карамзинымъ, а Карамзина Дмитріевымъ, но ошибся. Карамзинъ въ обществѣ совершенно свѣтскій человѣкъ, Дмитріевъ степененъ, важенъ; но оба милы, любезны. Другъ мой, они и о тебѣ говорили! Карамзинъ сказалъ — о, какъ радостно забилось у меня при этомъ сердце!—что ты обладаешь государственными талантами, Дмитріевъ изъявилъ сожалѣніе о томъ, что онъ не присутствовалъ въ Россійской Академіи, когда ты читалъ рѣчь при вступленіи въ члены оной. Что за рѣчь и почему ты мнѣ о семъ не пишешь? Ахъ, другъ мой, отбрось хоть для друзей свою излишнюю скромность! Вѣдь я до сихъ поръ не зналъ, знакомъ ли ты съ Карамзинымъ, а вижу, онъ тебя знаетъ лучше моего; зато же и гнѣваться не изволь, ибо я все выпыталъ о тебѣ; съ прискорбіемъ узналъ, что ты съ сановными лицами гордо держишься. Не пренебрегай житейскою мудростью, мой дорогой философъ неисправный? Узналъ, что ты и съ Державинымъ хорошъ; а я ничего не знаю: ты о семъ никогда ни словечка... Прощай, мой милый и дорогой другъ, пиши по крайней мѣрѣ хоть такъ, какъ ты писалъ прежде своему провинціяльному другу.»

(*) Сперанскій крестилъ сына у Мартынова, Аркадія Ивановича, нынѣ умершаго, товарища по Лицею Пушкина. Они были одного выпуска. И теперь еще цѣла собака съ птичкою въ зубахъ, которую Пушкинъ нарисовалъ ему на память.

Въ частной и семейной жизни Иванъ Ивановичъ отличался большой разсѣянностью. Одинъ разъ сынъ увидѣлъ его въ полномъ мундирѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ и — въ спальныхъ сапогахъ.

— Вы куда нибудь ѣдете? спросилъ сынъ съ улыбкою.

— Нѣтъ, я ужь пріѣхалъ. Былъ по службѣ у графа Аракчеева.

— Помилуйте, да вы въ сапогахъ съ оторочкой!

Мартыновъ посмотрѣлъ на свои сапоги и весьма спокойно отвѣчалъ:

— А у тебя я видѣлъ сапоги еще съ бо̀льшими отворотами.

Сапоги, которые онъ видѣлъ, были предназначены для верховой ѣзды.

О верхнемъ платьѣ онъ никогда не заботился, но ужасно былъ взыскателенъ насчетъ бѣлья. Такъ, напримѣръ, если замѣчалъ какое нибудь пятно на рубахѣ, то обыкновенно говорилъ: «одной рубашкой меньше», и ни за что̀ ея не надѣвалъ. Въ пищѣ былъ чрезвычайно умѣренъ; ни курилъ, ни нюхалъ и терпѣть не могъ никакихъ игръ, исключая кеглей. Ариѳметчикъ былъ самый плохой и считалъ деньги съ большимъ трудомъ: тяжелѣе этой обязанности онъ не зналъ, поэтому никогда не считалъ, сколько у него денегъ. Былъ ужасно стыдливъ и краснѣлъ даже въ старости; страстно любилъ музыку и цвѣты, но живописи совершенно не понималъ и былъ къ ней холоденъ.

Вотъ все, что̀ мы можемъ сообщить на основаніи слышаннаго.

Послѣ его смерти часто приходили простолюдины спрашивать у семейства, гдѣ его могила, и весьма часто заставали на его могилѣ букеты свѣжихъ цвѣтовъ. По всей вѣроятности, это была дань лицъ, облагодѣтельствованныхъ имъ. Однажды, зимою, осиротѣлая вдова и ея дѣти посѣтили могилу близкаго и дорогаго имъ человѣка и нашли свѣжій букетъ, воткнутый въ снѣгъ. Благородная и честная рука бросила его на могилу того, который раззорялся на цвѣты, имѣлъ ихъ цѣлый разсадникъ, писалъ къ нимъ стихи и даже окружалъ себя цвѣтами во время занятій... И какая трогательная признательность къ покойнику!

Въ заключеніе скажемъ: не дѣлаемъ никакихъ выводовъ — факты лучше и краснорѣчивѣе словъ. Читающій увидитъ самъ, какая душа билась въ груди этого человѣка, какая изумительная, страстная энергія въ дѣятельности, и сколько было въ немъ любви ко всему высокому: онъ жертвовалъ своимъ здоровьемъ, спокойствіемъ, временемъ, трудомъ; онъ не зарылъ своихъ талантовъ, подобно эгоистическому библейскому рабу. А сколько у насъ было и есть людей самыхъ дѣльныхъ, талантливыхъ, которые своей постыдной лѣнью и апатіей, заживо схоронили себя для науки, искусства и жизни, и напрасно погибли ихъ удивительныя познанія, напрасно одарила ихъ щедрая природа. Человѣкъ, который все, что получилъ отъ природы, всѣмъ до послѣдней ниточки подѣлился съ другими — рѣдкій феноменъ въ обществѣ....

КУРГАНОВЪ

И ЕГО «ПИСЬМОВНИКЪ».

Однѣ только сильныя, замѣчательныя личности привлекаютъ въ себѣ общее вниманіе и засѣдаютъ глубоко въ памяти. Забыть ихъ невозможно: въ нихъ есть что-то особенно притягивающее, зажигающее душу; онѣ невольно заставляютъ раскрыть пошире нашъ равнодушный и холодный глазъ. Но что же сказать о тѣхъ простыхъ, бѣдныхъ труженикахъ, которые не могутъ обратить на себя особеннаго вниманія? Смерть, точно метлой, безжалостно сметаетъ съ лица земли ихъ имя, сиротливо и уединенно стоящее въ сторонкѣ съ своей тихою дѣятельностью, съ небольшою дозою принесеннаго добра. Люди холодно отказываются сохранять такія имена. Поэтому — и біографія не крупнаго, простаго человѣка, жившаго въ прошедшемъ столѣтіи, не имѣвшаго громкой извѣстности, бѣднаго солдатскаго сына, съ усиліемъ дослужившаго до подпоручика, и мирно скончавшагося въ томъ же столѣтіи, — стоитъ ли подобная обыденная жизнь какого-либо вниманія? Она стоитъ вниманія нашего уже потому, что въ человѣкѣ этомъ билась когда-то хорошая и пряма

*

душа, живой и оригинальный умъ; жизненное поприще его не ограничивается однимъ холоднымъ формулярнымъ спискомъ. Кургановъ, «веселый шутникъ» забытаго «Письмовника», и мыслилъ, въ свое время, болѣе другихъ, и былъ образованнѣе многихъ, и зналъ побольше жизнь и науку, чѣмъ многіе изъ его современниковъ, и охотнѣе другихъ принесъ свой посильный талантъ на пользу общественнаго дѣла. Онъ умѣлъ смѣяться, этотъ странный Кургановъ, циникъ по наружности, благородный человѣкъ по душѣ, — смѣяться, хотя не сильнымъ сатирическимъ смѣхомъ, но его наивная и простодушная иронія касалась нерѣдко суевѣрія, невѣжества и предразсудковъ своего вѣка. Онъ часто задѣвалъ своими шутками, правда, иногда тяжелыми и плоскими, не только одно забавное, но и предосудительное въ своемъ обществѣ; онъ многихъ, наконецъ, русскихъ людей выучилъ грамотности и пріучилъ къ русскому чтенію. Кромѣ того, Кургановъ отчасти перевелъ, отчасти написалъ почти цѣлую математическую и морскую энциклопедію, въ то глухое и отдаленное время, когда русское юношество такъ мало имѣло еще средствъ къ своему образованію. Науки математическія и морскія были извѣстны ему въ совершенствѣ; онъ хорошо владѣлъ французскимъ и нѣмецкимъ языками и безъ затрудненія читалъ англійскія и латинскія книги. При этомъ, онъ иронически казнилъ современный ему педантизмъ и умышленную темноту въ наукѣ, и самъ, по мѣрѣ средствъ, старался, какъ могъ, упрощать ее и передавать занимательно.

Повторяемъ, Кургановъ не былъ изъ числа слишкомъ крупныхъ личностей; онъ ничего не сдѣлалъ необыкновеннаго, но онъ былъ далеко не дюжинный умъ, но онъ *кой-что* сдѣлалъ и вполнѣ достоенъ по тому значенію, какое онъ имѣлъ въ свое время, чтобъ обратить на него вниманіе.

Представьте себѣ человѣка высокаго роста, широкоплечаго, грубаго по наружности и манерамъ, въ странномъ и довольно своеобразномъ костюмѣ: какой-то архалукъ, застегивающійся спереди на металлическіе крючки, составлялъ все его украшеніе *. Таковъ былъ по наружности авторъ «Письмовника». Кадеты морскаго корпуса, въ дѣятельности котораго Кургановъ, какъ профессоръ и инспекторъ, принималъ самое горячее участіе, — называли его смѣшнымъ прозвищемъ *шкивидара*. (Такъ обыкновенно называли въ то время матросовъ, отпускаемыхъ на заработки на купеческія суда). Между школьниками ходила легенда, что этого ученаго чудака когда-то приняли на биржѣ за человѣка, искавшаго работы, и потому предложили ему поступить въ поденьщики на купеческій корабль. До сихъ поръ существуетъ рисунокъ, сдѣланный еще въ 1789 году кадетомъ-шалуномъ, изобразившемъ своего учителя въ нѣсколько комическомъ видѣ, съ сатирическою надписью:

Навигаторъ,
Обсерваторъ,
Астрономъ,

(*) См. «Адмиралъ Рикордъ и его современники.»

Морской ходатель,
Корабельный водатель,
Небесныхъ звѣздъ
Считатель (*).

Этотъ нарисованный человѣкъ — съ тощею напудренною косичкою, съ насмѣшливымъ выраженіемъ лица — Николай Гавриловичъ Кургановъ. Изъ всѣхъ источниковъ, которыми мы пользовались, вообще видно, что онъ былъ въ общежитіи большой оригиналъ. Одинъ изъ старѣйшихъ ветерановъ Морскаго кадетскаго корпуса (**) разсказывалъ намъ, что онъ помнитъ своего учителя, Курганова, въ красномъ плащѣ, въ широкой шляпѣ и съ огромною дубинкою въ рукахъ. Этотъ необыкновенный плащъ извѣстенъ былъ всему Петербургу. Подобно древнему философу, Кургановъ пренебрегалъ житейскими благами, не стѣснялся въ своемъ костюмѣ, былъ прямъ и грубъ со всѣми. Онъ былъ медлителенъ въ своихъ поступкахъ, но насмѣшливъ, остроуменъ и никогда не былъ капотливымъ преподавателемъ, любителемъ тысячи мельчайшихъ бездѣлицъ, подобно многимъ своимъ товарищамъ-учителямъ, грудью стоявшимъ за эти мелочныя бездѣлицы. Напротивъ, онъ враждовалъ обыкновенно съ узкими педагогами, думавшими приготовить военнаго человѣка, пріучивши его хорошо чистить мѣдную пуговицу, и всегда шут-

---

(*) См. «Очеркъ исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса», г-на Ѳ. Ѳ. Веселаго.

(**) М. Ф. Горковенко, бывшій инспекторъ Морскаго корпуса.

ливый старикъ, съ улыбкою говаривалъ кадетамъ, указывая имъ на книги:

«Дѣти, сему учитесь —
Волнъ морскихъ не страшитись...»

Стихи эти, впрочемъ, принадлежали не самому Курганову, а даровитому лейтенанту Семену Мордвинову, написавшему «Полное собраніе о навигаціи», замѣчательное своею горестною судьбою: болѣе тысячи экземпляровъ этого изданія сгнило въ кладовой типографіи, не дождавшись ни одного покупателя! Кургановъ очень часто повторялъ на своихъ лекціяхъ двустишіе Мордвинова—видно, онъ придавалъ ему большое значеніе.

Съ одной стороны, нестѣсненность, жосткая откровенность, съ другой, твердость взгляда и насмѣшливость придавали Курганову оригинальную физіономію. Его «Письмовникъ», выдержавшій множество изданій и имѣвшій необыкновенный, для того времени, успѣхъ придавалъ ему еще болѣе самостоятельное и независимое значеніе. Но личный характеръ его, чуждый задорливаго самолюбія, безпрерывныя ученыя занятія, лекціи по корпусу — удаляли его отъ литературнаго общества. Не желая, подобно другимъ писакамъ и рифмачамъ, быть шутомъ у тогдашнихъ вельможъ, не заискивая покровительства у меценатовъ, даже не имѣя претензіи на званіе писателя — онъ держался гордо и уединенно. Явленіе — чрезвычайно замечательное и благородное, если спомнимъ, что даже самъ Фонъ-Визинъ, знаменитый современникъ Курганова, забавлялъ въ то время знатныхъ.

Не смотря, однакожь, на эту суровую, горделивую уединенность, — остроуміе и насмѣшливость Курганова столько были извѣстны въ свое время, что многія происшествія, происходившія въ городѣ, старались отъ него скрывать, боясь, чтобъ неумолимый Кургановъ не внесъ въ свое изданіе, получившее отъ безпрерывнаго тисненія характеръ періодическаго журнала. Его рѣзкій, независимый умъ извѣстенъ былъ многимъ. Случалось часто, что подъ наивнымъ выраженіемъ «Письмовника»: «однажды въ Гишпанскомъ государствѣ», или «нѣкій знатный Марокскій посолъ» — нерѣдко со смѣхомъ узнавали кого-нибудь изъ современниковъ.

До сихъ поръ еще не забытъ анекдотъ, сочиненный на одного екатериненскаго царедворца, анекдотъ, которымъ, говорятъ, Кургановъ насмѣшилъ, въ свое время, цѣлый Петербургъ:

«Нѣкій вельможа индійской, больше именитый своею породою, нежели разумомъ, будучи у королевы, коя его спросила: здорова-ли его жена? отвѣчалъ: она очень тяжела. «Когда-же родитъ?» сказала она. — Когда угодно будетъ вашему величеству».

Анекдотъ этотъ внесенъ былъ, впослѣдствіи, въ число «Краткихъ замысловатыхъ повѣстей» «Письмовника», съ присовокупленіемъ въ концѣ слѣдующей фразы: «Не искусной ли сей царедворецъ?»

Этого благороднаго чудака, Курганова, привлекательнаго даже въ самой своей грубости, наивнаго и независимаго — болѣе всего рисуетъ одна небольшая пѣсенка, которую онъ упорно неизмѣнно печаталъ въ каждомъ изданіи своего «Письмовника»:

«Не великъ хотя удѣлъ, да живу спокоенъ;
Пища, *платье* есть, въ мысляхъ моихъ воленъ», и т. д.

Дѣйствительно, Кургановъ только и гордился двумя вещами: тѣмъ, что онъ независимъ и что на квартирѣ у него нечего красть. На счетъ послѣдняго обстоятельства, онъ, однажды, сказалъ извѣстное изрѣченіе: «Къ забавному бѣдняку пришли ночью воры; тогда онъ ни мало не осердясь, сказалъ имъ: не знаю, что вы можете, братцы, найти здѣсь въ такое время, гдѣ я и днемъ самъ почти ничего не нахожу.» Многіе утверждали, что будто бы подобное происшествіе случилось съ самимъ Кургановымъ.

При пособіи «Словаря» митрополита Евгенія, «Словаря» Новикова и добросовѣстнаго труда г. Веселаго, подъ заглавіемъ «Очеркъ Морскаго Кадетскаго Корпуса» (*), — мы постараемся передать, при какихъ условіяхъ развивался въ молодости Кургановъ, чему онъ учился, что̀ зналъ и что̀ сдѣлалъ впослѣдствіи. Въ этомъ случаѣ, намъ помогутъ и разсказы, слышанные нами отъ литературныхъ старожиловъ.

Кургановъ, Николай Гавриловичъ, родился въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, именно въ 1726 году. Родина его была Москва. Отецъ его, простой унтеръ-офицеръ, не могъ передать своему сыну ни-

(*) Считаемъ лишнимъ упоминать о другихъ, менѣе значительныхъ источникахъ, какъ напр. о «Журналѣ Адмиралтействъ Коллегіи» 1740-хъ годовъ, о нѣкоторыхъ отрывочныхъ статейкахъ, разбросанныхъ въ нынѣ забытомъ хламѣ, хотя, впрочемъ, спѣшимъ замѣтить, что мы одолжены имъ кой-какими извѣстіями.

какихъ полезныхъ свѣдѣній. Невесело и бѣдно прошло для него дѣтство; самая прозаическая обстановка окружала ребенка. Впрочемъ, мальчикъ былъ очень боекъ и отличался необыкновенной способностью къ математическимъ выкладкамъ. Сперва онъ обучался математическимъ наукамъ на московской Сухаревой башнѣ, гдѣ помѣщалось училище математическихъ и навигаціонныхъ наукъ. Про эту башню, какъ извѣстно, еще со временъ Петра Великаго ходила молва въ народѣ, что оттуда выходятъ какіе-то колдуны. И дѣйствительно, маленькій *Николашка, сынокъ унтеръ-офицерскій*,—какъ называли Курганова,—былъ колдунъ въ своемъ родѣ: онъ такъ быстро понималъ математическія вычисленія, что въ 1741 году, по назначенію начальства, былъ отправленъ въ Морскую Академію ученикомъ, а черезъ три года, въ началѣ 1745, помѣщенъ ученикомъ такъ называемой Большой-Астрономіи. Въ наукахъ онъ шелъ съ быстротой и легкостью изумительной. Такъ, проходя высшія математическія науки у подмастерья Бухарина, онъ былъ въ числѣ первыхъ учениковъ и даже помогалъ своему учителю обучать другихъ. За это онъ получалъ къ 5 рублямъ мѣсячнаго жалованья 2 рубля прибавки. Такимъ образомъ, эти семь рублей были единственнымъ пособіемъ для молодаго Курганова, и онъ старался, какъ можно ревностнѣе, помогать Бухарину, чтобъ не лишиться прибавки двухъ рублей.

Черезъ годъ, именно въ 1746 году, онъ былъ пожалованъ въ степень «ученаго подмастерья математическихъ и навигацкихъ наукъ». Любопытно знать

какому случаю былъ одолженъ Кургановъ, не имѣвшій совершенно никакой протекціи, полученіемъ этого званія, весьма важнаго для бѣднаго солдатскаго сына. Онъ достигъ его, благодаря одной смѣлости и рѣшительности своего характера.

Съ званіемъ «подмастерья математическихъ и навигацкихъ наукъ» соединялось жалованье 180 рублей ассигнаціями въ годъ. Для Курганова, не имѣвшаго никакихъ средствъ даже на покупку любимыхъ книгъ, оченъ важно было получить его. Прикомандированный на время въ качествѣ свѣдущаго солдата-прислужника къ профессору Гришеву, посланному для астрономическихъ наблюденій,—Кургановъ рѣшился, во что бы нистало, побѣдить профессора въ свою пользу. Съ этой цѣлью, онъ вступилъ съ профессоромъ въ ученый споръ; онъ спорилъ горячо, упорно и одушевленно; потомъ, когда началось астрономическое изслѣдованіе, онъ столько обнаружилъ огромныхъ свѣдѣній и способностей, что ученый астрономъ пришелъ въ неописанный восторгъ и немедленно написалъ объ этомъ въ Академію Наукъ. Онъ умолялъ Академію, чтобъ она старалась перевести къ себѣ Курганова «навѣчно»! Академія, довѣрявшая Гришеву, принялась за это дѣло горячо. Но Морской корпусъ, получивши требованіе отъ Академіи Наукъ, чрезвычайно лестное для Курганова, отказалъ въ просьбѣ Академіи, представляя на видъ то обстоятельство, что Кургановъ необходимъ для корпуса. Такимъ образомъ, великодушное ходатайство ученаго астронома принесло ту только пользу Курганову, что корпусъ, желая поощрить его, пожа-

ловалъ его въ «подмастерья математическихъ и навигаціонныхъ наукъ». Но это нисколько не облегчало участи Курганова: военное начальство могло, по прежнему, смотря по своему усмотрѣнію,—подвергать этого ученаго «математическихъ и навигаціонныхъ наукъ»—палочнымъ ударамъ. Гришевъ хлопоталъ, но ничего не могъ сдѣлать. «По-крайней-мѣрѣ сто-восемьдесятъ рублевиковъ буду получать!» добродушно замѣтилъ несчастный Кургановъ.

Не легко подвигалось служебное его поприще: какъ сынъ простаго унтеръ-офицера, онъ не могъ догнать въ чинахъ своихъ сверстниковъ, дворянъ по происхожденію. Между-тѣмъ, для него первый чинъ имѣлъ огромную и существенную важность: ему необходимъ былъ этотъ чинъ, чтобъ выйдти изъ своего стѣснительнаго положенія. Но чинъ пока не давался и своимъ отсутствіемъ причинилъ много непріятностей молодому человѣку. Здѣсь, кажется, впервые, при жизни трудовой и хлопотливой, впервые образовалось въ молодомъ и ученомъ математикѣ то суровое и сатирическое направленіе его ума, которое такъ рѣзко высказалось впослѣдствіи. Впрочемъ, по смирной и безпечной своей натурѣ, онъ скоро успокоился и болѣе всего обращалъ вниманія на свою любимую науку астрономію и также на иностранные языки. Безъ всякихъ учителей, онъ изучилъ французскій, нѣмецкій, англійскій и латинскій языки. Книгъ у него было мало; но онъ читалъ все, что только попадалось ему тогда подъ-руки.

Манера чтенія его была довольно оригинальная: взявъ книжку въ руки, онъ обыкновенно снималъ

предварительно съ себя сапоги и запиралъ комнату на ключъ; потомъ осторожно расхаживалъ по комнатѣ и безпрерывно стучалъ кулакомъ себѣ въ лобъ, какъ-бы желая, чтобъ все имъ прочитанное ни подъ какимъ видомъ не ускользнуло изъ его памяти. Жадность его къ чтенію была неимовѣрная: какъ обжора припадаетъ къ какому-нибудь лакомому блюду, такъ онъ припадалъ къ каждой печатной книжкѣ.

Спустя десять лѣтъ послѣ полученія званія «подмастерья математическихъ навигаціонныхъ наукъ», Кургановъ, наконецъ, былъ произведенъ въ первый чинъ — въ подпоручики. Это знаменитое для него событіе случилось въ 1756 году. Ему было тогда уже тридцать лѣтъ: въ тридцать лѣтъ онъ почувствовалъ себя въ первый разъ и вполнѣ свободнымъ. Привыкнувъ къ Морскому корпусу, онъ остался при немъ въ качествѣ преподавателя. Потомъ, черезъ четыре года, произведенъ былъ въ поручики. Эти первые чины имѣли для него важное и ободрительное значеніе: во-первыхъ, они избавляли его отъ стѣснительной зависимости, во-вторыхъ, теперь онъ могъ смѣло употребить въ дѣло свои счастливыя способности. И дѣйствительно, онъ началъ охотнѣе заниматься науками: званіе преподавателя въ низшихъ классахъ казалось ему ничтожно и онъ сталъ мечтать о томъ, какъ-бы сдѣлаться ему профессоромъ. Четыре года, не говоря никому ни слова, онъ готовился къ профессорскому экзамену. Работа его увѣнчалась успѣхомъ: 1764 г. С.-Петербургская Академія Наукъ удостоила его, по блистательному экзамену, званія

профессора. На этомъ экзаменѣ одинъ изъ начальствующихъ профессоровъ наивно сказалъ: «Солдатъ, а отвѣчаетъ точно дворянинъ.» Объ этомъ разсказывалъ самъ Кургановъ. Съ этого времени счастіе начинаетъ ему болѣе улыбаться: съ одной стороны, онъ пріобрѣлъ почетную извѣстность краснорѣчиваго и ученаго педагога, съ другой—успѣлъ въ это время напечатать нѣсколько спеціальныхъ сочиненій и издать въ свѣтъ первую книжку своего «Письмовника».

«Письмовникъ» въ первый разъ явился въ свѣтъ въ 1769 году. Кургановъ пользовался тогда вполнѣ независимымъ положеніемъ: онъ былъ уже извѣстнымъ профессоромъ; многіе начали уже поговаривать и объ его остроуміи. Вѣроятно, къ этому же періоду его жизни надо отнести и его пристрастіе къ широкому архалуку и красному плащу. На лекціи онъ сталъ уже являться съ огромною палкою, которой стучалъ очень сильно, и, между дѣломъ, разсказывалъ такіе злые анекдоты, что кадеты выписывались даже изъ лазарета, чтобъ только не пропустить его лекцій. Въ 1769 году, имя Курганова сдѣлалось положительно извѣстнымъ и въ литературѣ.

1769-й годъ — знаменитый и памятный годъ для нашей старой журналистики. Къ нему, по преимуществу, идетъ названіе — *золотой екатерининскій годъ*, годъ движенія и обновленія. До сихъ поръ еще не изслѣдовано, по какой именно причинѣ въ этомъ году вдругъ образовалась цѣлая вереница журналовъ, прекрасныхъ сатирическихъ журналовъ, одушевленныхъ духомъ общественной критики и печатной правды, увы! продолжавшейся не долго, тоже, по при-

чинамъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ. «Всякая Всячина» — эта первая прабабка, старая родоначальница нашихъ сатирическихъ журналовъ — явилась 1769 года, и была такъ плодовита, что въ одинъ годъ родила множество подобныхъ себѣ періодическихъ журналовъ. Эта почтенная и милая старушка, расплодившая такую благородную семью отечественныхъ журналовъ, издавалась Григоріемъ Козицкимъ, страстнымъ обожателемъ Ломоносова. Путешествуя долго по Европѣ, онъ желалъ даже иностранцевъ ознакомить съ Ломоносовымъ и съ этой цѣлью, вступая съ ними въ ученые споры и чтобъ окончательно убѣдить ихъ въ геніальности Ломоносова, отлично перевелъ на латинскій языкъ два его разсужденія: «О пользѣ химіи» и «О происхожденіи свѣта». Неизвѣстно, убѣдилъ ли онъ, или нѣтъ своихъ противниковъ, но извѣстно то, что въ Берлинѣ онъ торжественно объявилъ цѣлому ареопагу ученыхъ, что на нѣмецкомъ языкѣ только есть одна хорошая книга «О строеніи міра», Эпинуса. (Впослѣдствіи онъ перевелъ ее на русскій языкъ). Этотъ-то Козицкій, бывшій при С.-Петербургской Академіи Наукъ лекторомъ философіи и словесныхъ наукъ, а впослѣдствіи статсъ-секретаремъ Императрицы Екатерины II, основалъ «Всякую Всячину» и далъ первый настоящій толчекъ отечественной журналистикѣ.

Успѣхъ и примѣръ его подѣйствовалъ магически на другихъ. Вслѣдъ за «Всякой Всячиной» вылетѣлъ знаменитый «Трутень», еженедѣльное изданіе Новикова, появилась «Смѣсь», описывавшая, по ея собственному признанію, людскіе пороки и дѣла, до-

стойныя осмѣянія; потомъ выскочила—по выраженію современниковъ — изъ тьмы кромешной «Адская Почта» Ѳедора Эмина, Эмина, лица загадочнаго, производившаго фуроръ своею таинственной личностью, не знавшаго ни слова по-русски и въ два года сдѣлавшагося русскимъ писателемъ. Этотъ Эминъ, путешествовавшій по Азіи и Европѣ, бывшій и магометаниномъ и янычаромъ, послѣ множества превратностей въ своей судьбѣ, принялъ православіе, прибылъ въ Петербургъ и въ десять лѣтъ своего пребыванія въ Россіи, сдѣлался — по свидѣтельству митрополита Евгенія — и романистомъ, и историкомъ, и богословомъ и, наконецъ, журналистомъ.

За «Всякой Всячиной», «Трутнемъ» и «Адской Почтой», со всѣхъ сторонъ показались періодическіе листки; Козицкій, Новиковъ и Эминъ увлекли за собою остальныхъ, и вотъ, одно за другимъ, появились: «Полезное съ пріятнымъ», «И то и сіо», «Ни то ни сіо», «Поденьщина», которую ядовито величали другіе журналы кратко-хвостой госпожей поденьщиной. За ними слѣдовали: «Парнасскій Щепетильникъ», «Трудолюбивый Муравей», «Живописецъ» Новикова, «Вечера», «Кошелекъ», «Мѣщанина» и «Пустомеля».

Бо̀льшая часть означенныхъ журналовъ явилась въ 1769 и 1770 годахъ. Собственно въ 1769 расплодившемъ множество послѣдующихъ періодическихъ журналовъ, явилось разомъ восемь періодическихъ изданій. Оживленіе страшное; задоръ, полемика и сатира полились со всѣхъ сторонъ; журналистика въ первый разъ вспыхнула общимъ горячимъ сатричес-

скимъ направленіемъ. Дружнымъ и благодѣтельнымъ дождемъ она отчасти не даромъ пала на многія сердца тогдашней эпохи, отчасти задѣла и растревожила легкіе умы многихъ современниковъ, но въ сущности только слегка вызвала дремавшія силы своихъ современниковъ на поприще лучшей дѣятельности.

Вотъ въ какое знаменитое время, кипучее силами, трудное для соревнованій, явилось первое изданіе «Письмовника». Кажется, не было никакой надежды на успѣхъ. Сверхъ чаянія Курганова, этотъ успѣхъ превзошелъ всѣ его ожиданія. Самъ Кургановъ впослѣдствіи говорилъ, что въ теченіе всей его жизни ему удалось одно только дѣло — «Письмовникъ». Но въ началѣ онъ сильно боялся, чтобъ его «Письмовникъ» не заклевали журналы, враждовавшіе другъ съ другомъ и порицавшіе все, что только выходило не изъ ихъ редакціи. Впрочемъ, боязнь Курганова, ассигновавшаго свое профессорское жалованье на изданіе «Письмовника», оказалась излишнею: его «Письмовникъ» такъ ловко угадалъ потребности и вкусы тогдашней публики, да сверхъ того, кромѣ веселости, сатиры и ироніи, столько сообщилъ ей дѣльнаго и основательнаго, что, въ этомъ отношеніи, опередилъ многіе тогдашніе журналы и сразу попалъ подъ покровительство публики. Если для него и былъ тогда сильный соперникъ, такъ это, конечно, одинъ только «Трутень» Новикова, а остальные для него были не страшны, тѣмъ болѣе, что толстая, объемистая физіономія не-періодическаго изданія не могла внушить враждовавшимъ журналистамъ никакого опасенія.

Но что «Письмовникъ» Курганова обратилъ на себя съ разу вниманіе, это доказываетъ то, что Эминъ, прочитавши его, прибѣжалъ къ Курганову знакомиться. Но чудакъ Кургановъ принялъ его довольно страннымъ обравомъ: увидѣвши Эмина, онъ поспѣшно заперся на ключъ въ своей комнатѣ, сказавши ему черезъ дверь на латинскомъ языкѣ: «я *не имѣю*, подобно тебѣ, 12-ти языковъ, и между нами не можетъ быть знакомства.» Эминъ долженъ былъ принять это за намекъ, что онъ, Эминъ, свободно владѣлъ двѣнадцатью иностранными языками, но вѣроятнѣе всего, что лукавый Кургановъ разумѣлъ подъ этимъ что-нибудь другое и видно имѣлъ какія-нибудь особенныя, неизвѣстныя намъ причины, почему не хотѣлъ сходиться съ литераторомъ-янычаромъ.

Перечитывая старые журналы, самыя названія которыхъ теперь уже забыты, удивляешься, какая страстная и горячая борьба вдругъ закипѣла между появившимися періодическими изданіями. Въ юной, возникшей журналистикѣ происходило отчасти то же, что, во дни оны, происходило когда-то въ удѣльныхъ княжествахъ: каждое изъ изданій хотѣло превзойти остальныя и стать во главѣ всѣхъ. И вотъ насмѣшка, зависть, полемика, даже личные, не совсѣмъ церемонные намеки, такъ и посыпались перекрестнымъ журнальнымъ огнемъ. Ловля подписчиковъ происходила самымъ комическимъ образомъ: говорятъ, что нѣкоторые въ особенности рьяные журналисты, давали даромъ нерасходившіеся нумера своего изданія, съ тѣмъ, чтобы получившій даровой

нумеръ не подписывался на другіе журналы. Намъ разсказывали, что издатель «Поденьщины», какой-то Василій Тузовъ, заѣзжій провинціалъ, поссорился въ одномъ обществѣ съ родственницею Рубана, издателя ежесубботнаго изданія «Ни то ни сіо», слѣдующимъ образомъ: необузданный провинціалъ, узнавъ, что молодая дама родственница его соперника, Рубана, подошелъ къ ней и брякнулъ: «сударыня, скажите вашему родственнику, что я его не боюсь и что онъ неосновательно думаетъ, что у меня нѣтъ денегъ на изданіе.» Это интересное время, наивное и добродушное даже въ самой своей угловатости, погибло для историка русской литературы навсегда, и даже самые слухи объ немъ теперь кажутся намъ странными. Возникшія еженедѣльныя и ежемѣсячныя изданія 1769 года, метались точно сухая лоза на огнѣ, бросались въ разныя стороны, бранились и мирились между собою, называли «Всякую Всячину» Козицкаго бабушкой, уже выжившей изъ лѣтъ, которая отъ старости начинаетъ забываться, подражали другъ другу, но существованіе ихъ было шатко и непрочно. Отсутствіе подписчиковъ, недостатокъ статей и разгоряченная брань окончательно ихъ погубили. Одинъ только кургановскій «Письмовникъ» оставался въ сторонѣ, чуждый журнальной перебранки и довольный радушнымъ пріемомъ публики. Съ нимъ раздѣлялъ успѣхъ знаменитый новиковскій «Трутень».

Не имѣя ничего общаго съ возникшими періодическими изданіями, «Письмовникъ», не разсчитывавшій, вѣроятно, на долговѣчность, пережилъ одна-

ко, всѣ изданія. Быстро и шумно возникли они и также быстро исчезли: къ концу года почти всѣ прекратили свое существованіе. Но «Трутень» еще дышалъ: онъ имѣлъ полное право на продолженіе своей жизни: критика и сатира были еще довольно сильны въ немъ. Но при всемъ томъ, онъ протянулъ свое существованіе не на долго: черезъ годъ и его не стало. Перечитывая «Трутень» 1770 года, видишь, какъ онъ замѣтно падалъ и изнемогалъ. Это былъ уже не прежній «Трутень» 1769 года съ своей меткой сатирой, въ иныхъ мѣстахъ достойной самого Фонъ-Визина; «Трутень» 1770 года словно упалъ духомъ, словно потерялъ охоту къ прежней дѣятельности и сохранилъ одинъ только блѣдный намекъ на прежнее остроуміе и ѣдкость. Съ нимъ прекратились всѣ изданія 1769 года. Но впослѣдствіи, именно черезъ два года, Новиковъ обновился другими силами и новый его журналъ «Живописецъ» самымъ блистательнымъ образомъ продолжалъ прежнее направленіе «Трутня» и выдержалъ пять тисненій. Но уже во время успѣховъ «Живописца», несмотря на короткій двухгодичный промежутокъ времени, исчезли самые слѣды отъ изданій 1769 года, словно они завалились куда-то, словно никогда не печатались.

Отъ этого общаго крушенія, поглотившаго всѣ періодическія изданія 1769 года, уцѣлѣлъ одинъ «Письмовникъ». Онъ спасся, во-первыхъ, благодаря своему независимому положенію, т. е. благодаря тому, что не былъ, подобно періодическимъ листкамъ, поставленъ въ необходимость срочнаго выхо-

да; во-вторыхъ, курсъ русской словесности, помѣщенный въ «Письмовникѣ», болѣе всего поддержалъ его въ это трудное время, обильное изданіями, бѣдное читателями. «Письмовникъ» хвалили и покупали на расхватъ; подписчики его безпрерывно увеличивались и онъ выдержалъ восемь изданій въ Москвѣ и С.-Петербургѣ. Митрополитъ Евгеній, вѣрный цѣнитель старыхъ литературныхъ произведеній, свидѣтельствуетъ такъ: «сія книга («Письмовникъ») долгое время считалась классическимъ курсомъ и хрестоматіею русской словесности.» Похвала огромная и мы будемъ имѣть еще случай доказать, что она вполнѣ заслуженная.

О томъ, въ какихъ отношеніяхъ въ то время находился Кургановъ съ Козицкимъ, Новиковымъ, Эминымъ, Рубаномъ и другими издателями — намъ совершенно неизвѣстно. Мы уже видѣли, какъ этотъ гордый литературный нелюдимъ обошелся съ Эминымъ. Изъ его «Письмовника» даже не видно, что изданіе его совпало съ другими журналами и въ такое памятное время для юной русской журналистики. Очень можетъ быть, что Кургановъ, нелюдимый въ общежитіи, удалявшійся всего, не былъ даже съ ними знакомъ или по-крайней-мѣрѣ очень мало.

Между-тѣмъ, профессорство Курганова, независимо отъ литературныхъ успѣховъ, шло блистательно. Вслѣдъ за «Письмовникомъ» онъ издалъ того же 1769 года: «Элементы Геометріи, то-есть: первыя основанія науки о измѣреніи протяженія, состоящія изъ осьми Евклидовыхъ книгъ, изъясненныя новымъ способомъ, удобопонятнѣйшимъ юношеству». Геомет-

рія эта была принята въ число учебниковъ и по ней стали обучаться кадеты. Служба Курганова тоже подвигалась, но она какъ-то ему не совсѣмъ удавалась. Такъ, въ 1771 году, онъ былъ назначенъ главнымъ инспекторомъ классовъ, но въ 1775 году, директоръ корпуса Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ смѣнилъ Курганова съ инспекторства и оставилъ его только профессоромъ.

«Въ приказахъ по корпусу, хотя отдана ему, Курганову, при этомъ благодарность — замѣчаетъ безпристрастный историкъ Морскаго корпуса (*)— но на самомъ дѣлѣ смѣна произошла по личному нерасположенію директора.» И дѣйствительно, съ такимъ прямымъ характеромъ, какой былъ у Курганова, смѣло порицавшаго все дурное и недостойное — ему трудно было ладить съ людми. Какъ философъ, равнодушный ко всему, что относилось лично до его особы, онъ никогда не оставался равнодушнымъ, если дѣло касалось науки и воспитанія юношества. Профессорство свое онъ такъ любилъ, что, не смотря на всѣ непріятности, ни за что не хотѣлъ его оставить и продолжалъ служить, ничего не требуя отъ начальства. «Такой необыкновенный человѣкъ — горячо замѣчаетъ тотъ же историкъ корпуса — каковъ былъ Николай Гавриловичъ Кургановъ, поставленный судьбою на другое, болѣе видное мѣсто, по справедливости пріобрѣлъ бы себѣ громкую из-

---

(*) См. «Исторію Морскаго Кадетскаго Корпуса», г-на Веселаго.

вѣстность, полное уваженіе современниковъ и почетное имя въ литературѣ» (*).

Горести и неудачи дѣйствовали на своеобразнаго Курганова не такъ, какъ они обыкновенно дѣйствуютъ на другихъ людей, слабыхъ и самолюбивыхъ: самая сильная неудача не долго его тревожила и касалась только слегка. Такъ, въ годъ своего удаленія отъ инспекторства, онъ сказалъ съ улыбкою: «все пустяки! я напишу одну книжку»... И дѣйствительно, въ томъ же 1775 году онъ написалъ и представилъ въ Адмиралтействъ-Коллегію огромное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Универсальная Ариѳметика, содержащая основательное ученіе, какъ легчайшимъ способомъ разныя, вообще случающіяся, математикѣ принадлежащія ариѳметическія и алгебраическія выкладки производить». Эта «Универсальная Ариѳметика», разсмотрѣнная Адмиралтействъ-Коллегіею и одобренная профессоромъ Поповымъ, была съ восторгомъ принята для руководства въ корпусѣ и вытѣснила собою знаменитую ариѳметику Леонтія Магнитскаго. Происшествіе это надѣлало, въ свое время, большаго шуму, потому-что сочиненіе Магнитскаго, бывшее главнымъ руководствомъ вездѣ, считалось такимъ фундаментальнымъ сочиненіемъ, соперничать съ которымъ не быкло никакой возможности. Но достоинства Ариѳметики Курганова были такъ несомнѣнны, написаны такимъ простымъ и яснымъ языкомъ, что знаменитый Магнитскій съ своимъ славянскимъ языкомъ и запутанными

(*) См. «Исторію Морскаго Кадетскаго Корпуса», г. Веселаго.

опредѣленіями—окончательно и навсегда померкъ въ учебной литературѣ. По указу Коллегіи, книга Курганова была напечатана въ 1777 году, впрочемъ, «на коштъ его, Курганова».

Когда друзья автора «Письмовника» поздравляли его съ такимъ необыкновеннымъ, по ихъ мнѣнію, успѣхомъ, онъ съ улыбкою отвѣчалъ имъ своею неизмѣнною фразою: «все это пустяки! такую ли еще можно книжечку написать»... И какъ бы въ поддержаніе своихъ словъ, онъ того же 1777 года напечаталъ: «Книгу о наукѣ военной, съ описаніемъ бывшихъ знатнѣйшихъ атакъ, и съ присовокупленіемъ науки о перспективѣ и Словаря Инженернаго». Сочиненіе это, не смотря на устарѣвшій языкъ, въ высшей степени интересно и замѣчательно: многія мѣста его, при описаніи знатнѣйшихъ баталій, даютъ ясно чувствовать, что проницательный умъ Курганова точно сознавалъ ту справедливую мысль, что у насъ, на Руси, много даровитыхъ военныхъ людей, но многимъ изъ нихъ не достаетъ военнаго образованія, знакомства съ великими личностями прославленныхъ полководцевъ. Изъ всего видно, что авторъ проникнулся своимъ предметомъ, что сердце его стучало сильнѣе, когда онъ, какъ тонкій критикъ, обращалъ свое вниманіе на какую нибудь *важную баталію* и говорилъ о томъ значеніи военной науки, какую она должна имѣть для каждаго образованнаго офицера. Чрезвычайно жаль, что у насъ въ настоящее время не пишутъ подобныхъ сочиненій, потому-что, со временъ Курганова, многое уже давно устарѣло и военныя науки далеко шагнули впередъ.

Но это сочиненіе Курганова прошло, къ сожалѣнію, незамѣченнымъ. Послѣ его «Письмовника» — это самое оживленное и интересное произведеніе. Одни только благородные моряки привѣтствовали стараго профессора, съ признательностью помня, что онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, перевелъ для нихъ съ англійскаго языка теорію извѣстнаго англичанина мистера Вильгета, подъ заглавіемъ: «Опытъ о теоріи и практикѣ управленія кораблей», съ присовокупленіемъ своихъ собственныхъ весьма обширныхъ прибавленій, касавшихся практики и морской тактики. Этотъ «Опытъ» Курганова до 1804 года включительно, то-есть до изданія «Новаго опыта морской практики» Гамалея—человѣка, столь извѣстнаго въ исторіи Морскаго корпуса—былъ единственный въ своемъ родѣ. По мнѣнію ученыхъ моряковъ, «Опытъ» Курганова былъ не чуждъ недостатковъ и даже погрѣшностей, такъ какъ авторъ его никогда не былъ самъ морякомъ,—но въ немъ такъ много было помѣщено свѣдѣній, что всѣ морскіе офицеры старались пріобрѣсти его. Этотъ «Опытъ» долгое время былъ у многихъ въ родѣ настольной книги, въ особенности у тѣхъ, которые не знали иностранныхъ языковъ. Кургановъ не придавалъ особаго значенія этому сочиненію, утверждая, и совершенно справедливо, что это переведенная теорія мистера Вильгета.

Интересно было бы знать, имѣлъ ли хотя какое-нибудь вліяніе на Курганова неуспѣхъ его «Книги о наукѣ военной съ описаніемъ знатнѣйшихъ баталій». Судя по его характеру, безпечному въ счастіи

и равнодушному до изумительной степени въ несчастіи, сомнительно, чтобъ онъ пришелъ отъ этого въ отчаяніе. Не таковъ былъ человѣкъ: угрюмый и важный по наружности, но юмористъ и безпечный весельчакъ въ душѣ, онъ никогда ни озлоблялся противъ своей судьбы. Кстати, старикъ имѣлъ одну только слабость, противъ которой онъ немогъ бороться: онъ любилъ выпить (*). Да и винить его за это съ нашей стороны будетъ грѣшно, если вспомнимъ его вѣчно-трудовую жизнь и горькую долю, которую онъ перенесъ до полученія дворянства. Впрочемъ, кутёжъ нисколько не мѣшалъ ему быть самымъ точнымъ и исправнымъ человѣкомъ по службѣ.

Въ «Письмовникѣ» есть одно стихотвореніе, неизвѣстно кѣмъ написанное, неловкое и тяжелое по стиху, но оно, кажется, какъ-будто рисуетъ терпѣніе и философскій взглядъ на жизнь нашего стоика-Курганова:

Кто въ немощь тѣломъ впалъ—врачи того лечатъ,
Хоть нѣкогда больныхъ лекарствомъ въ землю мчатъ.
Кто жъ духомъ заболѣлъ—такому бъ отъ Сократа
Долгъ помощи желать, оставивъ Гиппократа.
По нынѣ философъ для многихъ страненъ есть,
И мудрости прямой едва бываетъ честь,—
Такъ врачество даю болящимъ изъ піита,

(*) См. Морской Сборникъ, статью г. Мельницкаго: «Адмиралъ Ріордъ и его современники».

(Къ піитамъ и у насъ легка дорога бита!)—
О! вы, въ которыхъ боль по безпокойству духа,
Крушиться ль кто изъ васъ отъ ложна въ людяхъ слуха,
Тщеславный ли язвитъ и жалитъ гдѣ кого,
Прегрубый ли блюетъ всѣмъ зѣвомъ на него,
Безумный ли какой ругаетъ безобразно,
Отъ злобы ль стервенясь иной порочитъ разно,
Ничтожитъ ли давно съ презоромъ гордый фертъ,
Чрезъ сильнаго ль бѣднякъ несправедливо стертъ;
По страсти ль чѣмъ тебя и нагло кто обидитъ,
Безъ всякихъ ли причинъ—сверхъ мѣры ненавидитъ,
Иль предпочтенъ тебѣ въ способности другой,
Или врагомъ возсталъ нечаянно другъ твой;
Илъ ухищренный льстецъ копаетъ ровъ лукавно,
(На пагубѣ твоей возвысился бъ онъ славно!)
Иль въ очи, ни при комъ хвалить не престаетъ,
Иль словомъ:— страждетъ кто изъ васъ навѣтъ поносный
И такъ, что жизни вѣкъ затѣмъ ему несносный, —
Послушайте—что вамъ Горацій предлагаетъ,
Да болѣе вашъ духъ не преизнемогаетъ:
«Какъ зло васъ, говоритъ, съ покоемъ разлучитъ,
«Терпите: всякъ, терпя, суровость умягчитъ».

Но обратимся къ дальнѣйшему ходу простой, небогатой событіями жизни Курганова.

Достаточно двухъ словъ, чтобъ разсказать всю служебную его карьеру за послѣднее время: въ 1784 г. онъ былъ преміеръ-майоромъ, потомъ получилъ орденъ, потомъ награжденъ чиномъ полковника и дальше ужь не подвигался на поприщѣ отличій. За четыре года до его смерти, онъ снова былъ сдѣ-

ланъ инспекторомъ классовъ. Старикъ рѣшительно былъ озадаченъ: будучи профессоромъ около 50 лѣтъ, онъ никакъ не хотѣлъ разстаться съ прежними занятіями и поступилъ слѣдующимъ образомъ: свою каѳедру астрономіи и навигаціи онъ уступилъ другому учителю, а самъ подалъ въ канцелярію прошеніе, умоляя, чтобъ ему дозволили читать кадетамъ физику. Разумѣется на это охотно согласились и дѣло, къ удовольствію Курганова, уладилось благополучно. Но инспекторство не слишкомъ его занимало и скоро его лекціи физики сдѣлались самыми оживленными и любимыми для кадетовъ старшихъ классовъ. Онъ производилъ физическіе опыты самымъ оригинальнымъ образомъ и начиналъ всегда съ какагонибудь анекдота. Говорятъ, что производя опыты объ электричествѣ, онъ бывалъ великолѣпенъ, составлялъ самыя затѣйливыя группы изъ кадетовъ и, съ помощію электрическаго тока, заставляя ихъ невольно присѣдать къ полу, замѣчалъ: «а колѣнки у тебя слабы, старайся, чтобъ голова была покрѣпче». На его лекціи часто являлись опытные и свѣдущіе моряки: видно, кромѣ оригинальнаго изложенія, эти лекціи сообщали еще много дѣльнаго и основательнаго, если ихъ такъ охотно посѣщали.

Кургановъ умеръ въ Кронштатѣ, 1796 года, января 13, на 69 году отъ роду. Онъ переселился въ Кронштадтъ по слѣдующему обстоятельству: Морской корпусъ, по распоряженію правительства, былъ переведенъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ, и Кургановъ, поприще котораго нераздѣльно было связано съ судьбою корпуса, тоже перешелъ туда.

Онъ купилъ себѣ здѣсь небольшой домикъ и принялся за обычныя свои занятія. Но перемѣщеніе корпуса въ Кронштадтъ имѣло, какъ впослѣдствіи увидѣло само начальство, весьма дурное вліяніе на воспитанниковъ. Павелъ I сдѣлалъ большое благодѣяніе для корпуса, возвративъ его снова въ Петербургъ, потому-что шалости воспитанниковъ превосходили всякую мѣру. Они забирались въ лавки безъ спроса хозяина, похищали, ради шутки, дрова, сторожевыхъ собакъ, для курьезу переводили лошадей изъ одной конюшни на другую, и т. д. Всѣ боялись кронштадтскихъ ребятъ, какъ ихъ называли тогда. Кургановъ былъ въ то время профессоромъ при корпусѣ; спустя нѣсколько лѣтъ, на долю его выпало сдѣлаться инспекторомъ въ это трудное и тяжелое время. Кадеты любили его, но, зная благодушіе и невзыскательность своего начальника, дѣлали самыя отчаянныя выходки. Въ этотъ отдаленный періодъ Морскаго корпуса, прежнее старинное удальство, которое было тогда въ такой модѣ, доживало свои послѣдніе дни. Конечно, четыре года инспекторства въ Кронштадтѣ были самымъ тревожнымъ временемъ для Курганова.

Въ шведскую войну 1790 г., когда Екатерина II сдѣлала распоряженіе, чтобъ Кронштадтъ готовъ былъ встрѣтить нападеніе непріятеля, взрослые воспитаники Морскаго корпуса, мужественные и бравые, стояли въ числѣ защитниковъ Кронштадта. Они съ готовностью стали къ орудіямъ и провели цѣлую ночь въ ожиданіи нападенія непріятеля. За неимѣніемъ положительныхъ свѣдѣній, мы не мо-

жемъ сказать, какую роль при этомъ случаѣ занималъ нашъ Кургановъ. Неужели и онъ, въ своемъ фантастическомъ красномъ плащѣ, явился въ числѣ охотниковъ принять участіе въ поджидаемомъ побоищѣ, описывать которыя такой былъ мастеръ? Вѣроятнѣе всего, что онъ, какъ профессоръ (онъ не былъ тогда еще инспекторомъ), былъ въ числѣ простыхъ зрителей и только со стороны посматривалъ на воинственную энергію своихъ бравыхъ птенцовъ. Притомъ его фигура такъ мало представляла воинственнаго, что врядъ ли могла она внушить что-либо воспитанникамъ, исключая развѣ смѣха.

Зато Николай Гавриловичъ былъ неоцѣненный человѣкъ въ дѣлѣ преподаванія. Митрополитъ Евгеній, съ замѣтнымъ уваженіемъ къ его педагогическимъ способностямъ, такъ отзывается объ немъ: «онъ (Кургановъ) около 50-ти лѣтъ занимался обученіемъ морскихъ кадетовъ навигаціи и астрономіи, а въ послѣдніе годы преподавалъ опытную физику. По всѣмъ предметамъ, коимъ обучалъ онъ, самъ сочинилъ, или по-крайней-мѣрѣ изъ разныхъ сочинителей собралъ и перевелъ классическія книги, *по коимъ и всѣ кадеты до 1805 года обучались;* а нѣкоторыя его книги и до нынѣ во флотѣ употребляются, какъ напримѣръ его: «Собраніе астрономическихъ таблицъ, нужнѣйшихъ для мореплаванія, съ присовокупленіемъ разныхъ примѣчаній».

Авторъ же «Исторіи Морскаго Корпуса», имѣвшій случай ближе ознакомиться съ педагогическою дѣятельностью автора «Письмовника», еще съ большею

похвалою отдаетъ ему должное. «Морской Корпусъ — пишетъ онъ — долженъ гордиться Кургановымъ; въ темное время Морской Академіи, онъ умѣлъ пріобрѣсти обширное современное образованіе—и относительно пользы, принесенной корпусу, а черезъ него и флоту, на ряду съ Кургановымъ можетъ стать развѣ только одинъ Гамалѣя» (*).

По части математическихъ наукъ, Кургановъ написалъ слѣдующія сочиненія:

1) Генеральная Геометрія съ Тригонометріею (Напеч. 1765 г., въ Спб.).

2) Ариѳметика съ начальною Алгеброю. (Напеч. въ первый разъ 1771 г., въ Спб., и потомъ выдержавшая множество изданій).

3) Универсальная Ариѳметика, и т. д. (1777, Спб.), та самая, которая окончательно убила извѣстную ариѳметику Леонтія Магницкаго. Сверхъ Универсальной Ариѳметики, Кургановъ сочинилъ еще другую «Ариѳметику, или числовникъ, содержащій въ себѣ всѣ правила числовной выкладки, случающейся въ общежитіи, въ пользу всякаго учащагося воинскаго, статскаго и купеческаго юношества». (Четвертое изданіе ея было въ 1791 г., Спб.).

4) Сюда же относятся его переводы: Бугерово сочиненіе о навигаціи, содержащее теорію и прак-

---

(*) Очеркъ Исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса, стр 162. Гамалѣя, незабвенный для Морскаго Корпуса дѣятель, послѣ смерти поэта Хераскова, единодушно былъ избранъ на мѣсто его дѣйствительнымъ членомъ Россійской Академіи. Онъ умеръ 1817 г.

тику морскаго пути, съ франц. Это была одна изъ полезнѣйшихъ книгъ; она выдержала нѣсколько изданій уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

5) Переводъ, о которомъ мы умоминали: «Опытъ о теоріи и практикѣ управленія кораблей г-на Вильгета, съ англійскаго. (Напеч. 1774 г., Спб.).

6) Евклидова геометрія. По ней долгое время обучались кадеты въ корпусѣ.

7) Будучи еще воспитанникомъ и занимаясь въ классѣ учителя Вентурини, ученики котораго вообще мало успѣвали, Кургановъ, изучавшій въ то время иностранные языки, къ великому соблазну педанта-учителя, пертвелъ съ французскаго на русскій «Элементы геометрическіе», «Физическою астрономію и часть Свѣтильника Морскаго». Учитель не совсѣмъ былъ доволенъ неутомимостью своего ученика, и когда послѣдній приставалъ къ нему съ вопросомъ: что̀ перевести ему еще съ латинскаго языка по части астрономіи, «Ну, замѣтилъ лѣнивый Вентурини: а еще говорятъ, что ученики мои ничего не успѣваютъ!»

Если отнесемъ сюда: «Астрономическія таблицы» и «Книгу о наукѣ военной», то будемъ имѣть довольно полное, кажется, понятіе о всемъ, что перевелъ и написалъ Кургановъ, сверхъ своего знаменитаго «Письмовника». Новиковъ еще упоминаетъ объ «Универсальной россійской грамматикѣ съ седмью присовокупленіями», но сочиненіе это напечатано въ началѣ «Письмовника»; отдѣльнаго изданія мы нигдѣ не встрѣчали.

Краткій обзоръ жизни и трудовъ Курганова — конченъ(*). Нельзя сказать, чтобы Николай Гавриловичъ могъ похвалиться особеннымъ счастьемъ; нельзя также сказать, чтобъ его жизнь была разнообразна и радостна въ своемъ теченіи; но эта жизнь пройдена имъ твердо, полезно и честно. Старикъ умѣлъ пренебрегать житейскими неудачами; въ своемъ смѣшномъ плащѣ, онъ ни передъ кѣмъ не гнулъ униженно шеи; выбившись изъ простаго сословія, одолженный всѣми успѣхами самому себѣ, онъ былъ гордъ, независимъ и жостокъ въ выраженіяхъ. Судьба не слишкомъ жаловала умнаго и почтеннаго ста-

---

(*) Къ сожалѣнію, мы непользовались ни какими рукописными источниками. О томъ, какъ трудно у насъ добывать ихъ, лучше всего показываетъ слѣдующій случай. Намъ сообщилъ его Н. Я. Прокоповичъ въ то время, когда мы ужь совсѣмъ кончили свою статью о Кургановъ.

Гоголь разсказывалъ г. Прокоповичу, какъ однажды Пушкинъ почему-то очень заинтересовался Кургановымъ и даже хотѣлъ написать его біографію. Съ этой цѣлью Пушкинъ отправился на поиски: распрашивалъ старыхъ литераторовъ, рылся въ прежнихъ журналахъ, сердился и жаловался, но поиски его остались совершенно безуспѣшными: онъ не могъ даже добиться, когда жилъ Кургановъ и гдѣ онъ служилъ. Нельзя не пожалѣть о такой неудачѣ, потому-что мы, вѣроятно, имѣлибъ одну изъ превосходнѣйшихъ біографій, написанную Пушкинымъ про одного изъ оригинальныхъ людей прежняго времени. Впрочемъ, равнодушіе нашихъ соотечественниковъ ко всякимъ вообще мемуарамъ и рукописнымъ запискамъ такъ велико, что Пушкинъ и въ настоящее время не отыскалъ бы много матеріаловъ...

рика и даже въ родномъ своемъ сынѣ, Петрѣ Николаевичѣ, онъ мало видѣлъ утѣшенія. Товарищъ адмирала Рикорда, сынъ Курганова, получившій отъ отца отличное образованіе, предавался самой жалкой страсти — пьянству (*). Вотъ что разсказываетъ объ этомъ авторъ біографіи Рикорда, г. Мельницій:

«Однажды остановился у Рикорда и Коростовцева пріѣхавшій изъ Кронштадта, отставной капитанъ-лейтенантъ Петръ Николаевичъ Кургановъ (сынъ инспектора Николая Гавриловича Курганова), человѣкъ образованный, но имѣвшій пагубную страсть... Петръ Кургановъ служилъ во флотѣ лейтенантомъ и, выйдя въ отставку, жилъ въ Кронштадтѣ, въ домикѣ, оставшемся послѣ отца, вмѣстѣ съ его сочиненіями; продавая ихъ, Петръ Николаевичъ кое-какъ существовалъ, пока не были распроданы всѣ экземпляры. Въ то время учреждался Харьковскій университетъ; устройство этого заведенія поручено было графу Потоцкому. Петръ Николаевичъ, посвятивши графу посмертныя сочиненія своего отца (**), просилъ графа о мѣстѣ для себя. Графъ

(*) См. Морской Сборникъ, № 2, 1856 г.

(**) Какія *посмертныя* сочиненія онъ посвятилъ гр. Потоцкому, г-нъ Мельницкій объ этомъ не упоминаетъ. Впрочемъ, Митрополитъ Евгеній говоритъ, что послѣ смерти автора «Письмовника» остались неизданными: переведенныя имъ съ англійскаго языка «Опытная физика» и нѣкоторыя другія сочиненія. Не ихъ ли посвятилъ молодой Кургановъ гр. Потоцкому? Но сколько намъ извѣстно, они печати не видѣли.

обѣщалъ опредѣлить его помощникомъ инспектора въ университетъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ явиться къ графу, Кургановъ предался *своей страсти* и забылъ о своемъ благодѣтелѣ. Напрасно Рикордъ и Коростовцевъ увѣщевали своего гостя образумиться и скорѣе явиться къ графу, представляя всѣ непріятныя послѣдствія такой медленности. Видя, что слова ихъ безполезны, они прибѣгли къ обману: достали богатую ливрею и, нарядивъ въ нее одного изъ офицерскихъ деньщиковъ, приказали ему явиться къ Курганову и сказать, что графъ Потоцкій прислалъ за нимъ. Кургановъ струсилъ и сказался больнымъ. Тогда Рикордъ и Коростовцевъ, упросили одного изъ офицеровъ одѣться въ длинополый докторскій сюртукъ и выдать себя за доктора-нѣмца, будто бы присланнаго отъ графа къ Курганову, лечить его. Офицеръ прекрасно исполнивъ свою роль: коверкалъ русскій языкъ, посадилъ Курганова на діету, запретилъ вино и за исполненіемъ своихъ предписаній наблюдалъ строго.» (Петръ Кургановъ , не много спустя послѣ этого насильственнаго излеченія, получилъ обѣщанное мѣсто, но скоро умеръ).

Передавъ, по возможности, все, что болѣе или менѣе относилось до Курганова, — перейдемъ теперь къ его «Письмовнику», въ одно и тоже время шутливому и забавному, дѣльному и серьозному. Книга эта, право, одна изъ оригинальныхъ въ старой, ужь отжившей литературѣ прежняго времени.

Въ первый разъ «Письмовникъ» былъ изданъ, какъ мы ужь замѣтили, въ 1769 году. Время появле-

нія его совпадаетъ съ тою похою въ жизни Курганова, когда онъ выдержалъ блистательный экзаменъ въ Академіи Наукъ и получилъ званіе профессора. Вѣроятно, это было самое счастливое время для Курганова; нѣсколько времени спустя, онъ издалъ первую книжку своего «Письмовника.»

«Письмовникъ» не можетъ жаловаться на сухой пріемъ русской публики: онъ выдержалъ болѣе восемнадцати изданіи, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ пали изданія, возникшія съ нимъ въ одно время. «Письмовникъ» былъ въ такомъ ходу, вь прежнее время, что сынъ Курганова долгое время продавалъ его и сдѣлалъ нѣсколько изданій; многія учебныя заведенія выписывали «Письмовникъ», особенно для курса русской словесности. Въ этомъ случаѣ осторожное начальство поступало такъ: вырывало изъ книги учебный курсъ и особо его переплетало, а остальныя присовокупленія и повѣсти «Письмовника» давало читать только взрослымъ воспитанникамъ.

Съ прекращеніемъ «Живописца» — новиковскаго, богатаго и обильнаго сатирою, остался одинъ «Письмовникъ», который отчасти поддерживалъ прежнее сатирическое направленіе. Періодическія же изданія Новикова, возникшія послѣ «Живописца», какъ-то: его «Утренній Свѣтъ», «Вечерняя заря», «Покоящійся Трудолюбецъ», ничего не имѣли общаго съ прежнимъ направленіемъ; даже трудно вѣрить, что эти изданія того же Новикова, блестящаго и сатирическаго: такъ сухи, вялы и риторичны они.

Прежнее направленіе, широко рисующее картины современныхъ нравовъ, казнившее упорное невѣже-

ство, легкомысленную привязанность ко всему иностранному, съ прекращеніемъ «Трутня» и «Живописца», исчезло. Потомство «Всякой Всячины» Козицкаго съ быстротой неслыханной прекратило свое молодое, недолговѣчное существованіе. Спрашивается, чѣмъ объяснилъ такое скорое прекращеніе періодическихъ журналовъ, возникшихъ въ 1769 году? Намъ кажется, что причины этого были, главнѣйшимъ образомъ, слѣдующія: во-первыхъ, наша публика имѣла тогда особенное воззрѣніе на литературу: она смотрѣла на нее болѣе какъ на забаву, чѣмъ на серьозное занятіе; во-вторыхъ, многіе журналы возникли чисто случайно, какъ напр. «Поденщина» Василія Тузова, не имѣвшая ни сотрудниковъ, ни своего взгляда на литературу и общество, ни матеріальныхъ средствъ, а единственно явившаяся изъ подражанія другимъ журналамъ. «Поденщина» прамо и откровенно изъясняетъ причину своего появленія. «Пользуясь блаженствомъ настоящаго времени, въ которомъ, между безчисленными для благополучныхъ Россіянъ выгодами, изданіе каждому въ печать трудовъ своихъ безпрепятственно дозволяется, предпринялъ я издавать гражданству сіи листочки (*).» Но увлекаясь одною лишь безпрепятственностью печатанія, журналъ, не имѣвшій ничего фундаментальнаго въ своей основѣ, мгновенно палъ. Въ-третьихъ, и это самое главное, подписчики не покупали изданій: обыкновенно подписывался одинъ человѣкъ, а двад-

---

(*) См. «Поденщина, или ежедневныя изданія,» вступленіе, стр. 31.

цать брали у него на прочтеніе. На этотъ дурной обычай, такъ много повредившій развитію нашей книжной торговли, есть множество жалобъ и намековъ въ старыхъ журналахъ. Въ одномъ изъ нихъ сказано прямо, что еженедѣльный нумеръ выписывалъ обыкновенно какой-нибудь великій охотникъ до чтенія, а читали его всѣ: приказный, солдатъ, щеголиха, пріѣзжій помѣщикъ, лавочникъ и т. д. Если Новиковъ, человѣкъ съ авторитетомъ и связями, говорилъ, что его «Трутень, съ превеликой печали по кончинѣ своихъ современниковъ (изданій) и самъ умираетъ» (*), что же оставалось дѣлать другимъ журналистамъ? Весьма понятна печальная катастрофа, постигшая журналы, послѣ словъ Новикова, засвидѣтельствовавшаго это событіе такъ: «надлежитъ замѣтить, что поколѣніе еженедѣльныхъ 1769 года сочиненій съ нимъ (Трутнемъ) пресѣкается. Противъ желанія моего, читатели, я съ вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша обыкновенная жадность къ новостямъ, а послѣ того отвращеніе, тому причиною. Въ минувшемъ и настоящемъ годахъ, издалъ я во удовольствіе ваше, а можетъ быть и ко умноженію скуки, ровно 52 листа, а теперь издаю 53-й и послѣдній: въ немъ-то я прощаюсь съ вами и на всегда разлучаюсь.» Хотя Новиковъ очень остроумно и и весело шутитъ по случаю этой разлуки, но послѣднія слова его *раставанія* (довольно объемистаго по числу страницъ) отзываются невольной грустью:

(*) См. «Трутень», еженедѣльное изданіе».

«Прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.»

Впрочемъ, для того чтобъ вполнѣ изслѣдовать причину быстраго наплыва и еще болѣе быстраго исчезновенія изданій 1769 года, необходимо указать еще на одно важное обстоятельство.

Крупная и сильная сатира, направленная на современныя нравы, очень была не по вкусу тогдашней публикѣ. Но всѣ знали, что сама Императрица Екатерина II писала сатирическія вещи и поощряла другихъ на этомъ поприщѣ; вотъ почему многіе терпѣли насмѣшливость и колкость журналовъ. Не желая отстать отъ Императрицы и высшаго общества, затаивъ злобу, даже старались смѣяться, увѣряя, что подобное направленіе, поощряемое Государынею, благодѣтельно для общества русскаго. Но что дѣлалось въ душѣ подобныхъ господъ, это, какъ нельзя болѣе, характеризуетъ знаменитое письмо Новикова, напечатанное въ его журналѣ. Онъ шутя разсказывалъ, что будто-бы получилъ это посланіе съ почтоваго двора, изъ сельца Краденова, отъ какого-то доброжелателя Ермолая, который пишетъ ему, между прочимъ, слѣдующее: «Слушай-ка, братъ, Живописецъ! на шутку что-ли я тебѣ достался? Не на такова ты наскочилъ. Развѣ ты еще не знаешь приказныхъ, такъ отвѣдай, потягайся. Вѣдомо тебѣ буди, что какъ скоро пріѣду я въ Петербургъ, то подамъ на тебя челобитье въ безчестьѣ. Знаешь ли ты, молокососъ, что я имѣю патентъ, которымъ повелѣвается признавать меня и почитать за добраго, вѣрнаго и честнаго титулярна-

го совѣтника? А ты, забывъ законы духовные и гражданскіе, осмѣлился назвать меня яко бы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ однакожъ не заворовство, а за взятки; а взятки не что иное, какъ *акциденція*. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ, а я биралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ. А къ тому-же, я никого до смерти не убилъ. Глупой человѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. —Понимаешь ли ты, что и вѣрить этому не хотятъ, что есть безсовѣстные судьи, безчеловѣчные помѣщики, безразсудные отцы, безчестные сосѣди и грабители управители. Чтожь ты изъ пустаго въ порожнее переливаешь?—Ну, братъ, маляръ, образумился ли ты? Послушай: хотя ты меня и обидѣлъ, однакожь, я суда съ тобою заводить не хочу, если ты раздѣлаешься со мною порядкомъ и такъ, какъ водится между честными людьми. Сдѣлаемъ мировую: заплати только мнѣ, да женѣ моей безчестье, что надлежитъ по законамъ; а буде не такъ, то по суду взыщу съ тебя все до копѣйки. Мнѣ заплатишь безчестье по моему чину, женѣ моей въ-двое, тремъ сыновьямъ—недорослямъ въ-полы противъ моего жалованья, четыремъ дочерямъ моимъ, дѣвицамъ, въ-четверо каждой; а къ тому времени, авось либо Богъ опростаетъ мою жену и родитъ дочь, такъ еще и пятой заплатишь. Къ эдакимъ тяжбамъ мнѣ ужъ не привыкать; я многихъ молодчиковъ отдѣлалъ такъ, что однимъ моимъ, жены моей и дочерей безчестьемъ, накопилъ тремъ дочерямъ довольное приданое.

Чтожь дѣлать, живучи въ деревнѣ отставному человѣку? чѣмъ нибудь надобно промышлять. Многіе изволятъ умничать, что живучи въ деревнѣ, можно-де разбогатѣть однимъ домостроительствомъ и хорошимъ смотрѣніемъ за хлѣбопашествомъ: да я эдакимъ вракамъ не вѣрю. Хлѣбъ-таки хлѣбомъ, скотина скотиною, а безчестье въ головахъ (на переди). Да полно, что объ этомъ и говорить, на такія глупыя разсужденія нечего смотрѣть: которая десятина земли принесетъ мнѣ столько прибыли, какъ мое безчестье?» А въ заключеніе помѣщикъ сельца Краденова, доброжелатель Ермолай, совѣтуетъ сатирику вспомнить, что брань на вороту не виснетъ. Строки эти несомнѣнно доказываютъ, что одно только просвѣщенное вниманіе Екатерины II и ея великая забота къ искорененію пороковъ своего народа, — удерживали большинство отъ накопившагося презрѣнія и гнѣва къ издателямъ,которые вздумали говорить чуждыя и дикія для ихъ слуха вещи. Но всѣ знали, что Императрица, сама занимаясь литературными сочиненіями, покровительствуетъ писателей, — поэтому самые грубые и закоренѣлые враги правды и просвѣщенія смирялись, но зато такъ мало было сочувствія къ появившимся журналамъ, что они, не имѣя подписчиковъ, пали. Одинъ только «Живописецъ» Новикова, лучшій и благороднѣйшій журналъ прежняго времени, выдержалъ пять изданій, да къ этому еще примкнулъ «Письмовникъ» Курганова, на долю котораго выпало еще болѣе счастья — онъ выдержалъ въ то время восемь изданій. Но прошло еще нѣ-

сколько лѣтъ — и отъ изданій 1769 года не осталось и слѣда, и всѣ они сдѣлались, съ теченіемъ времени, библіографическою рѣдкостью, даже забыты самыя названія ихъ, уцѣлѣлъ только одинъ обломокъ отъ этого знаменитаго года — «Письмовникъ». Все ужь успѣло давно измѣниться, сатира приняла другое направленіе, о прежнихъ дѣятеляхъ и забыли, а «Письмовникъ» все еще являлся въ свѣтъ, перепечатывался и забавлялъ своею наивною ироніею людей другаго поколѣнія. Отъ времени — прежняя его сатира уже сдѣлалась невинной болтовней, но все еще читалась. Въ 1820 году было послѣднее, кажется, его изданіе. Такимъ образомъ, «Письмовникъ» читался уже новою, народившеюся молодою публикою, но по прежнему сохранялъ свой сатирическій элементъ, напоминавшій о падшихъ его товарищахъ-собратахъ. По прежнему онъ сохранялъ литературно-учебную физіономію и не печаталъ, по примѣру другихъ «Письмовниковъ» — а ихъ въ то время было довольно много — не печаталъ формъ дѣловыхъ записокъ, прошеній, служебныхъ писемъ, аттестатовъ прислугѣ и т. д. Онъ этимъ не занимался и предоставлялъ другимъ (*).

Справедливость требуетъ сказать, что кургановскій «Письмовникъ» вовсе не случайно удержался на хвостѣ прежнихъ журналовъ. Помимо учебныхъ

(*) Для ясности не мѣшаетъ замѣтить, что многіе спекулянты въ началѣ нынѣшняго столѣтія издавали подъ именемъ Курганова различныя «Письмовники», имѣвшіе очень мало общаго съ своимъ родоначальникомъ.

достоинствъ, его сатира гораздо сильнѣе и понятнѣе, чѣмъ напримѣръ, сатира современной ему «Поденщины», или же журналовъ поэта Рубана, какъ напримѣръ, его «Ни то ни сію», которое не имѣло никакого опредѣленнаго характера и скоро пало, не смотря на дешевизну изданія и заманчивое для современниковъ:

«Всякъ, кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ,
Тому ни То ни Сіо дадутъ листокъ одинъ.»

Исключая довольно сносныхъ переводовъ съ иностранныхъ языковъ, вы не найдете въ этомъ журналѣ, имѣвшемъ претензію на сатирическое изданіе, ни одного умнаго и мѣткаго наблюденія надъ нравами, ни одной характерной насмѣшки. «Письмовникъ» же вовсе не имѣлъ никакихъ претензій на сатиру, но давалъ ее гораздо болѣе многихъ періодическихъ листковъ, выключая, разумѣется, журналовъ новиковскихъ, первой половины его журнальной дѣятельности, когда онъ не издавалъ еще своего «Утренняго Свѣта» (1782 г.) и «Покоящагося Трудолюбца» (1784 года), которые имѣли мало успѣха въ публикѣ.

Новиковъ былъ свидѣтелемъ огромнаго успѣха кургановскаго «Письмовника»: «Письмовникъ» этотъ гораздо больше нравился публикѣ, чѣмъ «Покоящійся Трудолюбецъ» его, Новикова, извѣстнаго журналиста, литератора и притомъ замѣчательнаго русскаго человѣка.

Когда Новиковъ, во вторую половину своей дѣятельности, измѣнивъ прежнее направленіе, уклонил-

ся отъ своей общественной сатиры, мастерски задѣвавшей и рисовавшей картины современнаго состоянія общества—онъ не встрѣтилъ ни слова одобренія. Кромѣ равнодушія и холодности публики, онъ самъ былъ свидѣтелемъ, съ какою жадностію перечитывались его прежнія лучшія изданія. Общество живѣе и благодарнѣе отзывалось на его практическія горячія замѣтки, чѣмъ на отвлеченныя умозрѣнія. Обществу нѣкогда думать объ отвлеченностяхъ, когда оно еще молодо, развивается и хочетъ побольше захватить жизненныхъ силъ. Въ то время, блестящее и дѣятельное екатерининское время, это общество росло и развивалось среди пировъ и веселій, среди фейерверочныхъ огней и громкихъ фразъ. Жизненно и симпатично торжествовало оно побѣды нашихъ даровитыхъ вождей, горячо и шумно привѣтствовало всѣ внутреннія улучшенія и преобразованія Императрицы. Какая-нибудь высокопарно-натянутая ода,—имѣла тогда свой разумный, историческій смыслъ, и общество было право, отворачиваясь отъ всего, что только не носило на себѣ признака ближайшихъ ему интересовъ. Самъ Новиковъ, въ лучшую пору своей литературной дѣятельности, сатирически отзывался о литературномъ бездѣльи, сознавая, что когда дѣло идетъ объ общественныхъ улучшеніяхъ, тогда смѣшно и жалко переливать изъ пустаго въ порожнее. «Мнѣ еще встрѣчается писатель» — говоритъ онъ своимъ довольно изящнымъ и сатирическимъ языкомъ—«онъ сочиняетъ пастушескія сочиненія, и на нѣжной своей лирѣ воспѣваетъ златой вѣкъ. Говоритъ, что у городскихъ жителей

нравы развращены, пороки царствуютъ, все отравлено ядомъ; что добродѣтель и блаженство бѣгаютъ отъ городовъ и живутъ въ прекрасныхъ долинахъ, насажденныхъ благоуханными деревьями, испещренныхъ различными наилучшими цвѣтами, орошенныхъ источниками, протекающихъ кристалловыми водами, которые тихо переливаясь по мелкимъ прозрачнымъ камушкамъ, восхитительный производятъ шумъ. *Блаженство* въ видѣ пастуха сидитъ при источникѣ, прикрытомъ отъ солнечныхъ лучей густою тѣнью того дуба, который слишкомъ три тысячи лѣтъ зеленымъ одѣвается листвіемъ. Пастухъ, на нѣжной свирѣли, воспѣваетъ свою любовь: вокругъ его лѣтаютъ зефиры, и тихимъ дыханіемъ пріятное производятъ ему прохлажденіе. *Невинность* въ видахъ поднебесныхъ птицъ, совокупляетъ пріятное свое пѣніе съ пастушескою свирѣлью, и вся природа во успокоеніи сему пріятному внимаетъ согласію. Сама *Добродѣтель*, въ видѣ прелестной пастушки, одѣтая вь бѣломъ платьѣ и увѣнчанная цвѣтами, тихонько подкрадывается; вдругъ передъ нимъ показывается пастухъ; кидаетъ свирѣль, бросается въ объятія... Господинъ авторъ восхищается, что двумъ смертнымъ такое могъ дать блаженство! Творецъ сего блаженства, хотя и знаетъ всю цѣну завидныя сея жизни, однакожь живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе, какъ сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое что въ нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣгу, а второе, что ежели бы онъ туда переселился, то городскіе жители совсѣмъ бы (безъ него) позабыли блаженство сея

жизни. Бѣдный авторъ, ты другихъ и себя обманываешь (*).»

Дѣйствительно, время было тогда такое, что всякая сантиментальность и идилія казалась жалка и оскорбительна для мыслящаго современника. Каждый пишущій спѣшилъ принести посильную лепту на дѣло общественнаго служенія. Вотъ почему возникли, вѣроятно, и тѣ журналы, о которыхъ мы упоминали, съ одинаковымъ направленіемъ. Но многіе изъ нихъ оказались несостоятельными, многіе, не оставивъ ни одного серьознаго слѣда, исчезли съ быстротой неслыханной.

Историческая судьба «Письмовника» совершенно другаго рода, чѣмъ его сверстниковъ: особнякомъ онъ держался въ самое кипучее время старо журналистики и, такимъ же особнякомъ, пошелъ по другой дорогѣ, не стѣсняя себя ни выходомъ, ни срочною работою періодическихъ изданій. Много общаго въ его судьбѣ съ судьбою извѣстнаго сочиненія Мартына Задеки. Подобно «главѣ халдѣйскихъ мудрецовъ», Мартыну Задекѣ, кургановскій «Письмовникъ» обошелъ всѣ уголки тогдашней грамотной Россіи. Разница между ними та, что «Снотолкователь» Задеки, который явился гораздо позже, болѣе всего пришелся по вкусу скучающимъ барынямъ и мечтающимъ въ глуши русскимъ барышнямъ. О многихъ дѣвицахъ прежняго времяни и о ихъ любимцѣ, *сто-шести лѣтнемъ славномъ швейцарскомъ стар-*

(*) «Живописецъ, еженедѣльное на 1772 годъ сочиненіе», ч. I. стр. 13—14.

цѣ, *Задекѣ*,—какъ писали издатели—можно было смѣло сказать то, что отнесъ, впослѣдствіи, Пушкинъ къ своей героинѣ:

Сіе глубокое творенье
Завезъ кочующій купецъ
Однажды къ нимъ въ уединенье.
. . . . . .
Мартынъ Задека сталъ потомъ
Любимецъ Тани... Онъ отрады
Во всѣхъ печаляхъ ей даритъ
И безотлучно съ нею спитъ»—

тогда, какъ кургановскій «Письмовникъ», тоже развозимый кочующими купцами, прежде блуждавшій по Россіи одинъ, потомъ вмѣстѣ съ Задекою — привлекалъ къ себѣ не одинъ прекрасный полъ, но самую разнохарактерную публику. И дѣйствительно, «Письмовникъ» этотъ имѣлъ много притягательныхъ жилокъ: юношей онъ поучалъ стихосложенію, поэзіи и грамматикѣ; взрослымъ — разсказывалъ курьёзныя повѣсти и произшествія; людямъ солиднымъ говорилъ о геральдикѣ, кораблеплаваніи, о мифологіи и философіи. Въ одно и тоже время, онъ печаталъ сладенькіе мадригалы и жосткія изрѣченія о женщинахъ и бракѣ, отъ которыхъ многіе приходили въ ужасъ; предлагалъ русскія пословицы и разсужденія о страшномъ судѣ, философію Сенеки и стихи «На великолѣпное зданіе Исакіевской церкви», нравоучительныя сентенціи Эпиктета и двусмысленные анекдоты, веселыя шуточки про любовнаго амура и весьма дѣльныя размышленія о физикѣ, толковалъ

сколько прошло уже времени отъ сотворенія міра по греческому лѣтосчисленію, а черезъ страницу, весьма серьозно отмѣчалъ: съ такого-то именно года кавалеръ Иванъ Логиновичъ Кутузовъ служитъ директоромъ при корпусѣ и т. д., и т. д. Многіе изъ его современниковъ, надѣвъ очки, съ важностью старались запомнить, когда жилъ царь Немвродъ, въ какомъ году случилось паденіе Римской Имперіи, а болѣе пристрастные къ остроумію Курганова, были убѣждены, что лукавый авторъ единственно написалъ о пользѣ хронологіи для того только, чтобъ имѣть случай сказать, что г-нъ кавалеръ Иванъ Логиновичъ Кутузовъ съ такого-то году *ломаетъ* важныя дѣла.

Теперь, конечно, все это уже потеряло свою прежнюю свѣжесть и соль, но въ старину были такіе ревностные охотники и искусники угадываютъ пущенныя Кургановымъ стрѣлы, что нерѣдко видѣли остроуміе тамъ, гдѣ его вовсе не было. Какъ бы то ни было, это доказываетъ то, какою популярностью пользовалось остроуміе Курганова: видно онъ умѣлъ много сказать своимъ современникамъ такого, что было имъ по душѣ. Для насъ, за отдаленностью времени, его сатира утратила уже свою цѣнность.

Полное заглавіе этой знаменитой книги слѣдующее: «Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку Россійскаго языка со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезнозабавнаго вещесловія», съ эпиграфомъ, подстрекающимъ любопыство:

Духовный ли, мирской ли ты? прилежно все читай:
Все найдешь здѣсь, тотъ и другой, но разумѣть смѣкай.

И вотъ Кургановъ, иронически раскланявшись съ своимъ читателемъ, начинаетъ такъ:

»Читатель благочестивый,
Добрый человѣкъ!

Писатели не тщеславіемъ, но добродѣтелью побужденные, имѣютъ по возможности упражняться въ полезныхъ дѣлахъ и отечеству своему жертвовать плодами оныхъ. По сему, посвящая вашему благоразумію трудъ свой въ знакъ своего усердія, издаетъ въ свѣтъ книгу сію: за счастіе себѣ почитаетъ, если онъ вамъ, какъ любителямъ словесныхъ наукъ, и всѣмъ нашимъ одноземцамъ между прочемъ и сею маловажностью услужить можетъ. Главное его намѣреніе и желаніе стоитъ въ томъ, чтобъ вы сею *благопріятно* пользовались.

Доброродный господинъ!
Нашему благонравію
Доброжелатель Н. К.»

Такой приступъ, полу-почтительный, полу-насмѣшливый, заставляетъ читателя ожидать, чего-нибудь курьезнаго. Ни чуть не бывало: Кургановъ, прежде всего, принимаетъ строгое выраженіе лица и начинаетъ говорить читателю.... о чемъ бы вы думали? о русской азбукѣ, о складахъ, потомъ о грамматикѣ вообще, словно смѣется надъ своимъ читателемъ и плохо вѣритъ въ его грамотность. Видно, онъ вполнѣ раздѣлялъ мысль Ломоносова: «тупа ораторія, косноязычна поэзія, неосновательна философія, сомнительна юри-

спруденція безъ грамматики»,—поэтому, онъ съ жаромъ начинаетъ толковать о произведеніи словъ, объ именахъ существительныхъ, о свойствахъ глагола вообще, о сочиненіи словъ и рѣчей, о правописаніи, о знакахъ препинанія и т. д. Такъ и слышишь, кажется, его строгій и ровный голосъ: «писать *столпъ*, *столпецъ*, *столповый*, а не столбъ». (*) Видишь даже его педагогическое оживленіе, когда онъ, по случаю употребленія знака восклицанія, громко и сатирически кричитъ:

«О, вы окамененныя сердца, не имѣющія ни малаго о себѣ сожалѣнія!» (**)

И съ тѣмъ же жаромъ, по случаю примѣровъ вопрошенія и восклицанія, твердитъ:

«Доколѣ терпѣть? о чудное провосудіе!
О пища ты червей! о прахъ и пыль презрѣнный!
О ночь, о суета! зачѣмъ ты такъ надменный?» (***)

Дѣльностью отличаются его грамматическія опредѣленія, сатирой и блескомъ нѣкоторые примѣры. Такъ, опредѣливъ, напримѣръ, значеніе знака двоеточія, «отдѣляющаго» — по его прекрасному выраженію — «часть рѣчи, которая имѣетъ полный разумъ сама въ себѣ, но однако оставляетъ мысль въ сомнѣніи и ожиданіи знать то, что еще слѣдуетъ» — онъ приводитъ слѣдующіе примѣры:

«На всѣхъ вопросы не отвѣтствую: всякой глупецъ больше можетъ спрашивать, нежели премудрой отвѣтствовать.»

(*) Письмовникъ, см. грам. Ч. III, стр. 118.

(**) Стр. 110.

(***) Ibid.

«Рѣдко игра кончится, чтобъ обѣ стороны были довольны: и въ такомъ-то состоянiи видимъ множество дѣлъ въ свѣтѣ, что когда одинъ смѣется, то другой плачетъ».

«Душа приказнаго заросла крапивой: одни колючки свидѣтельствуютъ о его поносной живучести.»

По случаю употребленiя частицы *де*, онъ приводитъ слѣдующiй примѣръ: «нѣкто кандидатъ говорилъ полу-русски такъ: служилъ де я сорокъ лѣтъ, а капиталу нѣтъ, и я де о томъ юристовъ просилъ, но они де хотя и не азардируютъ (не дерзаютъ) нынѣ на *акциденцiю* (на взятку), точiю де по новомодной поведенцiи очень политично «завтранятъ», то-есть кормятъ *завтраками* — бѣднякъ на подъячество намекалъ, да ни кто въ толкъ не взялъ. «А въ просторѣчiи вмѣсто той частицы *де*»— продолжаетъ онъ—«употребляютъ какое-то рѣченiе *дискать*: я дискать туда ходилъ, да ничего не получилъ; до Бога дискать высоко, а до Царя далеко.— Еще употребляется частица *де*—говоритъ онъ—въ крѣпостныхъ выпискахъ, въ допросахъ и въ прочихъ симъ подобныхъ приказныхъ дѣлахъ третьимъ лицомъ. Напр.: Сидоръ въ допросѣ показалъ, что пришедъ къ нему Карпъ говорилъ такую небылицу: это де зело обидно, что де у нихъ, маломощныхъ, постой всегда, у иныхъ иногда, а у многихъ ни когда; а тому де причиною»... (*). Тутъ небылица Сидора прекращается точками.

(*) Стр. 85, II Ч. грам.

Не правы ли были современники Курганова, считая его *замысловатымъ остроумцемъ*, когда онъ, даже въ серьозныхъ и научныхъ вещахъ, умѣлъ сохранить оживленіе и даже иронію? Читатель учился и смѣялся вмѣстѣ и, безъ сомнѣнія, въ головѣ его незамѣтно удерживалась грамматика Курганова, облегченная такими игривыми примѣрами. Публику интересовало то обстоятельство, что въ грамматикѣ Курганова, основательной и систематической въ изложеніи, попадались мѣста, мало чѣмъ уступавшія своей ироніей нѣкоторымъ тогдашнимъ сатирическимъ журналамъ. По случаю объясненія, напримѣръ, какихъ-нибудь условныхъ и противительныхъ союзовъ, читатель невольно вспоминалъ его наивно-серьозные примѣры: «Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи, то буду принужденъ осла взвалить на плечи,» или же:» Императоръ Максимиліанъ, говаривалъ, что онъ можетъ въ одинъ день сдѣлать сто дворянъ, но ни во сто лѣтъ одного премудраго человѣка» (*).

Этотъ оригинальный грамматикъ хорошо также знаетъ натуру и слабости русскаго человѣка и не пропускаетъ удобнаго случая неожиданно кольнуть его. Такъ, говоря, что цѣну изображаетъ дательный падежъ съ предлогами *по* и *въ*, онъ поясняетъ это такимъ примѣромъ: «французская (водка) дорогà, *по* девяти гривенъ штофъ, а сивухи или псинухи многимъ сносно *въ* три рубли ведро!» Онъ хорошо

(*) Стр. 82, о союзахъ.

знаетъ въ какихъ именно случаяхъ болѣе всего спотыкается въ орѳографіи русскій человѣкъ, поэтому строго говоритъ: «Равно какъ малороссіяне въ различеніи буквъ *ы* отъ *и* ошибаются, такъ мои великороссіяне не малую трудность находятъ въ распознаніи буквы *ѣ* отъ *е*. Для сихъ предлагаю правило» (тутъ слѣдуетъ облегчительный способъ употребленія буквы *ѣ*). «Въ словахъ же, съ греческаго языка взятыхъ — продолжаетъ онъ тѣмъ же тономъ — писать *ѳ;* напротивъ того: *Маѳильда*, вмѣсто Матильда, *Каѳарина*, вмѣсто Екатерина писать непристойно.»

Затѣмъ, поучивши хорошенько своего читателя, онъ обращается къ нему съ увѣщательнымъ заключеніемъ и хотя не безъ лукавства говоритъ, что «о пользѣ, силѣ же и дѣйствіи потребнаго сего грамматическаго знанія, моимъ просторѣчіемъ и тупою тростію повторять почитаю за излишнее дѣло», однако—тутъ же совѣтуетъ пройдти «Краткую россійскую грамматику, изданную для народныхъ училищъ Россійской Имперіи по Высочайшему повелѣнію царствующей Императрицы Екатерины II, въ С.-Петербургѣ; цѣна оной—замѣчаетъ онъ—безъ переплета 10 коп.» (Онъ нарочно выставляетъ дешевую цѣну, какъ бы желая пристыдить современниковъ, остававшихся равнодушными къ благой цѣли Императрицы, велѣвшей продавать изданную грамматику какъ можно дешевле). Въ своемъ увѣщательномъ заключеніи, Кургановъ не безъ насмѣшки говоритъ что «читателей надобно раздѣлять на два рода: одни, кои учились прилежно правописанію,

или чтеніемъ лучшихъ писателей пріобрѣли довольное знаніе; другіе, кои по худымъ примѣрамъ и по закоренѣлой къ *неправому* письму привычкѣ пишутъ безразсудно, каковые суть неученые подъячіе.» Съ благородствомъ и горячностію онъ увѣщеваетъ чадолюбивыхъ родителей и наставниковъ обращать вниманіе на дѣтей и не забывать, «что молодыхъ людей нѣжные нравы, всюду гибкія страсти и мягкія ихъ и воску подобныя мысли добрымъ воспитаніемъ только управляются.»

Въ-заключеніе, извинившись въ томъ, что онъ, по неимѣнію свободнаго времени, не успѣлъ еще заключалъ написать Письмовника, который бы въ себѣ разныя письма, прошенія, одобренія, росписки, отпуски, писеменный видъ крѣпостнымъ людямъ, приказъ старостѣ и т. д.,—онъ вдругъ перемѣняетъ тонъ. Желая изгладить впечатлѣніе учебной морали, онъ налетаетъ съ другой стороны на своего читателя: видитъ его соскучившую физіономію и, совершенно неожиданно, предлагаетъ ему цѣлый рядъ пословицъ и поговорокъ:

«Аза въ глаза не знаетъ; и по рылу знать, что не простыхъ свиней; дары и мудреныхъ ослѣпляютъ; быть такъ, коль помѣтилъ дьякъ; черенъ макъ, да бояры ѣдятъ», и т. д., и т. д. Все это такъ и хлещетъ и пестритъ въ глаза читателю, наткнувшемуся, неизвѣстно почему, вмѣсто грамматики на поговорки. Читатель начинаетъ по немногу улыбаться; онъ даже по временамъ громко хохочетъ и удивляется уму и складу русскаго мужика, составившаго такое множество великолѣпныхъ пословицъ. Нѣкоторыя, до-

вольно циническія поговорки, бросаютъ его въ неудержный смѣхъ; онъ охотно прощаетъ автору прежнюю мораль; онъ вообще доволенъ имъ и русскимъ человѣкомъ... Но безпощадный Кургановъ, написавъ предпослѣднюю пословицу: «юнъ съ игрушками да старъ съ подушками», вдругъ предлагаетъ забывшемуся уже читателю «краткія замысловатыя повѣсти.»

Мы остановимся на этихъ повѣстяхъ: онѣ-то больше всего смѣшили и злили современниковъ Курганова и были главною причиною, почему «Письмовникъ» считался на равнѣ съ сатирическими журналами.

Эти «замысловатыя повѣсти» занимаютъ цѣлый отдѣлъ въ «Письмовникѣ»; счетомъ ихъ около 300 разсказовъ, но они по немногу увеличивались и прибавлялись съ каждымъ новымъ изданіемъ. Не ищите въ этихъ повѣстяхъ того, что мы привыкли теперь разумѣть подъ словомъ: *повѣсть*; въ нихъ нѣтъ ни характеровъ, ни дѣйствія, ни интриги. Это просто коротенькіе, небольшіе анекдотцы, порой наивные и забавные, порой меткіе и злые, подчасъ избитые и плоскіе. Авторъ «Письмовника», конечно, не сочинялъ ихъ; но онъ умѣлъ искусно выбирать и подслушивать ихъ, отъ этого общее впечатлѣніе его анекдотовъ зло, насмѣшливо и умно. Не смотря на пестроту, въ нихъ столько замѣтной антипатіи ко всякой низости, взяточничеству, суевѣрію и ханжеству, что это давало имъ смыслъ и физіономію чего-то цѣльнаго и сатирическаго. Здѣсь заключалось существенное родство «Письмовника» съ періодическими изданіями, явившимися въ одно съ нимъ

время. Но «Письмовникъ» шелъ къ той же цѣли другимъ путемъ. Не нападая прямо на современниковъ, онъ, въ тоже время, не щадилъ ни кого: ни молоденькихъ и пригожихъ барынь, ни глупыхъ риѳмачей, ни скверныхъ судей и стряпчихъ; педантовъ, пасторовъ, недостойныхъ своего сана, гадкихъ эгоистовъ и скупцовъ, развратныхъ женъ, рогоносцевъ мужей, придворныхъ льстецовъ, спѣсивыхъ породою и крѣпколобыхъ головою особъ, пустыхъ дураковъ и прислужниковъ, — онъ съ лукавой наивностью добродушнаго младенца гладитъ противъ шерсти. Авторъ нигдѣ не говоритъ отъ своего лица и только изрѣдка вынырнетъ наружу его жосткое, но доброе лицо и онъ тутъ же снова спрячется; задѣнетъ какой-нибудь современный порокъ и отнесетъ это къ странѣ *гишпанской*, или же взвалитъ на счетъ фантастическаго кавалера Маврицiя. Въ этомъ случаѣ авторъ нашъ долго не разсуждаетъ и ему ни почемъ заставить польскаго шляхтича бесѣдовать съ Цицерономъ, а Тимона Аѳинскаго заставить идти объ-руку съ русскимъ воеводою. Своеобразная оригинальность, неразлучная съ Кургановымъ, замѣтная даже въ его курсѣ русской словесности, не оставляетъ его и здѣсь.

Перечитывая «краткiя замысловатыя повѣсти,» набросанныя безъ всякой системы и плана, нельзя не замѣтить, что авторъ «Письмовника», нападая на все дурное и нелѣпое, въ особенности не даетъ покою сквернымъ судьямъ и суевѣрнымъ ханжамъ. Вотъ, напримѣръ, что онъ разсказываетъ въ одной изъ своихъ повѣстей:

«Нѣмецъ просилъ своего пастора о наставленіи. какую читать молитву по утру, вставая съ постели? Онъ ему на то: говори, владыко Господи сохрани меня отъ безсовѣстнаго подъячего, отъ откупщика, отъ лекарей и аптеки, а пуще всего отъ стряпчихъ.»

Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ слѣдующее:

«Одинъ стихотворецъ суевѣру, укоряющему его въ изувѣрствѣ, сказалъ такъ:

Пожалуй, не зови меня безвѣрнымъ болѣ,
Зато, что къ вѣрѣ я не причитаю вракъ.
Я вѣрю Божеству, покоренъ Вышней водѣ,
И вѣрю я еще тому, что ты дуракъ.
Преподлый суевѣръ отъ разума бѣжитъ,
И вѣритъ онъ тому, чему не надлежитъ;
Кто вздору всякому старается повѣрить,
Стремится предъ самимъ онъ Богомъ лицемѣрить.»

Вотъ еще одна коротенькая повѣстца въ этомъ родѣ:

«Одинъ гишпанскій кавалеръ ханжилъ отмѣнно, мороча добрыхъ людей съ превеликимъ искуствомъ. —А вѣдь кавалеръ благочестивый человѣкъ! воскликнулъ одинъ простакъ.

— Да, возразилъ на то другой: онъ питается однимъ скуднымъ хлѣбомъ, но крадетъ такъ, что можетъ причинить голодъ цѣлой округѣ.»

Но болѣе всего Кургановъ не благоволилъ къ подъячимъ и стряпчимъ, и разсказываетъ объ нихъ множество забавныхъ и злыхъ анекдотовъ:

«Нѣкій судья жаловался на купца президенту въ порицаніи его вовзяткахъ. «Плюнь, на него, сказалъ ему предсѣдатель: эти люди по природѣ грубы и

невѣжи, они обыкли называть всякую вещь по ея имени.»

Тутъ Кургановъ дѣлаетъ примѣчаніе, что разговаривавшіе взяточники забыли указъ: «*ежели кто отважится коснуться лихоимства, взятковъ и подарковъ, ко отягченію просителя станетъ утѣснять; таковый нечестивый и неблагодарный и яко заразительный членъ общества, не только изъ числа честныхъ, но изъ человѣчества истребленъ будетъ.*»

«Судья сказалъ своему челобитчику: я изъ твоего дѣла *не вижу* ни какой тебѣ пользы. Но тотъ, уразумѣвъ сіи слова, вынулъ изъ своего кармана два червонца и, давъ ихъ судьѣ, молвилъ: такъ вотъ, сударь, я дарю вамъ хорошую пару очковъ.»

«Мужикъ, будучи обиженъ отъ сосѣда, пошелъ къ воеводѣ жаловаться и подарилъ ему кувшинъ молока, а виноватый, снеся поросенка, выкрутился. Тотъ сожалѣя спросилъ: «ахъ! гдѣ-то мое молоко?» Подъячій, открывъ тайну, сказалъ: — выпилъ поросенокъ. «Эка мерзкая скотина, пострѣлило-бы ея горой!»

«Стряпчіи и лекарь нѣгдѣ спорились о томъ, кому напередъ идти, и избрали Діогена въ третьи, который тотчасъ въ пользу стряпчаго рѣшилъ: вору надобно идти напередъ, а палачу за нимъ.»

«Подъячій, при допросѣ нѣкоего раскольника, говорилъ: буде у тебя совѣсть такъ велика, какъ твоя борода, такъ сказывай правду! — Государь мой, отвѣчалъ суевѣръ: ежели вы совѣсти бородами измѣ-

ряете, то видно вы безсовѣстны, для того что голобороды.»

«Стряпчій, очень гнуснаго виду и весьма курносъ, не могъ почти окончить своимъ чтеніемъ нѣкоего дѣла въ судѣ. Тогда совѣтникъ, имѣющій сановитый носъ, сказалъ: нѣтъ ли у кого очковъ для сего господина? Но онъ не сердясь на то отвѣчалъ: да пожалуйте, государь, уже ссудите меня и вашимъ носомъ.»

«Стряпчій при кончинѣ написалъ въ духовной такъ: всѣ мои пожитки раздѣлить глупымъ, бѣснующимся и сумасброднымъ. Когда же спросили его, для чего онъ обидѣлъ своихъ сродниковъ? Для того, отвѣчалъ: что я отъ такихъ все нажилъ.»

«Подъячій сказалъ одному челобитчику: твой соперникъ дѣло свое перенесъ въ другой приказъ. А тотъ отвѣчалъ: пусть переноситъ хоть въ адъ; мой повѣреной за деньги и туда за нимъ пойдетъ.»

«Нѣкоторый Марокскій министръ недальняго ума, будучи на пирушкѣ, сталъ глумиться толщинѣ своего брюха и, ударяя по немъ, хвалился, что оно много стоило обществу. Тогда нѣкая госпожа на то сказала: гораздо бы было полезнѣе, когда бы такое содержаніе потрачено было для головы сего столповщины.»

«Нѣкто подлаго и нищаго отца сынокъ, женясь на служанкѣ своего командира, вышелъ въ подъячіе и, наживая онымъ ремесломъ лучше, нежели профессорствомъ, со тьму денегъ, — построилъ огромный домъ, какъ слоновей дворъ, и оградилъ его обширнымъ оплотомъ. Нѣкогда онъ показывалъ его своему

пріятелю, водя онаго по всѣмъ покоямъ и вдругъ сказалъ: видишь (указывая ему въ окно на полисадникъ) уже три тычники своровавы!—Такъ какъ и весь домъ, отвѣчалъ пріятель.»

«Подъячій, кравшій довольно изрядно, но желая еще болѣе подвостриться въ томъ доходномъ ремеслѣ, упражнялся обыкновенно симъ способомъ: кралъ собственныя перья, нарочито для того положенныя, въ присутствіи своей жены и семейства, стараясь, чтобъ оные того не замѣтили.»

Мы нарочно дѣлаемъ такъ много выписокъ, чтобъ показать, какимъ образомъ Кургановъ нападалъ на дурныхъ исполнителей закона. О разныхъ лицахъ, онъ разсказывалъ шутливо, но чуть дѣло касалось такъ-называемыхъ педъячихъ, онъ старался изобразить ихъ въ каррикатурѣ какъ-можно болѣе и даже, порой, говорилъ имъ такія сильныя вещи: «Камбизъ, грозный государь и гонитель неправды, приказалъ съ одного своего судьи и любимца содрать съ живаго кожу за взятки и неправосудіе, и покрыть ею стулъ; и пожаловавъ сына того (наказаннаго) въ судьи, велѣлъ ему всегда садиться на томъ стулѣ.» (Подобно Камбизу слѣдуетъ поступать съ нашими подъячими, но прибавить имъ жалованья.)

Впрочемъ, вѣроятно, многіе изъ этихъ стряпчихъ утѣшались тѣмъ, что сатирическій Кургановъ не однихъ ихъ выводилъ на позорище. Онъ кололъ и казнилъ все смѣшное и нелѣпое въ обществѣ:

«Фоннару, прилежащему только къ рюмкамъ да картамъ и величавшемуся своимъ родословіемъ, сказалъ умный дворянинъ: мнѣ кажется ваша генеалогія

есть древнѣе, нежели вы думаете и старѣе Адама.— Какъ же такъ? спросилъ простакъ. — Такъ, отвѣчалъ тотъ: понеже многія животныя сотворены до Адама, такъ можетъ быть вы произошли отъ козловъ, либо отъ ословъ.»

«Нѣгдѣ во врачебную должность производили только изъ иностранныхъ, хотя бы они были и не искусны. Такъ нѣкто того мѣста уроженецъ сказалъ своему ослу: о, какъ ты несчастливъ, подъяремникъ мой! Ежели бы ты родился, или бы поучился за моремъ, то бы подлинно былъ и ты у насъ либо докторъ, либо профессоръ.»

«Нѣкто, насмѣхаясь одной госпожѣ, которая величалась должностью и высокорѣчіемъ, сказалъ при ней своему слугѣ: господинъ мой лакей! доложи господину моему кучеру, чтобъ онъ изволилъ господъ моихъ лошадей заложить въ госпожу карету.»

«Двухъ кокетокъ, поссорившихся, спросилъ ихъ знакомецъ: о чемъ вы бранитесь? — О честности! отвѣчали онѣ. — Жаль, что вы ни зачто взбѣсились.»

«Глупый пасторъ сказывалъ нѣкогда похвалу одному якобы благочестивому человѣку и, будучи въ великомъ восхищеніи, вопрошалъ съ восклицаніемъ: «какимъ мѣстомъ почту онаго?—Гдѣ его поставлю?» Тогда нѣкто забавникъ соскучась сіе слушать, вздумалъ выйдти изъ церкви, сказавъ ему громко: вотъ я ему оставлю мое мѣсто!»

«Діогенъ, видя отрока, рожденнаго отъ знатной госпожи, который швырялъ ожесточенно камнями въ проходившихъ людей, вскричалъ: слушай, дру-

жокъ! берегись, чтобъ тебѣ не зашибить въ народѣ отца своего.»

«Мужикъ, ѣдучи съ возомъ, пустилъ свою лошадь переѣхать грязь, а самъ пошелъ по дорожкѣ; но какъ она тамъ остановилась, то онъ кричалъ: «ну, матушка! ну, другъ! ну, голубка! ну, одёръ, пострѣлъ!» Но тѣмъ не проявившись, молвилъ: «помози Боже!» а самъ, не пособляя, стоитъ на сушѣ. Почти у всѣхъ насъ такое богопризываніе.»

Кургановъ, своимъ особымъ родомъ повѣстей, задѣвалъ за живое многихъ:

«Нѣкоторый воръ сановитой, будучи вопрошенъ признается ли онъ въ томъ, въ чемъ его обвиняютъ, отвѣчалъ: я еще гораздо больше виноватъ, что далъ себя поймать.»

«Нѣкто Чужехватъ добивался въ воеводы, то его пріятели совѣтовали ему, для счастливаго въ томъ успѣху, просить Бога. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: я сего весьма опасаюсь, мнѣ надобно, чтобъ онъ о томъ не вѣдалъ.»

«Турецкаго посла посѣтили многія придворныя дамы, чрезмѣрно нарумянины. Тогда онъ, будучи вопрошенъ, которая ему кажется пригожѣе другихъ? отвѣчалъ: сего сказать я не могу, ибо въ живописи не искусенъ.»

— «Нѣкій генералъ, уставшій отъ тяжести орденовъ, хотѣлъ еще выслужиться. — Да чѣмъ вы теперь выслужитесь? вопросили сего старикашку.

— Лбомъ и старостью, отвѣчалъ онъ.»

Эти мелкія, слишкомъ общія черты, не были такими блѣдными и сухими для современниковъ Курга-

нова, какими кажутся они намъ. Тутъ часто попадались намеки. Вотъ, напримѣръ, одинъ анекдотъ, который, какъ гласитъ преданіе, случился съ генераломъ Еропкинымъ, отличавшимся своимъ необузданнымъ пристрастіямъ ко всему военному:

«Нѣкій полководецъ выхвалялъ въ присутствіи своего государя чины военные, и статскіе хулилъ.— Молчи, сказалъ ему царь: знай, что ежели бы статскіе хорошо отправляли свои должности, то мы бы не имѣли нужды въ военныхъ людяхъ.»

Говорятъ, что Екатерина II это самое сказала Еропкину, извѣстному усмирителю волненія, бывшаго во время московской чумы, и «Письмовникъ» подхватилъ слова Императрицы на свои листки. Вотъ еще одинъ анекдотъ, очевидно тоже выхваченный изъ жизни и направленный противъ какого-то откупщика:

«Нѣкій богатый и гнуснообразный откупщикъ, заказалъ себя написать стоящаго въ природной величинѣ, и послѣ того не хотѣлъ заплатить того, что живописецъ требовалъ. Мастеръ сказалъ: «хорошо, сударь, я вашъ образъ возьму къ себѣ.» Сей мужикъ спросилъ: что тебѣ въ немъ? «Мнѣ убытка не будетъ, отвѣчалъ тотъ: когда я придѣлаю къ нему хвостъ, то будетъ портретъ одѣтой обезьяны, или-же положу на немъ желѣзную рѣшетку съ подписью: «подайте бѣдному заключенному» — то я знаю кому оной продать...»

Желая еще болѣе уколоть этого откупщика, авторъ «Письмовника» прибавляетъ въ-заключеніе своей повѣсти слѣдующіе стихи:

«По смерти откупщикъ, сошедъ въ подземную страну
И ставъ предъ сатану,
Просилъ: «Скажи, мой другъ сердечной,
Не можно ль откупить во адѣ муки вѣчной?
Вспомни, какъ я на свѣтѣ жилъ:
Всемъ сердцемъ я тебѣ и всей душой служилъ!
Пожалуй, дѣдушка, уступи хоть внуку,
Я множилъ цѣну тамъ, а здѣсь умножу муку.»

Перечитывая анекдоты Курганова, очень легко можно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ носятъ явные слѣды живой раздражительности. Видно, для автора дѣло это было не мертвою буквою. Онъ, кажется, не былъ болтливымъ безъ разбора потѣшникомъ, и его антипатіи къ подъячимъ, стряпчимъ и т. д. слишкомъ замѣтны. Равнодушный, какъ мы видѣли, ко всѣмъ непріятностямъ въ домашней жизни, онъ, видно, не могъ такъ легко остаться тѣмъ же равнодушнымъ философомъ къ невѣжеству и безчестнымъ поступкамъ людей.

Но гдѣ же тѣ веселыя и смѣшныя повѣсти, которыя потѣшали и забавляли современниковъ Курганова и болѣе всего способствовали успѣху его «Письмовника», какъ веселой книгѣ? Ихъ очень много. Нѣкоторыя ихъ нихъ для насъ тѣмъ драгоцѣнны, что рисуютъ вкусы и привычки нашихъ дѣдовъ, строгихъ и важныхъ въ семейной жизни, но очень любившихъ веселыя вольныя словечка, шутки надъ женской любовью, двусмысленные забавные анекдоты. Даже въ «Письмовникѣ» Курганова видишь этихъ добрыхъ стариковъ, важныхъ и чопорныхъ въ серьёзныхъ дѣлахъ, но падкихъ на игривую

вольность и нестѣсненность въ частной бесѣдѣ. Конечно, у Курганова только слегка уловленъ тонъ прежней, старой бесѣды; онъ только желаетъ угодить своимъ современникамъ и сорвать у нихъ улыбку. Вотъ нѣсколько изъ этихъ наивныхъ анекдотовъ.

«Сестра, журя своего брата за картежную игру, отъ которой онъ промотался, «когда ты перестанешь играть?» говорила ему. — Тогда, когда ты перестанешь любиться, отвѣчалъ онъ. «О, несчастной! видно тебѣ играть по смерть свою.»

«Одна знатная дѣвица читала любовной романъ и, между прочимъ, попала на нѣжный разговоръ, происходившій долгое время на единѣ у волокиты съ его полюбовницею, кои равно пылали страстію другъ къ другу. «Куды какъ глупо сказано! вскричала она, бросая книгу: на что столько разговоровъ, когда они уже были вмѣстѣ, а притомъ и наединѣ?»

«Престарѣлая вдова, любя одного шляхтича, подарила ему богатую деревню. А другая молодая госпожа, будучи той своя, спорилась съ нимъ о томъ подаркѣ, не по правамъ ему доставшемся. «Государь мой! сказала она въ судѣ: вамъ досталась эта деревня весьма за дешевую цѣну!» Шляхтичъ ей отвѣчалъ: сударыня, я вамъ ее уступлю, буде вы изволите, за такую жъ цѣну.»

«Спросили одной профессорши, для чего она бездѣтна, имѣя у себя давно молодаго и дороднаго мужа? Отвѣчала она: признаюсь, что мужъ мой искусенъ математики, да не силенъ въ мултипликаціи.»

«Нѣкая княжна, будучи дѣвицею во всю свою жизнь, на преклонномъ своемъ вѣку ослѣпла. Нѣгдѣ нищій слѣпецъ, ее улуча, вскричалъ: милостивая государыня! сжальтесь надъ бѣднымъ человѣкомъ, лишившимся свѣтскихъ веселостей. Она слыша то, спросила у своей рабы: какой это человѣкъ, не евнухъ ли? «Нѣтъ, сударыня, нищій слѣпой.» — Ахъ, бѣдной человѣкъ! а я думала другое...»

«Дѣвицы, гуляя полемъ, встрѣтились на дорогѣ съ пастухомъ, несущимъ козленка. Тогда одна изъ нихъ подошедъ и любуясь имъ, говорила своимъ подругамъ: посмотрите-ка, сестрицы, какой пригоженькой козленокъ, да и безъ рогъ! — Пастухъ, слыша то, сказалъ: вѣдь онъ, сударыня, еще холостъ...»

«Молодчикъ, женясь незавѣдомо на весьма непостоянной дѣвкѣ и, узнавъ то, всячески старался ее исправить; но усмотря въ томъ худой успѣхъ, жаловался ея отцу, съ тѣмъ, что онъ хочетъ съ нею развестись. Тесть въ утѣшеніе ему сказалъ: должно тебѣ, другъ, потерпѣть, ибо мать ея была такова же и я не могъ также найдти никакова средства, да послѣ на 60-мъ году собою исправилась; и такъ думаю, что и дочь ея въ такихъ лѣтахъ будетъ честною, и увѣряю тебя въ томъ быть благонадежну.»

«Нѣкая баба, прегнусной фигуры, спрашивала у своего мужа: кого тебѣ угодно, чтобъ я посѣщала? Онъ на то: другъ мой, кого изволишь, только я отсутствіемъ твоимъ весьма буду доволенъ.»

«Мужикъ весьма слезился и пришелъ въ отчаяніе отъ того, что его жена удавилась на грушѣ въ его огородѣ; тогда сосѣдъ, увидя его въ такой печали, подошедъ къ нему сказалъ тихонько на ухо: какъ тебѣ не стыдно о семъ крушиться, ты бы радовался! дай мнѣ прививочекъ той груши посадить въ моемъ саду, авось либо и у меня будутъ таковые же плоды.»

Однако, пора намъ покончить съ «замысловатыми повѣстями» Курганова. Но чтобъ напомнить о ихъ серьёзной сторонѣ, приведемъ, въ заключеніе, слѣдующую повѣсть:

«Нѣкто, ѣздя непрестанно по чужимъ краямъ, далъ такой отвѣтъ, смѣющимся вѣтреному его обычаю: «я буду странствовать, пока найду такую землю, въ коей бы довѣренность была въ рукахъ честныхъ людей и въ которой бы заслуги награждались.» —Конечно, вамъ умереть въ дорогѣ, примолвили они.»

За повѣстями слѣдуютъ изрѣченія о женщинахъ. Мы ихъ опустимъ, они довольно злы, но, конечно, ни что въ сравненіи съ старинными, грубыми обвиненіями и жосткими отзывами о женщинахъ, какіе встрѣчаются, напр., у Даніила Заточкина и у другихъ... Читая первыя — смѣешься, читая послѣднія видишь, что добрые, но грубые наши предки величали женщину и лихоманкой, и кошкой съ сатанинской душой, и звѣремъ рыкающимъ, и лишней тварью... Не будемъ касаться этого стараго, грубоисторическаго ворчанья противъ женщины: заключенная въ суровый теремъ, униженная стѣснитель-

ными правами восточной жизни, оскорбленная въ своемъ достоинствѣ, она, безъ всякаго сомнѣнія, и въ горькой неволѣ, была лучше своихъ кичливыхъ повелителей.

Послѣ различныхъ загадокъ, хорошихъ и ловкихъ словечекъ, послѣ древнихъ афоризмовъ,—Кургановъ предлагаетъ своему читателю разсужденіе Сенеки о добродѣтеляхъ, одушевленное благородною мыслью что «для справедливаго человѣка недовольно того, чтобъ никого не обидѣть, а должно еще препятствовать другимъ наносить какое-либо злобство.» Далѣе авторъ «Письмовника», очевидно нисколько не довѣрявшій въ познанія своего читателя, спокойно и строго спрашиваетъ его: изъ чего образуются облака и туманы? что есть дождь? что есть громъ? какъ дѣлается снѣгъ, что такое радуга, падающія звѣзды, землетрясеніе и т. д., и т. д. На все это онъ даетъ краткіе, дѣльные отвѣты и, въ видѣ предостереженія, замѣчаетъ своему читателю, что философскій камень, о которомъ ходитъ въ народѣ такая великая молва, ни что иное, какъ чистѣйшая глупость. Предостереженіе это нелишено своего историческаго смысла: толки о знаменитомъ чернокнижникѣ, таинственномъ Каліостро, и его искуствѣ дѣлать драгоцѣнныя каменья, были извѣстны и въ Петербургѣ. Разсказываютъ, что этотъ даровитый шарлатанъ, прожившій по его словамъ, 350 лѣтъ, увѣрилъ въ Петербургѣ одну богатую, 60 лѣтнюю старуху, что онъ обратитъ ее въ 17 лѣтнюю дѣвочку. «Письмовникъ» задѣлъ и этого страннаго человѣка, такъ долго морочившаго людей въ просвѣщенный XVIII вѣкъ.

О томъ, какъ были полезны, въ свое время, вышеприведенные вопросы и отвѣты, довольно простымъ и удобопонятнымъ языкомъ объяснявшіе многія физическія явленія, — отчасти свидѣтельствуетъ случайно попавшійся намъ въ руки одинъ изъ ветхихъ экземпляровъ «Письмовника.» На поляхъ его, противъ вопроса: что есть радуга? стариннымъ почеркомъ и поблекшими чернилами написано: «а благодареніе г. сочинителю, ибо по-сихъ-поръ не вѣдалъ, что такое радуга, а равно о приливахъ и отливахъ морскихъ малое понятіе также имѣлъ.» Сколько же было, вѣроятно, такихъ людей, которые не признавались громко въ своемъ незнаніи, почитывая Курганова, смѣясь его выходкамъ и анекдотамъ, обогащались по немногу и существенными знаніями. Кургановъ былъ правъ, назвавъ свой «Письмовникъ» — «полезно-забавнымъ вещесловіемъ.» Въ простой, удобопонятной формѣ, онъ собиралъ цѣлые разговоры о философіи, мифологіи, поэзіи, о кораблеплаваніи, геральдикѣ, о знаменитыхъ писателяхъ иностранныхъ, о системѣ или сложеніи видимаго міра и т. д. Тутъ Кургановъ, вѣчно улыбающійся, перестаетъ смѣяться. Его ироническая усмѣшка смѣняется не тяжелымъ педантизмомъ и риторствомъ, но положительно-серьёзными мыслями. Не смотря на отрывочность и отсутствіе системы въ изложеніи, вы видите тутъ самыя разностороннія познанія и уваженіе къ наукѣ. Весь этотъ отдѣлъ «Письмовника», огромный по объему, помѣщенъ въ послѣдней части. Сказавъ, въ заключеніе, что философія «вымыслила законы и правила ученія, по которому намъ свое житіе и нравы

учреждать долженствуетъ», Кургановъ говоритъ: «Буде человѣкъ природу вещей довольно разсмот-«ритъ, то узнаетъ, откуда онѣ свое начало получили «и на какой конецъ сотворены, когда и какимъ обра-«зомъ опять исчезаютъ, что въ нихъ вѣчно и пре-«мѣнно; при семъ онъ (человѣкъ) всесодержащее и «всеуправляющее существо увидитъ, а притомъ и «самаго себя за гражданина всего свѣта, какъ вели-«каго города, признаетъ» (*). И тутъ же приводитъ слѣдующіе стихи:

«Все философіи ты долженъ человѣкъ!
Безъ ней бы навсегда плѣненъ ты былъ страстями,
Не вѣдалъ бы въ чемъ свой провесть ты долженъ вѣкъ,
И къ счастію придти какими могъ путями.
Она и радостны и горестны часы
Въ своемъ подданствѣ зритъ всегда и управляетъ;
Она блестящею рукой свои красы
На мрачну жизнь твою обильно изливаетъ.
Богатство, честь пріятны только тѣмъ,
Кто давятся за все, иль гордо жизнь весть тщатся.
Но знанія наукъ даютъ премудрость всѣмъ,
И счастливы лишь тѣ, что ими богатятся.»

Болѣе распространятся о кургановскомъ «Письмовникѣ» не будемъ: это значило бы придавать ему болѣе значенія, чѣмъ онъ заслуживаетъ. Если, съ одной стороны, насмѣшка Курганова не была беззуба и безсильна для своего времени, то, съ другой стороны, Кургановъ былъ оригинальный литературный педагогъ прежней русской публики. Ему слѣ-

(*) Письмовникъ, см. «О наукахъ и художествахъ»

дуетъ отвести мѣсто, собственно и исключительно принадлежащее ему въ кругу прежнихъ дѣятелей, которое онъ завоевалъ себѣ своей своеобразной дѣятельностью. Сверхъ того, мы видѣли, что человѣкъ этотъ былъ честный и гордый въ частной жизни, ползнывѣй на службѣ, благородный въ литературѣ и одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Миръ праху твоему, отжившій, добрый человѣкъ; ты не былъ безсердечный, смѣющійся Демокритъ, и твоя честная иронія — любезна сердцу русскому, любящему правду, подчасъ и горькую....

ВОЕЙКОВЪ,

СЪ ЕГО САТИРОЮ:

«ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ».

Странное, удивительное смѣшеніе, какъ въ общественной, такъ и въ литературной своей жизни, представляетъ Воейковъ.

Много душевнаго огня и жару, много дарованій было въ немъ, но еще болѣе — неумѣнья распорядиться ими. Это былъ характеръ одной минуты, одного часа. На характерѣ этомъ прошло и отразилось нѣсколько эпохъ, нѣсколько періодовъ историческаго и литературнаго движенія. И—странное дѣло! — ни къ одному изъ нихъ нельзя отнести его....

Отъ XVIII вѣка, отразившагося у насъ, на Руси, особеннымъ образомъ, онъ наслѣдовалъ легкую либеральную бойкость, раздражительную предпріимчивость и какую-то самодовольную недоконченность въ характерѣ. Отъ XIX столѣтія, которое застало насъ врасплохъ, безъ подготовки, Воейковъ, уже 25-лѣтній юноша, усвоилъ новыя крайности: разгулъ и неразборчивую насмѣшку, безпечность и мотовство, кабинетное отвращеніе къ злу и въ то же время равнодушное умѣнье примириться съ тѣмъ, что въ частной бесѣдѣ, повидимому, волновало всю его

душу. Пылая въ счастливую пору общихъ надеждъ высокими стремленіями, онъ не былъ въ сущности страстно и глубоко привязанъ ни къ одному изъ нихъ. Результатъ былъ тотъ, какого и слѣдовало ожидать въ подобномъ положеніи: неудовлетворенная болѣзненная дѣятельность и отсутствіе опредѣленнаго образа воззрѣній. Они и остались при немъ, какъ свидѣтели, что человѣку страстному, какимъ былъ Воейкомъ по своей природѣ, трудно жить съ пользою для себя и для общества, не имѣя твердой нравственной основы. Это и составило его несчастіе.

Въ позднѣйшую пору (Воейковъ пережилъ Пушкина и дожилъ до временъ Бѣлинскаго) мы видимъ его печальнаго, озлобленнаго, съ редакціею «Русскаго Инвалида» въ рукахъ, горько сѣтующаго на плохія свои обстоятельства, жалующагося на клеветы недоброжелателей и враговъ,—словомъ, во всемъ эгоистически-безотрадномъ положеніи старчества. Не преслѣдуемый рѣшительно никѣмъ, лично извѣстный Великому Князю Михаилу Павловичу, съ обширными связями въ высшемъ обществѣ, онъ не имѣетъ никакой самостоятельности, онъ видитъ вездѣ враговъ. *Массонство, иллюминатство, карбонарство* — вотъ слова, теперь ничего незначащія, но отъ которыхъ сатирикъ «Дома Сумасшедшихъ» приходитъ въ ужасъ. Винить его за это строго не станемъ. Онъ дѣлалъ больше этого: безъ всякой надобности слезно жаловался, что имѣлъ несчастіе воспитываться на Дидро и Вольтерѣ, и письменно и на словахъ наивно разувѣрялъ своихъ сильныхъ

друзей и покровителей, что онъ вовсе не въ родѣ Сен-Мартена и Бёма. Тутъ слишкомъ очевидны и положеніе сатирика, и состояніе умовъ тогдашняго общества. Общество не требовало правды, не хотѣло знать ея, а Воейковъ, не вынесшій изъ своей долгой жизни никакаго завѣтнаго идеала въ душѣ, ни одного твердаго принципа, неизбѣжно долженъ былъ метаться во всѣ стороны и пойти по шаткой дорогѣ.

Не станемъ излагать его родословной. Это и скучно и безполезно. Ограничимся только тѣмъ, что Воейковъ былъ въ родствѣ и въ связяхъ съ весьма сильными людьми міра сего. Въ характеристикѣ его опустить обстоятельства этого нельзя потому, что самъ Воейковъ придавалъ черезчуръ большое значеніе ему: цѣлые листы бумаги онъ исписывалъ громкими именами своихъ друзей и знакомыхъ (*).

(*) Мы могли бы перечислить ихъ всѣхъ; да кому же это любопытно? На поляхъ одной книжки, испещренной рукою Воейкова, мы нашли безчисленное множество замѣтокъ въ такомъ родѣ:

«Въ великій вторникъ (1838) крѣпко занемогъ мой другъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ.

«Умеръ въ мирѣ патріархъ своего семейства, тайный совѣтникъ и кавалеръ разныхъ орденовъ Ѳедоръ Петровичъ Львовъ.

«Былъ на именинахъ у генералъ-лейтенанта Влад. Богд. Б***», и т. д. И тутъ же легкія, презрительныя замѣтки о людяхъ, стоявшихъ на низшей ступени въ обществѣ: «такого-то года (1836) умре Герасимъ Ивановичъ Казаковъ, смотритель Военной Типографіи, обезьяна и кавалеръ».

Эти мелкіе уцѣлѣвшіе факты должны быть занесены въ характеристику Воейкова.

Страсть къ литературѣ охватила сердце Воейкова еще смолоду. Въ первые годы воспитанія своего онъ любилъ уже поэзію, онъ часто брался за перо. Страсть эта рано дала почувствовать ему присутствіе нравственнаго интереса въ жизни; она болѣе всего вызывала его на собственное размышленіе, на мысль, смутно предсказывая будущее призваніе его. Муза, хотя и слабая, уже осѣняла его своимъ волшебнымъ крыломъ, дарила его своими восторгами. Она стучалась уже въ сердце будущаго литератора.

Дѣло это происходило въ Москвѣ, въ стѣнахъ Университетскаго Благороднаго пансіона. Тамъ Воейковъ написалъ неловкія и, быть можетъ, первыя свои риѳмованныя строчки:

«Ахъ, Державинъ, ахъ, Княжнинъ,
Сколько правды гражданинъ
Зритъ и слышитъ въ васъ!
О, какой чарующій Парнасъ....»

Любовь къ родной словесности, къ стиху стояла въ тогдашнемъ воспитаніи на первомъ планѣ. Тогда каждый образованный юноша зналъ наизусть отечественныхъ поэтовъ и въ веселый кругъ товарищей входилъ не иначе, какъ декламируя стихи. Московскій Университетскій пансіонъ, быть можетъ, и мало давалъ тогда научныхъ свѣдѣній, отчасти довольно небрежно обращался вообще съ наукою, за то онъ давалъ бодрость и крылья тогдашнему юношеству; въ немъ совершенно не было тѣхъ скверныхъ учебниковъ, которые впослѣдствіи притупили и самыхъ учителей и ихъ учениковъ. Тогда все за-

висѣло отъ чисто личнаго таланта и воли преподавателя. Между преподавателями встрѣчались люди съ обширнымъ европейскимъ образованіемъ. Скучныя программы не дѣлали имъ на каждомъ шагу преградъ; начальство не хотѣло, чтобъ дѣти выносили изъ заведенія безжизненныя, округленно-казенныя воззрѣнія. Ни одинъ изъ тогдашнихъ профессоровъ ни за что не рѣшился бы голословно сказать, не подкрѣпивши хоть какими нибудь историческими фактами, что Дантонъ, положимъ, былъ чудовище, а Максимиліанъ Робеспьеръ — какой-то извергъ рода человѣческаго.

Этотъ тактъ приличія общественной совѣсти лежалъ и на другихъ сферахъ, между прочимъ и на литературномъ кружкѣ. Тогда еще не издавали ни «*Поучительныхъ разговоровъ въ предосторожность отъ ложнаго упованія*» (*), ни «*Супружеской грамматики, коей мужъ долженъ довести жену свою, чтобъ она съ дѣтками своими была тише воды, ниже травы*» (**); тогда не знали ни «*Графа Гаккельберга, или рыцаря съ серпомъ*», тогда еще самъ Державинъ изрѣдка писалъ шутливо-эротическіе стихи. Время литературной раздирательности, сантиментальности и грубой плоскости настало гораздо позже. Во времена екатерининскія и въ началѣ александровской эпохи ихъ не знали. Люди болѣе солидные и серьёзные читатели «*Публія Овидія Насонуса превращенія*», въ переводѣ знаме-

(*) Изд. въ Спб.

(**) Изд. въ Москвѣ, 1830.

нитаго Козицкаго, «*Персидскія письма Монтескье*», въ переводѣ Рознатовскаго, и «*Созерцаніе писателей латинскаго языка, въ златомъ, серебряномъ, мѣдномъ и желѣзномъ вѣкѣ процвѣтавшихъ*», въ переводѣ нынѣ забытаго труженика Данкова.

Подражая двору, русское общество нарочно устроивало въ своихъ пышныхъ салонахъ литературныя чтенія, принимало съ удовольствіемъ писателей, оказывало почетъ профессорамъ. Многіе изъ профессоровъ и писателей достигали высшихъ государственныхъ мѣстъ, входили не только въ дружество съ такъ называемымъ высшимъ свѣтомъ, но нерѣдко и роднились съ нимъ посредствомъ свадебъ, воспріемничества, общихъ филантропическихъ дѣлъ и т. п. Тогда еще и въ Петербургѣ и въ Москвѣ на публичныхъ экзаменахъ, часто въ присутствіи Державина, Княжнина, Капниста и Хераскова, учитель русской словесности разбиралъ ихъ сочиненія, и лучшій изъ воспитанниковъ залпомъ произносилъ длиннѣйшій монологъ изъ драмы автора, тутъ же сидѣвшаго, и публика съ умиленіемъ посматривала на улыбающееся лицо сочинителя. У юношей, а нынѣ стариковъ, прежняго времени еще хранятся книги съ собственноручными надписями знаменитыхъ тогдашнихъ писателей. Мы видѣли одну изъ нихъ и можемъ сообщить ея содержаніе: «сему, Степану Варышову, отъ Владислава Озерова, за отлично продекламированные стихи онымъ малолѣткомъ изъ моего «Эдипа въ Аѳинахъ». И тутъ же сдѣлана другая приписка дрожащимъ дѣтскимъ почеркомъ, молодая и пылкая, какъ сама юность:

«Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ!
Въ могилѣ буду я, но буду говорить...»

Нельзя не сознаться, что нынѣшніе писатели лишены этой живой, простой связи съ русскимъ обществомъ, съ отечественымъ театромъ и наконецъ съ воспитывающимся юношествомъ, какую имѣли наши предшественники. Общество ли въ томъ виновато, сами ли литераторы, или же были другія причины подобнаго разъединенія — это вопросъ другой. Мы сдѣлаемъ одно только замѣчаніе: напрасно мы клеймимъ это время названіемъ педантическаго и тяжелаго времени. Оно не было такимъ. При всѣхъ недостаткахъ прежней литературы, представители ея своимъ авторитетомъ и вліяніемъ воспитывали, быть можетъ, гораздо болѣе людей въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи, чѣмъ нынѣшніе университеты и различныя заведенія. Нѣкто Быковъ, содержавшій частный пансіонъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія (въ Рязанской губерніи), каждый годъ пріѣзжалъ въ Москву и въ Петербургъ.... зачѣмъ бы, вы думали? на поклонъ къ Мерзлякову, Капнисту и Державину. Онъ показывалъ имъ лекціи, которыя прочитывались въ его заведеніи въ теченіе цѣлаго года. И это дѣлалось не въ видѣ отчета, исполненнаго лжи и громкихъ фразъ, а просто потому, что г-нъ Быковъ интересовался мнѣніемъ извѣстныхъ людей и по ихъ рекомендаціи дѣлалъ выборъ учителямъ. Намъ сказывали, что Капнистъ сдѣлалъ одинъ разъ такое замѣчаніе г-ну Быкову: «давайте юношеству *млеко*, хотя бы жи-

денькое и подмѣшанное; но избави Господи останавливать порывъ его гнилою моралью и скучнымъ преподаваніемъ наукъ» (*).

Воейковъ былъ *первымъ ученикомъ* Московскаго Университетскаго пансіона: имя его было записано на золотой доскѣ пансіона. Кромѣ вышеприведеннаго четверостишія, ничего болѣе неизвѣстно объ этой эпохѣ его жизни. Конечно, потеря въ томъ небольшая, и мы жалѣемъ потому только, что, быть можетъ, утрачиваемъ нѣсколько чертъ изъ нравовъ воспитанія и общества.

Рѣдко кто изъ прежнихъ писателей былъ поставленъ въ такое счастливое положеніе, какъ Воейковъ. Жуковскій, человѣкъ чрезвычайно образованный, завидовалъ его обширнымъ свѣдѣніямъ, и въ этомъ отношеніи, быть можетъ, только одинъ Карамзинъ, работавшій надъ собою постоянно, былъ выше Воейкова. Пансіону ли онъ тѣмъ былъ обязанъ, или же, — хотя это вѣроятнѣе, — самому себѣ, рѣшить довольно трудно. Отъ XVIII вѣка, когда доступъ къ образованію былъ въ Россіи легче и свободнѣе,

---

(*) При этомъ не можемъ утерпѣть, чтобъ не разсказать слѣдующаго довольно характернаго обстоятельства. Этотъ же самый г-нъ Быковъ съ комическимъ отчаяніемъ объявилъ Капнисту, что жена его, Быкова, нюхаетъ табакъ и что она предается этой страсти гласно, при ученикахъ. Капнистъ вспылилъ и, какъ другъ г-на Быкова, съ жаромъ совѣтовалъ запретить женѣ нюханіе табаку на томъ основаніи, что это можетъ преждевременно опошлить значеніе женщины въ глазахъ юношей.

Воейковъ захватилъ болѣе двадцать-пяти лѣтъ (*). Такимъ образомъ, онъ встрѣтилъ александровское время уже не мальчикомъ. Когда будущіе литературные друзья его, Жуковскій, Крыловъ и поэтъ Козловъ, были не болѣе, какъ молодыми людьми въ своемъ обществѣ, Воейковъ уже мечталъ тогда о каѳедрѣ. Вмѣстѣ съ тремя Тургеневыми, — Воейковъ въ своихъ запискахъ громко величаетъ ихъ названіемъ трехъ братьевъ Гракховъ, — вмѣстѣ съ ними онъ читалъ тогда Ѳукидида, Геродота, Тита-Ливія, Дидро, Вольтера, Гельвеція. Маленькій ростомъ, живой и остроумный, съ отличнымъ образованіемъ и хорошимъ состояніемъ, Воейковъ еще до литературной своей извѣстности былъ замѣтенъ въ числѣ лучшаго, отборнѣйшаго московскаго общества. Впослѣдствіи, опираясь съ одной стороны на короткое знакомство съ Нарышкиными, Волконскими, Муравьевыми и Сперанскимъ и находясь съ другой стороны въ родствѣ съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, пріятель Мордвинова, Дашкова, Перовскаго и другихъ, онъ этимъ самимъ пріобрѣталъ большую независимость и въ обществѣ, и въ литературѣ. Даже неумолимый и деспотическій графъ Аракчеевъ, никого не любившій искренно, кромѣ Александра I-го и своей службы, былъ довольно любезенъ къ Воейкову.

(*) Онъ родился 1779 г., 15 января, а по другимъ, кажется, менѣе достовѣрнымъ, указаніямъ въ 1773 г., 15 ноября.

Не будучи честолюбцемъ и любителемъ чиновъ, страстно преданный всему изящному и благородному въ наукѣ и поэзіи, Воейковъ, по сужденію стороннихъ людей, обѣщалъ самую благотворную дѣятельность. Казалось, человѣкъ этотъ состоялъ весь изъ талантовъ и въ началѣ ужь нынѣшняго столѣтія пользовался довольно громкимъ авторитетомъ, не сдѣлавши пока ровно ничего. Онъ написалъ тогда только одну плохую сатиру къ Сперанскому «Объ истинномъ благородствѣ» да работалъ надъ переводомъ вольтеровской «Исторіи царствованія Людовика XIV». Но, несмотря на это, Воейковъ уже считался литераторомъ. Довольствуясь такою легкою побѣдою, пылкій молодой человѣкъ, способный на многое, но слабый и безхарактерный по натурѣ, не спѣшилъ сосредоточиться ни надъ чѣмъ серьёзно. А ему-то слѣдовало дѣлать это скорѣе, чѣмъ кому либо: при безконечной любви къ литературѣ, которая не оставляла его до послѣдняго дня жизни, въ душѣ у него запасу было мало.... Любя горячо славу, онъ не умѣлъ работать для нея. Фантазіи, этого великаго достоинства для всякаго автора, у него было много; но въ немъ высказалось рѣшительное отсутствіе подчинить эту фантазію своему перу, своему рабочему столу. Бойкое, острое словечко, какая нибудь сатира, произнесенная въ обществѣ, совершенно успокоивали его и отводили глаза въ сторону. Врядъ ли даже онъ сознавалъ въ ту пору свое непрочное, драматическое положеніе въ литературѣ, которое, впрочемъ, слишкомъ было очевидно: сатира къ Сперанскому, кромѣ реторики, не

имѣла никакихъ достоинствъ. Но авторъ, довольный своимъ авторитетомъ, весело блисталъ въ гостиныхъ, былъ первымъ ораторомъ въ литературныхъ салонахъ, ловко разбиралъ всякую литературную новость, называлъ князя И. А.—Сократомъ, другаго знакомаго — Платономъ, третьяго — Ксенофонтомъ, и т. д. Все это, конечно, было мило, весело, часто ядовито и умно; въ сущности онъ растрачивалъ свои умственныя богатства, не пріобрѣтая ровно ничего. Свобода мнѣній, неподдѣльнное увлеченіе всѣмъ хорошимъ, открытое восхищеніе честнымъ поступкомъ оставались еще при немъ. При умѣ и живости, они давали хорошую физіономію нашему литератору — безъ сочиненій, поэту — безъ стиховъ, профессору — безъ каѳедры.

Время, между тѣмъ, измѣнялось, дѣлаясь переходнымъ. Спокойная, торжественная лира Державина уже во многомъ не гармонировала тогдашнему порядку, въ литературномъ отношеніи замѣтно стало мельчать, — словомъ, это ужь было обратное шествіе съ Парнаса. Пришло безцвѣтное затишье для поэзіи, когда было пропасть доморощенныхъ поэтовъ и никакой поэзіи, — время поджиданія Жуковскаго и Пушкина. Общество какъ будто зрѣло, но еще жило старыми преданіями и прежними переводами. «*Нѣмецкій Жильблазъ, или приключенія Петра Клаудія*» въ переводѣ Ильина (1795 г.), «*Политическія басни*» Волкова (1762), «*Переписка Екатерины Великой съ господиномъ Вольтеромъ*», въ переводѣ Подлисецкаго и Антоновскаго, «*Человѣкъ въ 40 талеровъ*» Вольтера, въ передѣлкѣ Галчен-

кова, читались и перечитывались съ радостью. Вас. Петр. Петровъ, несмотря на то, что тогда еще жили первостатейные литераторы прежней эпохи, считался прекраснымъ поэтомъ: онъ ѣздилъ по домамъ, читалъ свои вирши, но, поддаваясь духу времени, уже принимался въ часы досуга за свой переводъ «*Потеряннаго Рая*» Мильтона. Знаменитая комедія Капниста «*Ябеда*», изданная въ первый разъ 1798 г., безспорно была самымъ капитальнымъ сочиненіемъ изъ тогдашнихъ оригинальныхъ произведеній. Она уже затрогивала, хотя и на старый ладъ, живыя струны новаго общества. Ею восхищался императоръ Павелъ 1-й, имѣвшій во все короткое свое царствованіе одного только литератора — задумчиваго, честнаго Капниста.

Что̀ жь было болѣе въ переходной литературѣ? Кажется, что ничего: были только люди, порицавшіе все старое, но ничего не дѣлавшіе новаго. И оно понятно: въ обществѣ совершалось болѣе интереснаго, чѣмъ въ литературѣ: тамъ кипѣла драма, силы просились наружу, но не было еще бойцовъ и актеровъ. Это былъ моментъ какого-то недоумѣнья. Борьба изъ-за мѣстъ отставленныхъ екатерининскихъ орловъ, новые любимцы, прощеніе Новикова, ссылки, пышные обѣды, разговоры шопотомъ, неизвѣстность и тревога, — все это, смѣшавшись, придавало лихорадочный характеръ движенія русскому обществу. Но оно шло впередъ. Это было несомнѣнно.

Восшествіе на престолъ Александра 1-го развязало наконецъ прежній узелъ. Потомъ внутреннія

перемѣны да 12-й годъ толкнули русское общество и двинули литературу. Жуковскій, Батюшковъ и Глинка, стоя въ рядахъ русской арміи, начинали получать извѣстность, какъ литераторы. Карамзинъ уже составилъ себѣ имя, какъ стихотворецъ, бельлетристъ и политикъ. Одинъ Воейковъ былъ въ томъ же положеніи, въ какомъ захватило его начало нынѣшняго столѣтія (*). Ничего не сдѣлавши, онъ начиналъ уже отставать; между тѣмъ, ему было 37 лѣтъ.... Первое чувство жолчи, зависти и немощнаго безсилія заговорило въ немъ. Это не совсѣмъ хорошее въ основѣ чувство спасло, однако, его и сдѣлало литераторомъ....

Имѣя 39 лѣтъ на своихъ плечахъ и никакой славы позади, опечаленный Воейковъ, въ 1814 году, 17 марта, напислъ первые знименитые свои стихи:

«Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ.
Не игра воображенья;
Не случайный призракъ онъ:
Нѣтъ, то мщенью предыдущій
И грозящій неба гласъ,
Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.»

Стихи эти вытекли прямо изъ душевнаго настроенія поэта. Они-то и послужили первымъ основаніемъ къ его извѣстной сатирѣ: «Домъ Сумасшедшихъ».

(*) «Сатира къ Сперанскому» была написана въ 1805 г.; переводъ «Исторіи царствованія Людовика XIV» изданъ въ Москвѣ въ 1808 г.

Въ этомъ же, 1814, году Воейковъ окончательно отдѣлалъ первоначальную редакцію своей сатиры и пустилъ ее въ свѣтъ. Какъ умный человѣкъ, онъ понялъ, что сатира эта пріобрѣтетъ только тогда свое значеніе, если онъ постарается придать ей широкіе размѣры, — размѣры общественнаго порицанія. Онъ такъ и сдѣлалъ. Успѣхъ превзошелъ его ожиданія. Мерзляковъ, Жуковскій, Карамзинъ, Батюшковъ, — всѣ должны были попасть въ списокъ жертвъ этой блестящей каррикатуры. Въ обществѣ раздался страшный шумъ, крикъ и негодованіе; но имя Воейкова уже было сдѣлано.

Такимъ образомъ, сатира эта, вытекши изъ чисто личнаго настроенія автора, должна была по смѣлой и открытой своей ироніи пріобрѣсти общественное значеніе, котораго, говоря правду, она вовсе не имѣетъ.

На Воейкова посыпались сплетни и доносы. На него взглянули, какъ на бунтовщика общественнаго спокойствія. Изъ всѣхъ лицъ, выведенныхъ въ сатирѣ, болѣе всѣхъ разобидѣлся П. И. Соколовъ, непремѣнный секретарь бывшей Россійской Академіи, и, въ особенности, нѣкто Кавелинъ, бывшій директоръ Благороднаго пансіона при Педагогическомъ институтѣ. Кавелинъ этотъ принесъ много вреда русскому просвѣщенію: онъ преслѣдовалъ профессоровъ и торжественно жегъ вольнодумныя, по его убѣжденію, сочиненія и печатныя книги (*). Поповъ,

(*) Мы даже знаемъ людей, которые были очевидцами этихъ публичныхъ безобразныхъ кавелинскихъ ауто-да-фе.

бывшій директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, еще болѣе подбрасывалъ жару подъ это вспыхнувшее дѣло. Оно начинало принимать невѣроятный характеръ. Къ числу гонителей Воейкова присоединился еще и покойный А. И. Красовскій.

И, въ самомъ дѣлѣ, какъ было простить этимъ людямъ, скрывавшимъ свои продѣлки и теперь публично выведеннымъ на осмѣяніе? О Кавелинѣ было сказано:

«Какъ! меня лишать свободы
И сажать въ безумный домъ?
Я подлецъ ужь отъ природы,
Сорокъ лѣтъ хожу глупцомъ.»

О Соколовѣ еще рѣзче и ближе къ дѣлу!

«Вотъ онъ, съ харей фарисейской,
Петръ Иванычъ Осударь (**).
Академіи Россійской
Непремѣнный секретарь.
Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ;
Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ.

№ 2.

На дворѣ академіи
Грядъ капусты накопалъ;
Не пріютъ пѣвцамъ Россіи,
А лабазъ — для дегтя складъ!»

Исключая этихъ лицъ да еще бывшаго ректора Петербургскаго университета, Рунича, человѣка

(*) «*Осударь мой*» была любимая поговорка Соколова.

образованнаго, но трусливаго и боявшагося Кавелина, какъ огня, вслѣдствіе чего вся нравственная система его управленія состояла почти въ томъ, что:

Локъ запуталъ умъ нашъ въ сѣти,
Галлеръ сердце обольстилъ,
Кантомъ бредятъ даже дѣти,
Деннеръ правы развратилъ....

кромѣ этихъ лицъ, говоримъ, остальная часть сатиры представляетъ болѣе или менѣе одну ловкую каррикатуру.

Но не такъ взглянуло на это общество. Авторъ «Дома Сумасшедшихъ» чуть было не погибъ за честно сказанную правду о нѣкоторыхъ вредныхъ лицахъ. Не привыкши ни къ какой печатной и писанной правдѣ, общество не умѣло извлечь пользы изъ существенной и, по нашему мнѣнію, лучшей части сатиры: главная, общественная заслуга ея только и состояла въ томъ, что авторъ открыто напалъ на странное направленіе просвѣщенія. Воейковъ здѣсь указалъ на существенное зло, которое подтачивало умственныя силы Россіи. Но молодость нашего общества погубила все дѣло. Враги должны были восторжествовать; автору оставалось обезсилить свой протестъ, а равнодушному обществу остаться отъ этого безъ всякаго выиграша.

Такъ и случилось, хотя дѣло это могло получить болѣе счастливый и полезный оборотъ, потому что сатира косвеннымъ образомъ указывала на недостаточность министерскаго управленія князя А. Н. Голицина, покровительствовавшаго вышесказанныхъ

лицъ. Доносы на автора, между тѣмъ, не смолкали, его хотѣли даже сослать, но это не состоялось, и авторъ оставленъ былъ въ покоѣ. Карамзинъ, котораго Государь и тогда ужь умѣлъ цѣнить, вмѣшался въ это дѣло и въ офиціальной докладной запискѣ къ Сперанскому оправдывалъ сочинителя сатиры, называя его человѣкомъ «отличныхъ дарованій».

Итакъ, воейковская сатира, болтливая и лично-задирательная въ цѣломъ, но дѣльная по отношенію къ народному просвѣщенію, прошла, къ сожалѣнію, безъ благихъ послѣдствій. Въ дѣлѣ этомъ, по нашему мнѣнію, болѣе всѣхъ виновато само общество: оно не умѣло и не хотѣло воспользоваться литературнымъ протестомъ.

За перчатку, ловко брошенную авторомъ, автора даже хвалить не стоитъ: мы видѣли, подъ вліяніемъ какихъ побужденій онъ принялся за свою сатиру; да врядъ ли онъ и заботился о томъ, что она можетъ принести пользу обществу. Въ непріятномъ и печальномъ своемъ положеніи, онъ хлопоталъ только о томъ, чтобъ составить въ литературѣ себѣ имя, и, — это уже слишкомъ очевидно, — даже не сознавалъ важности тѣхъ вопросовъ, которые подымутъ его горячія, даровитыя строчки. До этого момента онъ ни на волосъ не былъ лучше своего общества, которое также легко либеральничало и также легко смотрѣло на всякое общее дѣло.

Но рѣчь теперь не объ томъ. Посмотримъ, что̀ было дальше.

Сатира Воейкова быстро разнеслась по всей грамотной Россіи. Отъ Зимняго дворца до темной квар-

тиры бѣднаго чиновника она ходила въ рукописныхъ, по большей части искаженныхъ спискахъ. Не появляясь нигдѣ въ печати, она тѣмъ болѣе выигрывала въ глазахъ публики. Успѣхъ ея можно сравнить развѣ только съ успѣхомъ гоголевскаго «Ревизора» въ первое время. Молодежъ и литераторы превозносили Воейкова до невѣроятности; старцы и закостенѣвшіе педанты бранили ее съ пѣной у рта. Успѣхъ, слѣдовательно, былъ полный. Выигрышъ, конечно, клонился на сторону автора. Его хотя и наивно, но чистосердечно сравнивали съ Ювеналомъ, объ частной его жизни разсказывали анекдоты, ему отъ души кланялись въ поясъ, онъ сразу овладѣлъ общимъ вниманіемъ. Врядъ ли самъ Пушкинъ, въ началѣ своего поприща, видѣлъ такое бурное, восторженное поклоненіе, какое выпало на долю Воейкова послѣ распространенія его сатиры. Даже Аракчеевъ пожелалъ видѣть въ лицо Воейкова, котораго и представилъ ему Мордвиновъ. Любопытно было бы знать, какого рода литературное замѣчаніе сдѣлалъ автору этотъ замѣчательный самородокъ-вельможа? Намъ извѣстно только то, что представленіе это сохранилось въ памяти Аракчеева: впослѣдствіи, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить, Аракчеевъ принялъ участіе въ одномъ тяжебно-литературномъ процессѣ Воейкова....

Но увлеченіе ненапечатанною сатирою Воейкова было до такой степени грубо и несознательно въ его поклонникахъ, что они, напримѣръ, хвалили и за то, что онъ въ «Домѣ Сумасшедшихъ» вывелъ Темиру Вейдемейеръ, женщину глубоко и сознатель-

но любившую литературу, хвалили и то, что онъ представилъ на посмѣяніе несчастную жену Хвостова, ни къ чему рѣшительно непричастную. Измайлова, журналиста съ талантомъ, принесшаго несравненно болѣе пользы, чѣмъ Воейковъ, и притомъ человѣка отличнѣйшей души, но оригинала и чудака, аристократическіе поклонники Воейкова нагло преслѣдовали (на Петербургской сторонѣ, гдѣ жилъ Измайловъ) этими пошлыми стихами:

Я согласенъ,
Я писатель не для дамъ:
Мой предметъ — носы съ прыщами;
Ходимъ съ музою въ трактиръ
Водку пить, ѣсть лукъ съ сельдями;
Міръ квартальныхъ — вотъ мой міръ!

Но Измайловъ, однако, не оставался въ долгу и умѣлъ отстрѣливаться.... Другія же жертвы, выведенныя Воейковымъ, не имѣли и этого оружія. Это и составляло ту задирательную, мало обдуманную сторону сатиры, которая отнимала ея значеніе и силу въ глазахъ лучшихъ современниковъ и, вслѣдствіе чего, позднѣйшее поколѣніе такъ долго и несправедливо принимало всю сатиру не болѣе, какъ за праздную шутку, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она имѣла свое историческое и серьёзное значеніе въ главнѣйшихъ пунктахъ.

Мы можемъ подтвердить сказанное весьма замѣчательнымъ фактомъ.

Получивши громкую извѣстность, счастливо отдѣлавшись отъ главныхъ враговъ, вездѣ принятый

и обласканный, Воейковъ самыми обстоятельствами былъ приведенъ наконецъ къ уразумѣнію значенія своей сатиры.... Понявъ всю важность насмѣшки для русскаго общества, онъ задумалъ другое дѣло.... На этотъ разъ онъ хотѣлъ дѣйствовать уже сознательно. Скорбя, подобно другимъ образованнымъ людямъ, о жалкомъ и ничтожномъ положеніи бывшей Россійской Академіи, составленной изъ людей заслуженныхъ, но ничего не дѣлавшихъ и бездарныхъ, онъ смѣло задумалъ поколебать авторитетъ бывшей Академіи. Онъ долго думалъ объ этомъ, совѣтовался съ братьями Тургеневыми и съ пріятелемъ своимъ Дашковымъ, наконецъ порѣшилъ избрать прежній, т. е. сатирическій путь, какъ болѣе всего достигающій своей цѣли, чему онъ видѣлъ примѣръ на первой своей сатирѣ. Но какъ приступить къ дѣлу? на кого по преимуществу слѣдуетъ напасть? подъ какимъ именемъ и предлогомъ распространитъ задуманное сочиненіе въ публикѣ? Эта маленькая, крошечная операція, къ которой пристало еще нѣсколько молодыхъ людей, ничего пока не сдѣлавши, шумѣла, кричала, грозилась. Воейковъ болѣе всѣхъ ораторствовалъ, болѣе всѣхъ грозился на Академію.... Его видѣли тогда какимъ-то героемъ, одушевляющимъ весь маленькій свой кружокъ. Казалось, всѣ доблести писателя-гражданина соединились въ немъ; но дѣло отъ этого нисколько не двигалось впередъ. Мало этого: пока они шумѣли, въ обществѣ уже пронесся слухъ, что Воейковъ писалъ новую, еще болѣе возмутительную сатиру. А сатиры-то пока еще ни строчки не было написа-

но: отъ домашней болтовни разнеслись только по городу дурные слухи.

Въ такомъ положеніи Воейковъ, истощившись весь въ разговорахъ и словахъ, принялся за дѣло. Но оно шло вяло и лѣниво. Авторъ чувствовалъ, что онъ повторяется, что въ головѣ его даже не созрѣлъ хорошенько планъ новой сатиры. Онъ озаглавилъ ее чѣмъ-то въ родѣ «Продолженіе Дома Сумасшедшихъ» (*), держался прежняго размѣра и духа, бился нѣсколько дней и все понапрасну. Положеніе было комическое и очень оскорбительное для чувствительнаго, но раздражительнаго и крайне самолюбиваго Воейкова. Друзья насмѣшливо покачивали головой, укоряя своего предводителя. И, въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ одного лишь задорливаго и мелочнаго чувства автора, лишеннаго прямой творческой способности, ни одно изъ произведеній его не могло оставить по себѣ серьёзныхъ слѣдовъ.

Чувствовалъ ли это нашъ авторъ, или нѣтъ, не знаемъ; но онъ скоро женился, потомъ сдѣлался профессоромъ, потомъ переводчикомъ «Садовъ» Делиля, потомъ членомъ той же самой Академіи, которую онъ самъ же прежде бранилъ. Послѣднее обстоятельство вовсе не было переворотомъ, какъ полагаютъ, въ жизни сатирика, а прямое послѣдствіе отсутствія убѣжденій и взглядовъ въ прежней его жизни. И вотъ онъ на акадамическихъ торжествахъ; къ нему ежегодно, по тогдашнимъ обычаямъ,

---

(*) Навѣрное не знаемъ.

обращаются съ такимъ воззваніемъ: «мы видимъ въ числѣ нашихъ высокихъ, просвѣщенныхъ членовъ знаменитаго и славнаго переводчика «Садовъ» Делиля». И Воейковъ спокойно выслушиваетъ это, онъ весьма доволенъ, онъ счастливъ, и съ своей стороны отвѣчаетъ въ такомъ же родѣ. Молодое поколѣніе съ голоса старѣйшихъ подхватываетъ и съ жаромъ восклицаетъ: «знаменитый переводчиикъ Делиля», «славный нашъ Воейковъ»; но что̀ же сдѣлалъ этотъ *славный* Воейковъ? чѣмъ онъ заслужилъ право на извѣстность и любовь? Неужели тѣмъ, что попалъ въ бывшую Россійскую Академію, имъ же обруганную?

До этихъ вопросовъ не добирались тогда, и Воейковъ сталъ пользоваться авторитетомъ академика и переводчика Делиля. Сатиру свою на Академію онъ давно припряталъ. Онъ теперь былъ редакторомъ «Русскаго Инвалида» и, какъ настоящій академикъ, началъ писать извѣстную поэму «*Науки и Искусства*». Около этого же времени въ частномъ письмѣ къ княгинѣ Е. А. В—ой онъ писалъ изъ Петербурга слѣдующее: (*)

«Мы поживаемъ здѣсь тихохонько и скромнехонько: жена часто видается съ Карамзиными, съ К. Ѳ. Муравьевой, съ Н. Ѳ. Плещеевой, а я съ Жуковскимъ, который и живетъ съ нами, съ тремя братьями Гракхами-Тургеневыми, съ достойнымъ генераломъ Засядкою, съ Перовскимъ, Крыловымъ, Гнѣ-

(*) «Библіографическія Записки», 1858, № 9.

дичемъ, Булгаринымъ, (издателемъ *Сѣвернаго Архива*) и съ Гречемъ.

«Не знаю, какъ благодарить Господа Бога за то, что, проживъ $^3/_4$ жизни, я не попалъ ни въ одно тайное политическое или мистическое общество. Это видимый Промыслъ Божій. Ибо, судя по моему воспитанію, которое началось Вольтеромъ и Дидеротомъ, я бы долженъ пройти сквозь всѣ степени массонства, иллюминатства, прикладываться къ Татариновой (ереси), проповѣдывать, какъ Г...., свободу и равенство и, какъ Н...—одной рукой креститься, а другой обкрадывать царя и казну. Ничего со мной этого не случалось».

Дѣйствительно, съ нимъ ничего не случилось, кромѣ слишкомъ обыкновенной исторіи обыкновеннаго русскаго человѣка. Самый умъ и дарованія его съ каждымъ днемъ становились уже и уже. Издавая «Русскій Инвалидъ», онъ мгновенно усвоилъ обычные пріемы: прятать подальше истину и всякую мелочь считать величайшимъ оскорбленіемъ для чести русскаго имени. Дѣйствительно, онъ во всемъ видѣлъ теперь посягательство на оскорбленіе народной нашей гордости, даже тамъ, гдѣ она вовсе не страдала: такъ напримѣръ, на одной изъ петербургскихъ скачекъ онъ нашелъ величайшее униженіе для Россіи..... въ чемъ бы вы думали? въ томъ, что англійскій скакунъ опередилъ донскаго. Онъ объ этомъ жаловался *почтеннѣйшей публикѣ* «Инвалида», и между прочимъ написалъ слѣдующее письмо къ княгинѣ В-ой:

«Знаю, что огорчу патріотическое сердце ваше непріятною для народной нашей гордости новостью. Заранѣе прошу у васъ прощенія; не могу не написать къ вамъ, не облегчить души своей отъ горести и досады.

«Вчера, то есть 4 августа, была та славная скачка между донскими и англійскими лошадьми, о которой газеты пышно возвѣстили уже Европѣ».

Затѣмъ, послѣ самаго подробнаго и утомительнаго описанія всей этой церемоніи, разсказывая, что призъ по справедливости достался англійскому всаднику, Воейковъ приходитъ въ негодованіе и съ риторическимъ краснорѣчіемъ восклицаетъ:

«Если позволено сравнивать великія происшествія съ маловажными, то я сравниваю торжество иноземцевъ со взятіемъ Москвы; но за нимъ не въ продолжительномъ времени послѣдуетъ взятіе Парижа! Англичане, и безъ того весьма надутые, слишкомъ возгоржены своею побѣдою, слишкомъ увѣрены въ искусствѣ наѣзжать скакуновъ, въ превосходнѣйшей, въ единственной въ мірѣ породѣ англійскихъ лошадей. Донцы унижены въ самомъ драгоцѣнномъ для такихъ лихихъ наѣздниковъ чувствѣ, поражены въ самое чувствительное мѣсто ихъ самолюбія. Итакъ это не конецъ! это миръ — на манеръ Тильзитскаго, за которымъ послѣдуетъ война еще кровопролитнѣйшая, и я увѣренъ, что донцы восторжествуютъ блистательно!»

При подобныхъ узкихъ, чисто фельетонныхъ взглядахъ, могъ ли Воейковъ, какъ журналистъ, дать серьезное направленіе своей политической га-

зетѣ «Сыну Отечества» (*), и потомъ другой газетѣ «Русскому Инвалиду», редакція котораго была въ полномъ его распоряженіи? Кромѣ громкихъ фразъ, безъ огня и жизни, да жиденькихъ описаній отечественныхъ происшествій, да выписокъ, сдѣланныхъ безъ всякой системы изъ иностранныхъ газетъ,—ничего болѣе не представляетъ воейковскій «Инвалидъ». А между тѣмъ, сколько жертвъ было принесено для этого дѣла: онъ бросилъ свою дерптскую профессуру собственно за тѣмъ, чтобъ быть издателемъ политическо-литературнаго журнала въ Россіи; онъ собственно для этого расширилъ свои аристократическія знакомства, и сколько хлопоталъ: сколько заискивалъ у генерала Засядки!....

Если взглянуть на журнально-политическое поприще Воейкова съ другой стороны, то оно еще менѣе оправдываетъ его. Воейковъ слишкомъ хорошо былъ подготовленъ для этого дѣла: не говоря уже объ огромномъ, энциклопедическомъ образованіи его, драгоцѣнномъ для всякаго издателя, — онъ объѣздилъ чуть-ли не всю Россію вдоль и поперегъ, и въ какое еще время! тотчасъ послѣ отступленія Французовъ изъ Россіи; слѣдовательно, могъ присмотрѣться и къ нуждамъ, и къ радостямъ русскаго народа, совершивъ, и вполнѣ безкорыстно, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ путешествій, когда-либо сдѣланныхъ русскимъ литераторомъ по

(*) Онъ издавалъ его вмѣстѣ съ г. Гречемъ.

своему отечеству. Онъ тогда и говорилъ, и писалъ «О пользѣ путешествія по отечеству». Но отчего же все это осталось втунѣ, не сказалось ни въ одной изъ его статей? Но пойдемъ далѣе: Воейковъ наконецъ имѣлъ живой примѣръ на своихъ глазахъ—бывшій «Вѣстникъ Европы, который, какъ журналъ политическій, давалъ въ свое время, памятное Воейкову, нѣкогда сотруднику этого журнала, добросовѣстныя и прекрасныя статьи. Ихъ можно читать съ наслажденіемъ и пользою даже въ настоящее время, тогда какъ «Инвалидъ» Воейкова былъ настоящій инвалидъ: бойкій на заученыя фразы, выученныя изъ артикула, щедрый на восклицанія и крики, но отсталый и неспособный на другое дѣло.

Если читатель намъ не вѣритъ, то пусть потрудится прочесть «Русскій Инвалидъ» Воейкова хоть за нѣсколько мѣсяцевъ. Мы увѣрены, что онъ вполнѣ согласится съ нашимъ мнѣніемъ.

Но Воейковъ, избалованный похвалами своего кружка, этого не замѣчалъ. Какъ редакторъ «Русскаго Инвалида», онъ не могъ жаловаться вначалѣ на равнодушіе русской публики: по собственноручнымъ счетамъ его, мы видимъ, что газета эта приносила (въ 1824 г.) чистаго дохода 73 тысячи ассигнаціями; но съ каждымъ годомъ цифра эта начинаетъ уменьшаться и уменьшаться. Подписчики, поддавшіеся вначалѣ авторитету автора: «Дома Сумасшедшихъ», стали отпадать, что конечно приноситъ не малую честь вкусу тогдашнихъ подписчиковъ. Воейковъ между тѣмъ все еще гремѣлъ въ

своемъ аристократическомъ и литературномъ кружкѣ: ему писали посланія, Жуковскій расхваливалъ его въ своихъ стихахъ, Пушкинъ называлъ его своимъ «*высокимъ покровителемъ и знаменитымъ другомъ* (*), но публика смотрѣла на это иначе.

Находясь въ такомъ странномъ и замѣчательно-фальшивомъ положеніи, Воейковъ рѣшительно не зналъ, какъ расположить къ себѣ вниманіе публики. Пушкинъ могъ быть равнодушенъ къ ней, по Воейкову, какъ журналисту, было совсѣмъ другое дѣло.

Смѣло можно сказать, что ни одинъ изъ писателей не былъ въ такомъ двусмысленномъ положеніи, какъ Воейковъ. Жуковскій и Пушкинъ упрашивали его, Воейкова, взять подъ свое покровительство вышедшіе «Вечера» Гоголя, а между тѣмъ самъ Воейковъ болѣе всѣхъ нуждался въ покровительствѣ. Пользуясь давнишней репутаціей когда-то злаго сатирика и знаменитаго критика, онъ дальше порога своего кружка не имѣлъ теперь никаго значенія. Гоголь съ своею всегдашнею проницательностью скорѣе всѣхъ понялъ это,—потому, можетъ быть, и отправился, какъ новичекъ, къ г. Булгарину.... И Гоголь, если только смотрѣть на это со стороны одной, практической, — былъ совершенно правъ: г. Булгаринъ, не имѣвшій въ лучшемъ кружкѣ литераторовъ ровно никакого вѣсу, былъ очень силенъ въ публикѣ: его слушали, его читали, восхищались

(*) См. Библіографическія замѣтки: «Письма А. С. Пушкина.»

его романами, а про Воейкова, исключая своего кружка, давно перестали говорить въ остальной Россіи. Въ то время, когда еще не умѣли строго различать направленій и идей авторовъ, г. Булгаринъ, жеското бранимый литераторами, пользовался большимъ кредитомъ почти во всей Россіи. И оно понятно: г. Булгаринъ, хоть вкривь и вкось, давалъ умственную пищу своимъ многочисленнымъ читателямъ, а Воейковъ ровно ничего не давалъ. Ему было слишкомъ далеко до авторскихъ и журнальныхъ дарованій Булгарина, которыми тотъ владѣлъ, въ свое время, мастерски и съ несомнѣннымъ талантомъ.

Между тѣмъ литературное положеніе Воейкова съ каждымъ днемъ начинало запутываться. Для него наступаетъ борьба. Борьба эта грозитъ поглотить все шаткое его прошедшее. Поссорившись, по одному семейному обстоятельству, съ Алек. Ив. Тургеневымъ и Жуковскимъ, онъ еще болѣе находится въ безнадежномъ положеніи. Съ однимъ пустымъ авторитетомъ, безъ всякаго значенія въ глазахъ читающей публики, онъ какъ будто начинаетъ догадываться, что онъ ни болѣе ни менѣе, какъ человѣкъ своего кружка, что для него нѣтъ твердой почвы въ литературномъ мірѣ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи онъ дѣлаетъ послѣднее усиліе: затѣваетъ два чисто-литературныхъ предпріятія, въ видѣ прибавленій къ своему «Инвалиду». Такимъ образомъ произошли на свѣтъ два отдѣльныхъ періодическихъ изданія: «*Новости литературы*» и «*Славянинъ*». Но, увы! — и они не помогли Воейкову.

Это горестное событіе записано въ рукописномъ дневникѣ Воейкова, который, въ числѣ прочихъ матеріаловъ, находится теперь у насъ подъ рукою (*). Вотъ что въ немъ сказано:

«А. А. (то есть, Александра Андреевна, жена Воейкова, урожденная Протасова, племянница Жуковскаго, воспѣтая имъ подъ именемъ «Свѣтланы») — Александра Андреевна рѣшила выдавать прибавленія къ «Инвалиду» книжками. Что-то будетъ? Горе, горе, горе живущимъ на землѣ!»

Потомъ, перевернувши нѣсколько страницъ, читаемъ: «Мировая. У Воейкова литературный завтракъ, на коемъ присутствовали: Жуковскій, Крыловъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, Гнѣдичъ, Козловъ, баронъ Дельвигъ и Баратынскій.... Воскресни Господи, помози намъ и избави насъ имене ради твоего.»

(*) Кстати, мы еще не сказали читателю, откуда мы все это почерпаемъ. Совершенно случайно намъ попались довольно богатые матеріалы объ Александрѣ Ѳедоровичѣ Воейковѣ. Кромѣ огромнаго его дневника, подъ заглавіемъ: *«Мои поденныя Замѣтки»*, мы пользуемся еще двумя, также собственноручными *«Памятными книжками»* его и *«Книгой хваленій, или Псалтирью на россійскомъ языкѣ»*, которая, замѣтно, была неразлучна съ Воейковымъ въ послѣднее время, ибо она вся исписана его дорожными, домашними и литературными замѣтками послѣдняго періода. Другими же свѣдѣніями мы обязаны людямъ, знавшимъ коротко покойнаго Воейкова. Одинъ изъ родственниковъ его, г. Павловъ, сообщилъ намъ также много интереснаго, за что мы и приносимъ ему свою искреннюю благодарность.

Но видно трудно было воскреснуть дряхлому «Инвалиду» и, несмотря на покровительство первостатейныхъ литераторовъ-пріятелей, несмотря на то, что Баратынскій, пріѣхавшій изъ Финляндіи вмѣстѣ съ Дельвигомъ, далъ своихъ стиховъ для «Новостей Литературы» и «Славянина», что Козловъ обѣщалъ дать балладу «Вечеръ послѣ грозы», — дѣла по «Инвалиду» съ каждымъ днемъ запутывались.

«Новая бѣда!» говоритъ Воейковъ. «Ничего не помогаетъ! газетная экспедиція сердится за жалобы на неисправное доставленіе «Инвалида» подписчикамъ. Надобно отписываться, оправдываться тогда, когда я хотѣлъ бы плакать и грустить. Я боленъ душою и тѣломъ.... О, долги, долги! доведете вы меня до бѣды! К-ва подала ко взысканію два заемныя письма на меня въ 1,500 р. Управа благочинія предписала частному приставу описать мое недвижимое имѣніе, а въ случаѣ, если онаго нѣтъ, то движимое. О не выѣздѣ же изъ города и не передачѣ вещей въ другія руки — имѣть надзоръ. Какой срамъ! Я жаловался, въ свою очередь, Ш* на экспедицію: она совсѣмъ не занимается своею должностью и обезпорядочной пересылкѣ «Инвалида» безпрестанныя происходятъ жалобы.»

Но одинъ частый случай выручаетъ на время Воейкова, и онъ съ добродушной, веселой безпечностью заноситъ въ свой дневникъ: «....Итакъ, безпокойства о долгахъ кончились. Во вторникъ взношу деньги Однакожь, сдѣлай милость, Воей-

ковъ! берегись долговъ, безпорядочности, а то, рано или поздно, доживешь до бѣды».

И бѣда, въ самомъ дѣлѣ, явилась и стала передъ нашимъ безпечнымъ редакторомъ въ самомъ гадкомъ и безобразномъ видѣ. Знакомый его, Пезаровіусъ (*), узнавъ объ растроенныхъ дѣлахъ по редакціи «Инвалида», объ отсутствіи статей, вздумалъ отнять у Воейкова послѣднее его спокойствіе и достояніе.

«Печальное, убійственное извѣстіе, — пишетъ Воейковъ, — извѣстіе о злодѣйскомъ покушеніи Пезаровіуса. Онъ подставилъ израненнаго и крестами обвѣшаннаго полковника, который будетъ просить лично Императора и графа Аракчеева о томъ, чтобы ему отдали «Инвалидъ.» Господи, постави на камени нозѣ мои и исправи стопы моя. Вскую оставилъ мя еси?»

И вотъ начинается цѣлое огромное дѣло. Редакторъ нашъ въ ужасномъ положеніи. Онъ также легко поддавался горю, какъ и радости, поэтому можно судить, что̀ испытывалъ онъ въ это время! Намъ даже грустно выписывать его безсильныя, горькія строки.

А дѣло между тѣмъ росло. Къ числу враговъ присоединяются еще новые, именно—два вѣчно-неразлучныхъ писателя.... Именъ ихъ называть нечего,

---

(*) Мы это разсказываемъ по собственноручнымъ запискамъ Воейкова; но насколько онъ былъ неправъ или правъ противъ Пезаровіуса — мы этого не знаемъ.

а пусть одинъ будетъ, положимъ; г.—ъ, а другой г. — ь (*).

«Могъ ли я ожидать,—разсказываетъ Воейковъ:— что на порогѣ ждетъ меня вѣсть убійственная, громовая? Безчестный извергъ — ъ подалъ на меня въ комитетъ доносъ, съ желаніемъ отнять у меня «Инвалидъ.» Къ счастію, Жуковскій, какъ ангелъ утѣшитель, прискакалъ изъ Павловскаго, успокоиваетъ и утѣшаетъ меня. Но какой тутъ покой!»

«Хлопоталъ, и бѣгалъ, и скакалъ, какъ бѣшеный. Подлый корыстолюбецъ — г. — ь, проповѣдующій добродѣтель, и вольность, и равенство, не устыдился изъ денегъ, изъ зависти сочинить на меня доносъ, поданный—ъ, и самъ своею рукою переписалъ его! За то какое презрѣніе оказываютъ имъ обоимъ всѣ честные люди; что выслушали они отъ Жуковскаго, Р* и Василья Николаевича Берха.... Между тѣмъ, мое положеніе жестоко.... Что будетъ съ дѣтьми и женою моею, если бездѣльникамъ посчастливится отнять у меня «Инвалидъ»? Я буду нищій: ибо потерялъ 6,000 рублей отъ—а, какъ сотрудникъ его газеты; 2,000 рублей доходу, какъ профессоръ русской словесности въ Артиллерійскомъ училищѣ. Азъ же на тя, Господи, уповахъ. Въ руку твою жребіи мои: избави меня изъ рукъ врагъ моихъ и отъ гонящихъ мя.»

(*) Въ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 37, 1859 г.) было сказано: «Авторъ называетъ участниковъ въ немъ (въ этомъ дѣлѣ) окончательными буквами ихъ фамилій: г. — ъ и г. — ь. Къ чему эта скромность? Назовемъ ихъ прямо: Булгаринъ и Гречь».

Когда это дѣло кипѣло и двигалось впередъ, когда на одной сторонѣ стоялъ Пезаровіусъ съ своимъ израненымъ полковникомъ, а на другой —ъ и —ь, у Воейкова въ довершеніе всего возникъ прежній процессъ съ книгопродавцемъ Глазуновымъ.

Процессъ этотъ, нисколько нелюбопытный для читателя, важенъ однако для нашей, еще никѣмъ нетронутой исторіи литературныхъ разбирательствъ въ Россіи, тѣмъ, что въ немъ принялъ участіе Аракчеевъ, потомъ Милорадовичъ. Участіе послѣдняго понятно; какъ губернаторъ столицы, онъ конечно долженъ былъ войти въ это дѣло, но вмѣшательство Аракчеева было необыкновенно. Неизвѣстно, какія только побудительныя причины были къ тому: минутное ли прежнее знакомство съ авторомъ «Дома Сумасшедшихъ», или же просто капризъ; но какъ бы то ни было, Аракчеевъ самъ пересмотрѣлъ все дѣло, принялъ сторону, совершенно правую, сатирика, и вообще онъ велъ себя въ дѣлѣ этомъ съ мягкой деликатностью.

«Не знаю, какъ графъ обращается съ другими,— пишетъ Воейковъ,—и строгъ ли онъ съ подчиненными; я же не могу нахвалиться его нѣжностью, ласковымъ обращеніемъ и разсудительностью. Я говорилъ съ нимъ очень твердо и смѣло и видѣлъ, что сіе не досаждало ему и было пріятно.»

Первое и вѣроятно послѣднее вмѣшательство Аракчеева въ процессъ чисто-литературный не осталось безъ послѣдствій. Воейковъ былъ оправданъ. Но спокойствіе это было непродолжительно: кромѣ прежняго, неконченнаго дѣла съ Пезарові-

усомъ, полковникомъ и компаніей, присоединились еще новыя мелкія непріятности.

«Сердце мое предчувствовало, — говоритъ Воейковъ:—и я, въ шесть часовъ вечера, въ понедельникъ, воротился изъ Царскаго Села, гдѣ противъ обыкновенія было очень мнѣ грустно и я даже по очаровательнымъ садамъ его не прогуливался. Сидѣлъ дома и читалъ «Задига.» Что ни говори, а Вольтеръ — философъ глубокомысленный и тонко зналъ свѣтъ и сердце человѣческое!

«Возвратясь, я нашелъ письмо отъ директора военной типографіи. Онъ пишетъ: «Для донесенія исправляющему должность начальника главнаго штаба Его Величества нужно имѣть свѣдѣніе: кто сочинитель статьи *О понтонахъ*, и по какому случаю оная къ вамъ доставлена, и собственное ли желаніе его было напечатать ту статью въ военныхъ вѣдомостяхъ?» Я тотчасъ отвѣчалъ, что сочинитель оной генералъ-майоръ Фитцтумъ лично далъ мнѣ сію статью для помѣщенія въ «Инвалидѣ», и даже позволилъ исправить въ слогѣ.»

«Удивительное сцѣпленіе напастей: бѣда за бѣдою. Ну, Воейковъ, держись! За простой анекдотъ о томъ, что одна женщина родила звѣря, начальникъ и другъ мой, генералъ Засядко разсердился на меня, какъ будто за умышленное злодѣйство. Ему представилось, что жена его, нынѣ беременная, отъ воображенія родитъ медвѣдя. Теперь это немудрено будетъ: ибо она видѣла предъ собою звѣря разъяреннаго. Прощайте, ваше превосходительство! прощайте, Александръ Дмитріевичъ. А! вижу, что

съ вами надо быть осторожну въ словахъ, а я привыкъ давно растегивать свою душу въ дружескомъ обращеніи.»

Тутъ несчастный Воейковъ рѣшительно теряется и, по безсилію своего характера, то впадаетъ въ какое-то странное суевѣріе, то ожесточается противъ всего, то хватается за новые планы.

«Горе, горе, горе живущимъ на землѣ! — пишетъ онъ: — со вторника на середу Елисавета Максимова З*** видѣла сонъ, и сонъ чудный: — знакомая женщина, въ черномъ платьѣ, которую она, однакожь, въ лицо не узнала, подошла къ ней и сказала: «*я умру, и ты умрешь*». Она со слезами разсказала объ этомъ мужу. Черезъ четверть часа послѣ того, мужъ получилъ мою записку о кончинѣ сестры Марьи Андреевны и, несмотря на мужество своего характера, испугался. Жена его также беременна.... Господи! неужели сонъ сей пророческій?»

«Сей день достопамятенъ тѣмъ, что няня Авдотья отъ срама и отъ мерзавца Якова скрылась въ Рязань, въ объятія Т-ва. Она жила 19 лѣтъ въ нашемъ домѣ, очень умна и все дѣлать мастерица; но зла, воруетъ отъ покупокъ и развратна. Ничего нѣтъ святаго!»

«Былъ въ маленькомъ театрѣ. Возвратясь домой, разгорячился до подлости и прибилъ дурака Алексашку за то, что онъ забылъ истопить печь».

«Привелъ въ порядокъ бумаги свои по «Инвалиду» и разложилъ ихъ для скорѣйшаго пріисканія по годамъ. Послалъ отвѣтъ въ комитетъ».

«Дѣлай людямъ добро! Пьянешка Іосифъ лежитъ боленъ съ перепоя, программа не сдѣлана, сижу

самъ и едва успѣваю. — Жуковскій пріѣхалъ изъ Павловска. Онъ не совѣтуетъ мнѣ идти въ царскосельскіе директоры лицея. Да будетъ воля Божія, а доказательства Жуковскаго нелѣпы и смѣшны».

«Получилъ жестокій и несправедливый приказъ отъ генерала Засядки, за употребленіе слишкомъ многихъ эпитетовъ для показанія степеней прилежанія, дарованія и успѣховъ въ наукахъ Артиллерійскаго училища офицеровъ и юнкеровъ. Впередъ для меня наука!»

«Былъ у Кутузова и у Куницына за извѣстнымъ дѣломъ.... Куницынъ обнадеживаетъ, а у Кутузова былъ кто-то посторонній и помѣшалъ мнѣ объясниться. Вечеръ провелъ у графа Ком. и М***».

«Всѣ бѣгутъ, всѣ оставляютъ меня! только и нахожу отраду и поддержку въ домѣ Карамзина. Онъ одинъ, одинъ не отталкиваетъ отъ себя несчастнаго и убитаго Воейкова».

«Бѣдный, добродѣтельный старецъ Сергѣй Михайловичъ потерялъ единственную дочь свою Варвару Сергѣевну, скончавшуюся 7-го апрѣля горячкою, которая есть слѣдствіе огорченій, сдѣланныхъ отцу ея корыстолюбивымъ властолюбцемъ».

— Нѣмцы злодѣйски оклеветали меня передъ генераломъ. Они хотятъ отнять у меня мѣсто инспектора Артиллерійскаго училища. Директорство по лицею не удается. Берегись, Воейковъ, будь остороженъ, веди себя благоразумно».

«Отъ Алек. Ив. Тургенева письмо оскорбительное и огорчительоое: можно много терпѣть, но всякому терпѣнію человѣческому есть границы: кто не объ-

являетъ своего права на опекунство надо мною? кто не вмѣшивается въ дѣла мои? Боже, подкрѣпи и даруй мнѣ смиреніе и терпѣніе».

«Жестокое письмо отъ А. А. и убійственное отъ Жуковскаго. Ек. Аф. совершенно овладѣла имъ».

«Жду съ надеждою, а больше со страхомъ Жуковскаго. Что̀ могу я ожидать отъ глупца, который живетъ въ эѳирѣ, который погубилъ собственное счастье, исполняя волю Ек. Афан., сошедшей съума на слезахъ ложной чувствительности и пожертвованіяхъ»?

«А. А. отказался дать совѣтъ о лицейскомъ директорствѣ. Жалкій Воейковъ! тебѣ велятъ жить своимъ умомъ, а ты его давно прожилъ. И въ этомъ случаѣ можешь сказать: *мнѣ жить нечѣмъ*!»

Мы нарочно дѣлаемъ эти выписки, которыя лучше всего характеризуютъ Воейкова. Тутъ не надо толкованій: онъ весь здѣсь виденъ, съ его пустотою, безсиліемъ, раздраженіемъ противъ тѣхъ, которые дѣлали ему добро (какъ напр. Жуковскій). — Онъ, впрочемъ, и не могъ претендовать на искреннюю любовь другихъ, по своему уклончивому, льстивому и мелкому характеру, бойкому только у себя, въ комнатѣ, но униженно заискивающему при первомъ удобномъ случаѣ.

Находясь въ такомъ дѣйствительно жалкомъ и горькомъ положеніи, Воейковъ въ довершеніе всего получилъ отъ одного писателя, бывшаго своего пріятеля, вызовъ на дуэль.

«Неистовый и гнусный Б*, — разсказываетъ Воейковъ въ своемъ дневникѣ, — написалъ ко мнѣ вызовъ

на дуэль. Я отвѣчалъ, что готовъ и что онъ можетъ явиться къ Вас. Алек. Пер , которому скажу условія дуэли. Вотъ они: изъ двухъ пистолетовъ одинъ долженъ быть заряженъ пулею, другой не заряженъ. По жребію выбирать и, приставивъ къ груди, стрѣлять. Я не люблю шутокъ, съ нѣкотораго времени не дорожу жизнью. А въ этомъ дѣлѣ говоритъ чувство оскорбленной чести, правота и народная гордость».

«*На другой день.* Цѣлое утро прождалъ, что Б* въ неистовствѣ и разъяренный явится къ моему секунданту Пер. вызывать рѣшительно и назначить день — стрѣляться: но, увы! онъ не приходилъ».

«*Черезъ день.* Б*, выведенный изъ терпѣнія и посрамленный насмѣшками Дельвига, рѣшился въ самомъ дѣлѣ стрѣляться, если я не дамъ ему писменнаго свидѣтельства, что не называлъ его *трусомъ*. Съ симъ предложеніемъ пріѣзжалъ ко мнѣ поэтъ Р*. Сначала, я рѣшительно отказалъ ему; потомъ поѣхалъ съ нимъ къ Вас. Алек. Пер — му, котораго можно дѣлать судьею въ дѣлѣ чести. Онъ рѣшилъ, *что мнѣ неунизительно увѣрить Б* письмомъ, что я не называлъ его трусомъ.* Письмо написано и окончено тѣмъ, что я прошу Б* оставить меня въ покоѣ и забыть, что я существую на свѣтѣ».

Процессъ по «Инвалиду» между тѣмъ тянулся, терзалъ несчастнаго Воейкова, отнималъ послѣднія душевныя его силы. Прежній авторитетъ его окончательно начиналъ падать и въ литературномъ кружкѣ. Его ужь не любили, его уже не слушали.

Одинъ только нашъ стихотворецъ, графъ Хвостовъ, еще боялся критическихъ замѣчаній угасающаго сатирика. Желая задобрить его, Хвостовъ, бывъ въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, призвалъ воейковскаго старосту, увѣщевалъ его повиноваться властямъ, собрать часть оброка и отправить къ сатирику, сильно нуждавшемуся въ деньгахъ. Воейковъ дѣйствительно получилъ эти деньги; но, разузнавъ всю исторію эту отъ самаго же Хвостова, съ горечью преизнесъ: «все погибло для Воейкова, его страшится — одинъ только графъ Хвостовъ»! Кажется, что въ это же время, подъ вліяніемъ душевной горечи, онъ и написалъ на него свою ѣдкую сатиру:

Хвосты есть у синицъ,
Хвосты есть у лисицъ,
Хвосты есть и у кнутовъ, —
Такъ бойся же Хвостовъ!

Еще разъ, на короткій разъ, удалось Воейкову украсть у судьбы нѣсколько радостныхъ дней. Счастье какъ будто къ нему вернулось, но для того, чтобъ уйдти отъ него навсегда.... Вотъ что онъ разсказываетъ:

«Испуганный своимъ злодѣйствомъ — ь, обруганный, какъ подлецъ, моимъ добрымъ Жуковскимъ, пылкимъ Р*** и Гнѣдичемъ, прибѣжалъ ко мнѣ и увѣрилъ, что онъ уговоритъ своего разбойника и друга — а — взять назадъ бумагу свою. По совѣту Жуковскаго, я пошелъ къ — а — въ 7 часовъ вечера и съ нимъ къ — у —. Щадя его, сколько возможно, я прочиталъ ему исторію хорошихъ дѣлъ, за коими

послѣдовала цѣпь дѣяній одно другаго подлѣе, одно другаго безсовѣстнѣе. Онъ далъ мнѣ слово ѣхать къ управляющему дѣлъ по комитету раненыхъ и взять назадъ бумагу. И Александръ Ивановичъ Тургеневъ, забывъ вражду ко мнѣ, сильно и съ благородствомъ вступился за меня».

«*На другой день.* Встрѣтился на Невскомъ проспектѣ съ — ъ, у котораго на лицѣ написанъ срамъ и угрызеніе совѣсти. Онъ искренно готовъ поправить испорченное, онъ забылъ и про нашу дуэль, и сказалъ мнѣ, что сдѣлалъ доносъ изъ *отчаянія*. Непонимаю этой эдиповой загадки, а желалъ бы разгадать и, если возможно, помочь ему. Онъ очень жалокъ и совсѣмъ потерялся».

«*Черезъ день.* Все еще дѣло не кончено съ — ъ — и можетъ имѣть непріятныя послѣдствія. Жду не дождусь, чтобы приняться за работу литературную. Жуковскій на балѣ у графа Кочубея говорилъ о замыслахъ Пезаровіуса, — а — и — а — противъ моего «Инвалида», и о томъ, какъ Пезаровіусъ старается, чтобъ «Инвалидъ» сдѣлали казенною газетою, а его — издателемъ, разумѣется, съ большимъ жалованьемъ.»

«*На слѣдующій день.* Наконецъ, Павелъ Васильевичъ Кутузовъ, помуча порядочно—а—, возвратилъ ему бумагу его объ «Инвалидѣ» (писанную и переписанную рукою его друга — а —). И я вздохнулъ свободно! Вечеромъ получилъ отъ — а — дружескую записку, заплакалъ, побѣжалъ обнять его, нашелъ тамъ благороднаго Р*** и просидѣлъ очень пріятно до десяти часовъ.»

«*Черезъ нѣсколько дней.* Начинаю опять знакомиться съ счастьемъ, съ поэзіею и съ природою. Перевелъ нѣсколько стиховъ! Куражъ Mr. Woeykoff! впередъ!

«Ѣздилъ въ Павловскъ къ Жуковскому; засталъ его на порогѣ. Онъ обрадовалъ меня вѣсточкою, что вдовствующая Императрица, безъ вѣдома его, назначила его учителемъ будущей Великой Княгини, супруги Михаила Павловича. Для меня это пріятнѣе и выгоднѣе, чѣмъ самому быть Ея учителемъ. Куражъ, мосье Воейковъ!»

Но внутренняго, душевнаго куража, самаго драгоцѣннаго для каждаго писателя, уже не могло быть въ душѣ мосье Воейкова. Онъ выдохся окончательно, все разсчитывалъ на Жуковскаго, да на другихъ сильныхъ друзей своихъ, усиленно пересматривалъ, провѣтривалъ и перечищалъ свои старые стихи, — и все напрасно: новаго онъ ничего уже не могъ сдѣлать. Онъ въ это время работалъ болѣе, чѣмъ когда либо въ своей жизни, и писалъ, и передѣлывалъ, и выправлялъ вдѣ свои сочиненія. Онъ готовилъ ихъ тогда для новаго изданія. *Первая часть* состояла изъ посланій, сатиръ, лирическихъ и мелкихъ стихотвореній; *вторая* — «Сады» Делиля; *третья* — Виргиліевы эклоги и георгики; въ *четвертую часть* должна была войти поэма «Искусства и науки». Кромѣ того, онъ переводилъ тогда цѣлые огромные отрывки: «*Огибели Камбизовой арміи въ пескахъ Ливійскихъ*», «*О дамской химіи*», и неусыпно работалъ по редакціи своихъ журналовъ. Сатиру свою «Домъ Сумасшедшихъ» подвергнулъ

третьей редакціи, вписывалъ туда цѣлыя, огромныя новыя строфы, но сатира отъ этого ничего не выигрывала, а теряла много....

Результатъ былъ одинъ: старое оставалось по старому, то есть попрежнему не имѣло особенныхъ достоинствъ, за исключеніемъ развѣ «Дома Сумасшедшихъ», — а новое ему не удавалось. Съ редакціей «Инвалида» онъ промаялся еще два, три года; но, несмотря на всѣ усилія и рвеніе, въ декабрѣ, 1826 года, у Воейкова былъ отнятъ «Инвалидъ». Хотя онъ попрежнему оставался повидимому въ довольно близкихъ сношеніяхъ со всѣми лучшими литераторами, но литературное одиночество его обнажилось вполнѣ. Объ немъ стали говорить болѣе, какъ о несчастномъ человѣкѣ, чѣмъ о литераторѣ. Порой, какъ бы напоминая прошедшее, ему удавалась новая эпиграмма, которыми онъ славился когда-то, — но и новая эпиграмма выходила теперь повтореніемъ прежняго:

Ага, попалась мышъ, — умри, спасенья никакого!
Ты грызть пришла здѣсь Дмитріева томъ,
Межь тѣмъ, какъ у меня валялись подъ столомъ
Творенія Хвостова.

Или же:

Для храма новаго явилось ново чудо:
Хвостовъ скорпалъ стихи и, говорятъ, не худо.

Но стишками подобными было невозможно теперь обратить на себя вниманіе. На глазахъ самого Воейкова, наступило другое время: новое поколѣніе занимало мѣсто прежняго. Привычки стараго литера-

турнаго міра начинали уже забываться, сглаживаться, пріобрѣтеніе имени въ литературѣ дѣлалось труднѣе На сценѣ уже были Гоголь, Пушкинъ, Языковъ и Крыловъ. Время шло, явились новые интересы, по рукамъ ходила рукописная комедія Грибоѣдова, — слѣдовательно, теперь было не до «Дома Сумасшедшихъ». Эпоха была другая, только не для Воейкова. Онъ попрежнему суетился, хлопоталъ, не оставлялъ своей литературы и службы, ходилъ въ Академію, подбиралъ и сочинялъ остроты на сотоварищей — академиковъ, Шишкова и Хвостова, почти постоянно бывалъ веселъ, и только порою ѣдкая горечь давила его сердце.

Въ одинъ дождливый октябрскій вечеръ, въ домѣ его играли въ фанты — *вопросы* и *отвѣты*. Поэтъ Языковъ, бывшій на этомъ вечерѣ, отвѣчалъ безпрерывно стихами остро и пріятно; наконецъ, спросили у задумавшагося Воейкова: въ какое животное онъ хотѣлъ бы быть обращеннымъ? Онъ печально отвѣтилъ:

Признаться, я не хлопочу
Быть превращенъ въ орла иль галку;
Какъ русскій, шпорамъ и бичу
Предпочитая палку,
Осломъ я быть хочу.

Но всякое серьезное раздумье, даже тоска, были непродолжительны и не въ духѣ характера Воейкова, горячо, но минутно все чувствовашаго. Вся жизнь его была отрывочнымъ сцѣпленіемъ вспышекъ, гнѣва, лихорадочной работы и порывистыхъ свѣт-

скихъ развлеченій. Очень добрый и чувствительный по душѣ, онъ и подъ конецъ жизни, какъ и въ началѣ, жилъ спустя рукава, и съ вѣчнымъ своимъ самодовольствіемъ и мелкимъ самалюбивымъ ропотомъ исписывалъ свой дневникъ замѣтками такого рода:

«1833 г. Хромоногій редакторъ *Русскаго Инвалида* (*) сдѣлалъ пріятную прогулку изъ села Рыбацкаго на Невскіе пороги. Воейкову исполнилось 54 года. Погода стояла ясная и теплая».

«1834. Беззаконіе и гадость... Старичокъ Воейковъ пошаливалъ. *Искренніе мои и друзья мои, видя язву мою, отступили, вдали стоятъ ближніе мои. Я согбенъ и поникъ чрезмѣрно, весь день хожу мраченъ.* (Псаломъ Давидовъ, XXXVII).

«1835 г. Въ Троицынъ день и въ Духовъ, Воейковъ сдѣлалъ отмѣнно-пріятную прогулку по Невѣ, на кладбище Пороховаго завода, къ могилкамъ двухъ Олегъ.»

«Воейковъ обѣдалъ у Жуковскаго, завтракалъ у Козлова, посѣтилъ Крылова.»

«1835. Воейкову исполнилось 56 лѣтъ отъ рожденія, въ селѣ Рыбацкомъ, на Бугоркахъ.»

(*) Это не острота: Воейковъ дѣйствительно былъ хромой. Возвращаясь съ одного обѣда, въ 1824 г., онъ былъ опрокинутъ кучеромъ въ Садовой улицѣ, совершенно расшибъ себѣ жилы у лѣвой ноги и большую бедренную кость. Печальное происшествіе это имѣло для него свои хорошія послѣдствія: оно соединило Воейкова съ его семействомъ, съ которымъ онъ, по нѣкоторымъ семейнымъ непріятностямъ, былъ въ продолжительной разлукѣ.

«1836. Въ субботу, старый переводчикъ *Садовъ*, Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ сидѣлъ дома. Онъ много сочинялъ.»

«1836. Воейковъ болѣнъ, Воейковъ одинъ, всѣ други его теперь при дворѣ — на балѣ.»

«1836 г., августа 30, исполнилось беззубому Александру Ѳедоровичу Воейкову 57 лѣтъ, а онъ все рабъ грѣха и въ грязи пачкается. Горе, горе, горе!»

«1837 года, въ Петроградѣ, Воейковъ былъ на вершокъ отъ смерти. Піявки спасли!»

«Старый редакторъ *Русскаго Инвалида*, при жаркой погодѣ, сдѣлалъ пріятнѣйшую поѣздку. Воейковъ — критикъ опять расцвѣлъ душою! Онъ дѣлалъ благоразумные планы на будущее время.»

«1838. Старому хрычу Воейкову будетъ ударъ, если онъ не станетъ воздерживаться.»

«Воейковъ заболѣлъ. Онъ сидитъ дома, мучимый флюсомъ, зудомъ въ ногахъ и безсонницею.»

«Горе, горе, горе! *Враги мои живы, сильны и многочисленны ненавидящіе мя безвинно. Да будутъ постыждены и поражены ужасомъ всѣ враги мои, да возвратятся, и будутъ постыждены мгновенно.* (Изъ псалма Давидова.)

«1839 г. Журналистъ Александръ Воейковъ сдѣлалъ пріятную прогулку въ Островки, деревню генералъ-лейтенанта Павла Васильевича Чоглокова. Время провелъ чудесно — по свѣтски. Была пріятельница моя, графиня Полина Т*. Я читалъ и импровизировалъ стихи по-французски.»

Дальнѣйшихъ выписокъ не дѣлаемъ. Они и безъ того, кажется, характеристически представляютъ

подвижность и смѣшеніе душевныхъ интересовъ нашего автора.... Это было основаніемъ его характера, и потому -то при всѣхъ усиліяхъ онъ ничего не могъ сдѣлать серьёзнаго ни въ жизни, ни въ литературѣ. При самолюбіи и избалованности, онъ до того вѣрилъ въ самаго себя, что даже не замѣчалъ, что съ каждымъ новымъ днемъ онъ дѣлается какимъ-то литературнымъ анахронизмомъ.

Лучшее для него время давно уже прошло, время появленія сатиры «Дома Сумасшедшихъ.» Потомъ онъ жилъ насчетъ ея въ литературѣ слишкомъ долго, и даже въ послѣднее время, т. е. въ 1838 году, передѣлывалъ эту же самую сатиру, внося туда людей другой эпохи и интересовъ, какъ напримѣръ Бѣлинскаго, Сенковскаго и другихъ. Считая себя великимъ критикомъ, онъ видѣлъ въ Бѣлинскомъ одно нахальство. Это впрочемъ понятно, при его самолюбіи и литерурномъ сиротствѣ. Но спрашивается: кто воспитывался на критикахъ его, Воейкова, и кому они принесли пользу? Какъ критикъ, Полевой былъ несравненно выше Воейкова; какъ журналистъ, г. Булгаринъ сдѣлалъ конечно полезнаго мало, но зато по крайней мѣрѣ десять тысячъ человѣкъ пріохотилъ къ русскому чтенію. Воейковъ и того не сдѣлалъ. Чѣмъ же объяснить ту любовь, которою онъ такъ долго пользовался отъ первокласныхъ нашихъ поэтовъ? Рѣшить, право, довольно трудно. Мы думаемъ такъ: Воейковъ обладалъ очень хорошимъ вкусомъ въ поэзіи, былъ чистосердеченъ въ своихъ литературныхъ сужденіяхъ, связанъ родствомъ и дружбою съ первыми нашими

литераторами; кромѣ того былъ веселъ, остръ, находчикъ, обладалъ обширнымъ образованіемъ,—и это едва ли не было главною причиною его продолжительной, но не прочной славы. Публика, хотя инстинктивно, но поняла это раньше, а потому-то Воейковъ и не пользовался у ней, какъ критикъ и журналистъ, никакимъ значеніемъ. Да и что въ самомъ дѣлѣ она могла извлечь изъ его стиховъ безъ поэзіи, изъ его «*Новостей Литературы*», изъ «*Славянина*», изъ отдѣла, считавшагося остроумнымъ, *Хамелеонистики*», которымъ восхищались только его друзья, да завидовалъ Хвостовъ и подобные ему литературные несчастливцы? Публика на этотъ разъ не ошиблась: въ глазахъ ея, Воейковъ написалъ одну вещь: сатиру «Домъ Сумасшедшихъ», которая развлекла ея вниманіе — да сдѣлалъ потомъ нѣсколько удачныхъ переводовъ изъ древнихъ классиковъ. О «*Садахъ*»-же и говорить нечего, потому что сама поэма Делиля не заслуживаетъ никакого серьёзнаго вниманія,—тѣмъ болѣе не стоило ея переводить на русскій языкъ и еще болѣе гордиться славою переводчика Делиля.

Но Воейковъ очень много трудился по части открытія спондеевъ въ русскомъ стихосложеніи, — скажутъ намъ Довольно слѣдующихъ стиховъ, чтобъ показать успѣшность его въ этомъ предпріятіи:

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!
Мы ихъ найдемъ, исчисля дѣянія Россовъ:
Галлъ, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ, Турокъ,
Сарматъ и Саксонецъ,—
Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли, и всѣхъ охраняемъ!

Въ заключеніе скажемъ: четыре поэтическія и литературныя эпохи пронеслись надъ головою Воейкова: время Державина, Княжнина и Хераскова, потомъ время Капниста, Мерзлякова и Озерова, далѣе —Жуковскаго, Гнѣдича, Батюшкова, Крылова и наконецъ Пушкина, Гоголя, Грибоѣдова и Бѣлинскаго. Отъ Державина до поэта Туманскаго включительно, онъ зналъ всѣхъ лично, но, сочувствуя каждой эпохѣ, онъ не могъ быть настоящимъ дѣятелемъ ни одной изъ нихъ. Въ сатирическомъ талантѣ его не было ни малѣйшей капли творчества, —это была одна раздраженная горечь, безъ серьёзнаго огня. Онъ правду только чувствовалъ по отношенію къ себѣ, только собственная боль заставляла его вспоминать, что на свѣтѣ болѣютъ и другіе. Безпрерывно воюя съ своими, часто мнимыми врагами, онъ въ сущности не воевалъ ни съ кѣмъ, хотя имѣлъ всегдашнее притязаніе на злаго сатирика. Продолжительная слава его при жизни и посмерти есть лучшее доказательство, какъ мало у насъ взвѣшиваютъ дѣятельность людей.... Хорошій другъ своего кружка, Воейковъ былъ плохой другъ русскаго общества, — и вотъ почему, при недостаткѣ творческихъ способностей, онъ ничего не могъ внести благотворнаго въ свою дѣятельность. Она прошла шумно, но безъ всякихъ послѣдствій....

Писатель этотъ также кончилъ, какъ и началъ свое литературное поприще: незадолго до своей смерти, задѣтый за живое дружескою насмѣшкою нашего геніальнаго лѣнивца, Ив. Ан. Крылова, Воейковъ по обыкновенію встрепенулся всѣмъ сво-

имъ самолюбіемъ, взглянулъ на Крылова, какъ на врага, и написалъ стихи, чрезвычайно мѣтко выразивши состояніе нашей литературы въ послѣдніе дни жизни Воейкова: (*)

Державинъ спитъ въ сырой могилѣ;
Жуковскій пишетъ чепуху;
И ужь Крыловъ теперь не въ силѣ
Сварить «Демьянову Уху».

Этимъ мы заключимъ нашу характеристику о Воейковѣ.

(*) Г-въ Княжевичъ говоритъ, что стихи эти написаны Миловановымъ. Мы не думаемъ сомнѣваться въ справедливости этого замѣчанія, хотя люди, коротко знавшіе Воейкова, увѣряли насъ и увѣряютъ, что стихи эти принадлежатъ Воейкову, и были написаны имъ по поводу неудовольствія его съ Крыловымъ. Какъ-бы то ни было, ошибки въ такомъ дѣлѣ неизбѣжны и мы благодаримъ г. Княжевича за его добросовѣстную замѣтку.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА.

LIBRARY OF CONGRESS
00025062723